

**10 юбилейная межрегиональная
специализированная выставка**

ОБРАЗОВАНИЕ от А до Я КАРЬЕРА

25-28 марта 2008 КОСК «Россия»

При поддержке:
- Правительства Свердловской области
- Министерства общего и профессионального образования Свердловской области
- Управления образования Администрации г. Екатеринбурга
- Уральского отделения Российской академии образования
- Форума женщин УрФО

Образовательные учреждения

- Учреждения среднего и высшего профессионального образования
- Учреждения общего и дополнительного образования
- Обучение за рубежом, международные образовательные центры
- Бизнес-образование

Карьера

- Повышение квалификации
- Центры профподготовки на предприятиях

Обеспечение учебного процесса

- Научно – методическое, правовое и кадровое обеспечение образования
- Информационные технологии в образовании
- Учебная, методическая, справочная, деловая литература, пособия
- Оргтехника, канцтовары
- Учебное оборудование, мебель
- Одежда для учащихся

Ярмарка вакансий

В программе выставки:

Пленарное заседание "Новые образовательные стандарты",
Круглый стол «Участие общественности в управлении образовательным учреждением» (организатор Форум женщин УрФО),
конференции, презентации, юбилейные мероприятия

620072, г. Екатеринбург, ул. Высоцкого, 14
Тел/факс: (343) 347-45-05, 348-25-55
e-mail: jkovenko@kosk.ru, www.kosk.ru

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ МЕДИА-СПОНСОРЫ

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
uralstalker.ru

Уральский следопыт, февраль 2008

февраль
2008

**ЛЕДНИКОВОМУ ПЕРИОДУ
КОНЕЦ!**

Екатеринбург — альпинистская столица России

Конец ледникового периода. Начало положено

«Уральский следопыт» совместно с магазином «Альпиндустрия» при поддержке Администрации города Екатеринбурга провел грандиозный праздник ледолазания в самом центре Екатеринбурга, на площади 1905 года в ледовом городке, в последний день его работы. «Уральский следопыт» — молодежно-патриотическое издание. Многие годы журнал вносит весомый вклад в формирование менталитета подрастающего поколения с учетом историко-культурных традиций родного края и способствует усилению роли молодежи в формировании позитивного имиджа региона.

3 февраля в 15-00 на площади запертели яркие комбинезоны спортсменов-альпинистов, возле ограждения были поставлены небольшие палатки. Непонятное на первый взгляд действие притягивало зрителей. К началу мероприятия у сцены собралось уже немалое количество народа.

Фото: Вадим ОСИПОВ,
Дмитрий ХЛОПУНОВ

Уральский следопыт, февраль 2008

межрегиональная специализированная выставка

ОБРАЗОВАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИ *и развитие*

25-28
марта
2008

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ВЫСТАВКИ:

- @ Образовательные учреждения различных типов и видов
- @ Инновации в образовании
- @ Бизнес-образование
- @ Технические и наглядные средства обучения: оборудование, мебель, канцтовары
- @ Учебно-методическая литература, пособия, издательская продукция
- @ Образовательный туризм: центры детско-юношеского и семейного досуга, туристические организации
- @ Всё для выпускного вечера: одежда, обувь, аксессуары, услуги
- @ Средства массовой информации

СПЕЦПРОЕКТЫ:

- @ Международные программы в сфере образования для старшеклассников, студентов, преподавателей: волонтерская инициатива, международные визиты, стажировки, профессиональный обмен, изучение иностранных языков
- @ Физкультура и спорт: физкультурно-спортивные услуги, спортивный инвентарь, тренажеры, спортивная одежда, оборудование
- @ Ярмарка вакансий: центры и службы занятости, кадровые агентства, переподготовка, повышение квалификации, консультации, тестирование, трудоустройство

ОРГАНИЗАТОРЫ:

- @ Министерство общего и профессионального образования Свердловской области
- @ Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области
- @ Департамент Государственной службы занятости населения по Свердловской области
- @ Управление образования Администрации города Екатеринбурга
- @ Уральское отделение Российской академии образования
- @ ГОУ ДПО «Институт развития регионального образования Свердловской области»
- @ Компания «ЭкспоГрад»

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ:

- @ Совета ректоров ВУЗов Свердловской области
- @ Совета директоров учреждений СПО Свердловской области
- @ Военного комиссариата Свердловской области
- @ ГУ Центра занятости населения Екатеринбурга

ВЫСТАВОЧНЫЙ ОПЕРАТОР:

Компания «ЭкспоГрад»
Тел./факс: (343) 379-04-28, 379-04-29
e-mail: socium@expograd.ru
www.expograd.ru

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

Екатеринбург
ГРВЦ, Громова, 145

Екатеринбург

www.expograd.ru

— Нам повезло, что на этой площадке построили такой замечательный тренажер. специально для того, чтобы мы могли провести подобные соревнования, — заявил на открытии праздника заслуженный мастер спорта по альпинизму, за плечами которого пять восхождений на Эверест, член Наблюдательного совета журнала «Уральский следопыт» Евгений ВИНОГРАДСКИЙ.

Ледовый тренажер

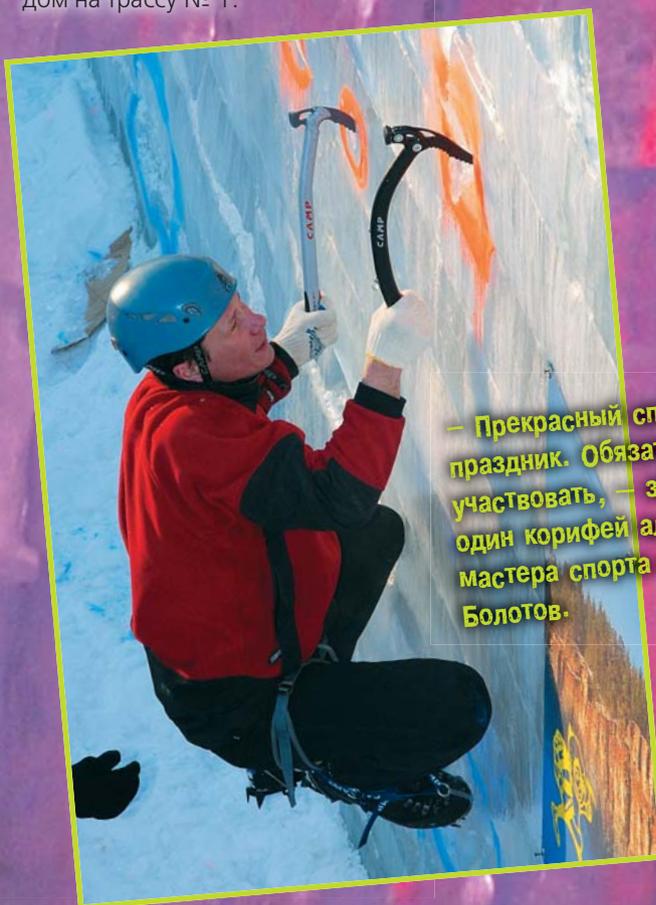
— Нам повезло, что на этой площадке построили такой замечательный тренажер. Будем надеяться, что такие ледовые башни возведут на всех площадях города, специально для того, чтобы мы могли провести подобные соревнования, — заявил на открытии праздника заслуженный мастер спорта по альпинизму, за плечами которого пять восхождений на Эверест, член Наблюдательного совета журнала «Уральский следопыт» Евгений Виноградский.

Вообще, задача спортсмена — участника соревнований «Конец ледникового периода» — пройти на скорость и на сложность несколько коротких и сложных трасс.

Обычно при ледолазании используются молотки нескольких видов — для рубки ступеней во льду или для забивания скальных крючьев. К квалификации допускаются все, имеющие свое снаряжение: страховочная система, каска, кошки, ледовые инструменты. Трасса Рэдиссон — лазание для профессионалов — представляет собой стену высотой 12 метров с

верхней страховкой. Сделана также горизонтальная трасса высотой два с половиной метра — для разминки спортсменов перед выходом на трассу № 1.

Вторая трасса — внешняя стена макета гостиницы «Исеть» — для начинающих, любых физически подготовленных людей. Снаряже-

— Прекрасный спортивный праздник. Обязательно буду участвовать, — заявил еще один корифей альпинизма — мастера спорта Алексей Болотов.

ние для ее прохождения предоставляли организаторы.

**«Пусть вы в варежках,
но аплодисменты слышны»**

Ведущий пригласил на сцену еще одного корифея альпинизма — мастера спорта Алексея Болотова. Спортсмен вышел в полной амуниции, готовый к покорению самой высокой ледяной стенки.

— Прекрасный спортивный праздник. Обязательно буду участвовать, — кратко резюмировал Алексей и отправился к палатке организаторов — следить за судейством и делать последний осмотр трасс.

— Мы начинаем очередной спортивный проект, — заявил глав-

Участники приступили к прохождению трасс, по-паучьи цепляясь за подготовленные организаторами заранее отверстия во льду, пытаясь удержать равновесие, когда опорой служат только кошки, а вместо рук цепляются приходится двумя изогнутыми металлическими крючками. Трасса Рэдиссон — лазание для профессионалов — представляет собой стену, высотой 12 метров с верхней страховкой

ный редактор журнала «Уральский следопыт» Максим Фирсов. — В этом году — первое мероприятие по ледолазанию. Хочется, чтобы этот спортивный праздник стал ежегодным.

По мнению Сергея Смолкина, директора магазина «Альпиндустрия», наша школа альпинизма является ведущей на данный момент.

— Рад видеть такое количество людей, которых заинтересовали альпинизм и ледолазание. Это давняя мечта провести подобное мероприятие именно в центре нашего города. Я благодарен журналу «Уральский следопыт», за замечательную идею сделать такой спортивный праздник и за те усилия, которые приложила редакция, чтобы проведение этого турнира стало возможным. В наших мечтах и в наших возможностях сделать этот фестиваль ежегодным. Мы будем только рады, если число его участников возрастет.

Почувствовать лед

О том, насколько сложны дистанции, предложенные сегодня участникам, мы спросили у «Снежного Барса» Евгения Виноградского.

— Конечно, сложны. Это же лед, надо хорошо стоять на кошках, правильно их вбивать и правильно располагать тело. Природный лед, разумеется, тоже бывает разного качества, примерно такой, как здесь, попадает и в горах. Трассы не самые простые, но, думаю, я бы справился.

Участники приступили к прохождению трасс, по-паучьи цепляясь за подготовленные организаторами заранее отверстия во льду, пытаясь удержать равновесие, когда опорой служат только кошки, а вместо рук цепляться приходится двумя изогнутыми металлическими крючками («айс фи-фи»).

Как сказал «Уральскому следопыту» один из участников, Максим Михайлов, занимающийся альпинизмом третий год, — главное — участие в турнире, а результаты покажут, кто на что годится.

— И еще, эти соревнования — неплохая возможность проявить себя.

А вот Наталья Мелёхина призналась, что пробует себя в ледолазании — сегодня в первый раз. Хотя с природным льдом встречаться приходилось и не раз...

— Я занимаюсь горным туризмом — хожу вместе с мужем в горы разной категории сложности. Были случаи, когда приходилось преодолевать ледники, ледовые перевалы. Ведь ледолазание — это часть горного туризма.

Еще для одного участника, Антона Еремина «Конец ледникового периода» — это, скорее, развлечение.

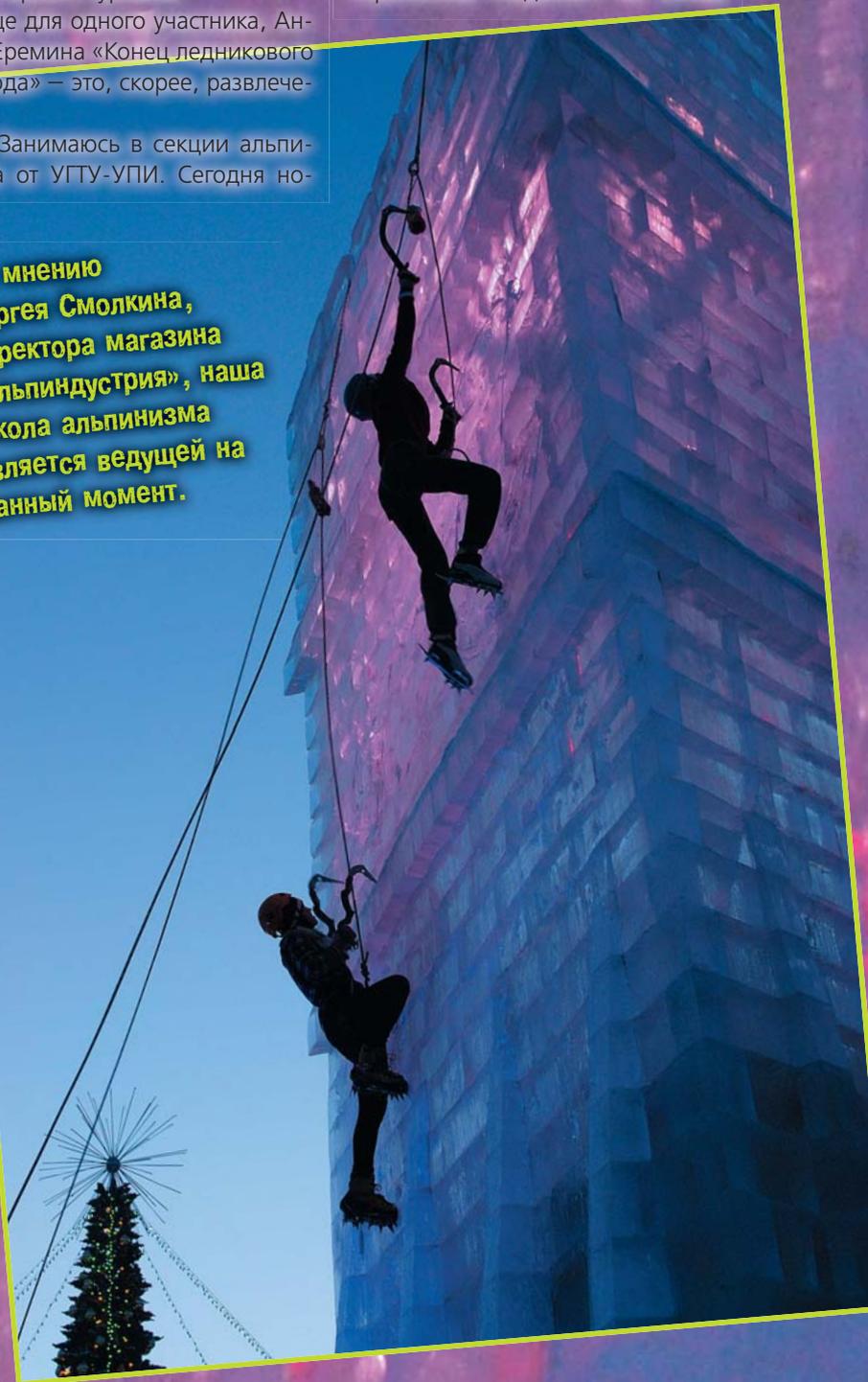
— Занимаюсь в секции альпинизма от УГТУ-УПИ. Сегодня но-

чью выезжаем в очередную экспедицию — в Казахстан.

Таковы планы тех, кто уже успел почувствовать и распробовать острый и заманчивый вкус ледовых баталий. Новички же, те, кто первый раз надел кошки взял в руки инструмент, впервые поднялся по гладкой ледяной стенке на пятиметровую высоту, судя по блестящим глазам, и непреодолимому желанию покорить трассу теперь точно «подсели» на альпинизм.

Похоже, своим проектом «Уральский следопыт» не только

По мнению Сергея Смолкина, директора магазина «Альпиндустрия», наша школа альпинизма является ведущей на данный момент.

продемонстрировал то, что Екатеринбург — одна из столиц альпинизма, но и «затащил» в этот несколько сложный, настолько и красивый спорт около сотни ребят.

— Спрашивали, как записаться к нам в секции. Так что в ближайшее время у нас — наплыв молодежи. — Сказали присутствовавшие здесь представители секций альпинизма и скалолазания.

Победители ледового турнира

Аня Токарева, успешно прошедшая квалификацию, — первая в финале, только вчера приехала с этапа кубка России по ледолазанию, который проходил в Магнитогорске.

— В Магнитогорске выступила не очень, а в Коуровке, где проходил первый этап кубка России, была второй. Совсем скоро пройдет следующий этап кубка — межгорье в Башкирии. Затем этап в Архангельске, потом в Ижевске, и все закончится в Кирове Чемпионатом России.

И, по мнению наших участников, Екатеринбург — действительно одна из альпинистских столиц России. Четверо членов сборной команды России по альпинизму из Свердловской области. Среди них — Николай Примеров — обладатель кубка мира.

Новички, судя по блестящим глазам, и непреодолимому желанию покорить трассу теперь точно «подсели» на альпинизм

Победителями турнира стали: I место — Юрий Симонов (разряд 2с), II место — Кильдияров Сергей (разряд 1с), III место — Брыляков Андрей.

Победителями турнира стали: I место — Юрий Симонов (разряд 2с), II место — Кильдияров Сергей (разряд 1с), III место — Брыляков Андрей.

В любом случае, спортивный праздник, инициатором проведе-

ния которого был журнал «Уральский следопыт» доставил огромное удовольствие участникам и многочисленным зрителям, наблюдавшим поединки спортсменов со льдом.

Внимание!

Майский экстрим-2008

Весной 2008-го уже двенадцатый раз ООО «Уральский следопыт» будет проводить водно-спортивный праздник «Майский экстрим», одно из наиболее ярких спортивно-развлекательных событий в жизни города, увлекательное шоу, популярное не только среди спортсменов, но и среди уральцев, собирающее более 150 участников и до 5000 зрителей. В этом году кроме водного шоу на акватории реки Исеть и показательных выступлений спелеологов на веревках в створе Плотины городского пруда, выставки снаряжения для туризма и активного отдыха планируется выступление альпинистов на стенде и водомоторные соревнования на городском пруду.

Приглашаем для участия на выставке снаряжения магазины и производителей товаров, фирмы, оказывающие туристические услуги.

ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ
Уральский следопыт, февраль 2008

УРАЛЬСКИЙ следопыт МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ-2008

www.uralstalker.ru
uralstalker@mail.ru

при участии:

- турклуба УрГУ
- министерства по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области
- управления по развитию физической культуры, спорта и туризма г. Екатеринбурга

25 мая

- выставка спортивного снаряжения с 10:00
- веревочные трассы в створе плотины с 12:00
- водные состязания на Плотинке 14:00
- старт водной гонки 16:00
- награждение 19:30

Не за горами весна. Вскрытие закованных до этого в лед своенравных уральских рек, новый виток в нескончаемом круговороте, радующий нас яркими цветами, щедротами лесов, и, конечно, красотой заповедных мест Урала.

«Уральский следопыт», знает, что своенравный характер месяца-февраля с изменчивыми ветрами и неожиданными оттепелями, сменяющимися колючими морозами, не остановит настоящих путешественников и туристов, исследователей, стремящихся увидеть и узнать красоту родного края во всех ее проявлениях и получить новые эмоции от преодоления сложностей нашего уральского климата, найти интересные факты в истории области и региона и получать удовольствие от уральской литературы.

Для путешественников «Уральский следопыт» подготовил материалы об интересных маршрутах – рассказ о путешествии на перевал Дятлова, увлекательные истории от знаменитого исследователя Николая Геннадьевича Ерохина и отчет о новом проекте «Уральского следопыта» – соревнованиях по ледолазанию, которые проходили на площади 1905 года.

Для тех, кто любит делать открытия, не выходя из теплой, уютной квартиры Юний Горбунов, редактор раздела «Река времени» подготовил материалы историков и краеведов. Светлана Надь, редактор раздела «Свеча горела» представит уже знакомых нам прозаиков и поэтов, — откроет несколько новых имен. Ведущий фантаст на Урале, редактор раздела «Аэлига» Борис Долинго предложит читателю произведения лучших российских писателей-фантастов.

Редакция журнала «Уральский следопыт»

38 Евгений Бирюков познакомит читателей с жителями Папуа-Новой Гвинеи, где недавно был екатеринбургский художник Станислав Белоглазов. Оказывается, вождя племени могут мумифицировать и показывать народу в торжественных случаях, и как миссионеры не старались нарядить папуасов в шорты и футболки, те признают за одежду только высушенный тыквенный стебель...

76 Зинаида Голубчикова, сотрудник историко-этнографического музея в Алапаевском районе Свердловской области, рассказала об уникальном свадебном обряде, который продолжается девять дней – начинается со сватовства и заканчивается «притаптыванием половиков» – дорожки, символизирующей дорогу в новую жизнь, притоптать которую положено ближайшим невесте и жениху людям в последний день свадьбы.

На странице **14** читайте о незаурядном горном инженере – Адольфе Александровиче Агте. Как говорит автор материала, **Наталья Землянская**, в Екатеринбурге не нашлось людей, сумевших по достоинству оценить заслуги этого незаурядного человека.

60 В.Федоров Река времени на этот раз унесет нас в начало сороковых годов, на один из заводов Екатеринбурга пришел читать свои сказы П.П.Бажов. И молодой рабочий Олег Плотников, услышав таинственные истории о Хозяйке, Даниле-мастере от самого писателя, навсегда стал пленником тайн, скрытых в минералах.

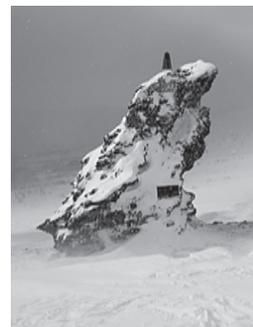
46 Людмила Щипахина Все лихорадочней, заметней Он торопил упрямый бег... Никто не знал, что он последний. А это был последний снег.

74 Евгений Лотош в седьмом выпуске цикла материалов «Ошибки и штампы в фантастике» рассматривает стереотипы, связанные с экологией и экономикой.

52 Автор Северных баек, **Николай Ерохин**, утверждает, что про взаимоотношения человека и Севера ходит немало мнений. – Говорят, что он никого не оставляет равнодушным; что, попав туда однажды, не сможешь забыть и будешь стремиться вернуться туда вновь и вновь; что зверь там непуганый, а люди человечнее... В этом номере читайте продолжение истории Николая Ерохина о путешествии на Хадыгу.

На странице **48** отчет об экспедиции «Уральского следопыта», цель которой проложить для читателей маршрут до перевала Дятлова – места трагической и таинственной гибели девяти студентов радиофака УПИ.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

февраль 2008

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

Архивы

Я. БЕЗРУКОВ По северу верхотурского уезда 8

Портреты

Н. СЕМЛЯНСКАЯ Агте — горный инженер 14
В. ФЕДОРОВ Азимут жизни 60

Клуб собирателей

В. ПУРОНЕН Белый раджа Саравака.
Филипп Феррари и еще сто миллионов 18

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России 21

По белу свету

Е. БИРЮКОВ «...Люди-дикари, на лицо ужасные,
добрые внутри» 38

Далекое - близкое

З. ГОЛУБЧИКОВА «Ах, эта свадьба...» 76

Мир мифов

С. КОРСАК На границе двух миров 79

АЭЛИТА

Законы Вселенной

Е. ГАМАЮНОВ Нет тебя! 35

Координаты чудес

И. АФАНАСЬЕВА Интервью с Кощеем 40
О. ДЫЛДИНА Сказка для дочери 64

Повод для улыбки

В. РОГОЖИН Блюз 71

Сумма технологий

Е. ЛОТОШ Ошибки и штампы в фантастике 74

СВЕЧА ГОРЕЛА

Время мастера

Ю. КОНЕЦКИЙ Стихи 11
А. ЧУМАНОВ История Вовы и Светы 22
В. БЛИНОВ Елка за закрытыми ставнями 66

Новые встречи

Л. ЩИПАХИНА Стихи 46

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Проекты «Уральского следопыта»

Е. ДУРЕКО Конец ледникового периода.
Начало положено 2 пол. обложки

Маршруты «Уральского следопыта»

М. ФИРСОВ Экспедиция на перевал Дятлова 48
И. КУЗНЕЦОВА Северный Урал... Сказка зимой и летом 20

Байки от Геннадьича

Н. ЕРОХИН Северные байки. Хадыта-85 52

Главный редактор — Максим Ю. Фирсов.

Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов,

Б.А. Долинго, С. А.Надь.

Худ. редактор, верстка — Ю.В. Ульянова.

Художники — А. Митрофанова, Я. Ахметшина.

Ответственный секретарь — Е. Ю. Дуреко.

Набор — В.М. Кадочникова.

Корректор — Т.В. Сергеенко.

Фото 1 полосы обложки — Д. Хлопунов

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Издатель — СОЮЗ «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
- Семен Спектор, заслуженный врач России.
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал «Уральский следопыт» благодаря администрации города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции и издателя: 620014,
г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014,
г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья
Кроме того, мы предлагаем Вам подписку через редакцию. Справки по тел. (343)269-22-34

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 5 подписан к печати 25.01.2008 года.

Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУПСО «Сухоложская типография», 624800, Свердловская обл., г. Сухой Лог, ул. Милицейская, 6; тел. 8 (34373) 43-746. Заказ № 418.

По северу Верхотурского уезда

Путевые заметки

Утро было не раннее. Июльское солнце сильно припекало группу, пробирающуюся на глухой таёжный прииск. Комар пел, овод всё больше и больше донимал. Непривычному к такой массе врагов пришлось энергично натянуть на голову тюлевую черную сетку.

Ветерок скользит поверху тайги, пошумливая верхушками сосен, елей и пихт. При спуске по тропинке к речке Талице один из артели свернул шагов 20 в сторону и взобрался на камень. Дикая северная природа Урала, почти не тронутая рукой человека, была своеобразно хороша... Глубокая долина речки Талицы, сплошь поросшая тёмно-зеленым хвойным лесом, видна была версты на 2, на 3... Там она как в одну, так и в другую сторону за значительными поворотами казалась окончившейся. Из крутых склонов долины всюду торчали одинаковые камни, белые, истрескавшиеся, причудливо усаженные, где только возможно, кустиками и деревьями. Преобладающая форма — громадный каменный клин. Казалось, великан-богатырь искрошил каменные склоны громадным мечом и часть этих осколков остановилась в своем падении.

Приближаясь к мосту через Талицу, около которого поставлена золотопромышленником новенькая лесная избушка — для зимовья, путники были встречены

целым хором молодых собачьих голосов. Неподалеку от мостика, где кусты отступали несколько от берега, на лужайке был шалаш остяка. На чистейших водах Талицы плавала новая лёгонькая остяцкая лодка, около шалаша в шамейке сложено сушеное мясо зверя, пониже болталась связка вяленого хариуса, ружьё, котел и пр. домашний обиход.

Пока путники цыкали на рьяный собачий молодец, из-под полога, в каком по лесам летом устраивается постель, вылез здоровенный остяк. Он так сладко, лениво и свободно потягивался под лучами теплого солнца, что невольно просился на картинку с тенденциозною надписью: «Вольный сын северного леса». Роскошные, спутанные, слегка выющиеся черно-сизые волосы до плеч, коротенькие штаны, распущенная, не подпоясанная рубаха, голые, крепкие ноги — все шло к окружающей обстановке.

Только расправивши уставшее за ночь тело, он счел нужным отозвать собак и даже перевязал их на ремешки к стану.

— Ты чево, Васька, долго спишь, — говорит один рабочий. — Мы уже 20 верст прошли, а ты всё спишь.

— Я сейчас вставал, — отвечает Васька, улыбаясь во всё лицо.

В 1895 г. Яков был арестован за пропаганду революционных идей. После этого он несколько лет находился сначала под гласным, затем под негласным надзором полиции.

В 1900 — 1901 гг. жил в Надеждинском заводе (ныне г. Серов), Боголовском заводе (ныне г. Карпинск), трудился слесарем, вел пропагандистскую и просветительную работу среди населения. В Надеждинске организовал из рабочих драматический кружок. В это же время Яков Григорьевич много путешествовал по самым глухим и неосвоенным местам Северного Урала.

В 1905 г. Безруков женился на Софье Павловне Миронычевой и поселился сначала в Нижнем Новгороде, затем в Баку, а с 1907 г. — снова в Нижнем Новгороде. В эти годы он работал журналистом в газетах «Бакинские известия», «Каспий», «Нижегородский листок».

После революции Безруков с семьёй продолжал жить в Нижнем Новгороде.

де. Работал в Центросоюзе. С 1927 г. Яков Григорьевич — на пенсии, однако, трудится. Занялся краеведением, сотрудничал сначала в местном краеведческом музее, затем в мемориальном музее «Домик Каширина», где собрал уникальную коллекцию воспоминаний об А. М. Горьком.

В Государственном архиве Свердловской области хранятся рукописи статей и рассказов Я.Г. Безрукова. Среди них для нас, уральцев, особенно интересны его записки, сделанные в ходе путешествий по северу Верхотурского уезда в 1900—1901 гг. Безруков побывал на глухих таежных приисках у речки Талицы, собрал романтические истории, песни, легенды. Вниманию читателей предлагается лишь небольшой фрагмент из путевых записок Якова Безрукова, посвященных поездке по Ивдельскому краю.

Ольга Бухаркина, сотрудник Государственного архива Свердловской области.

Группа пермской интеллигенции (около 1896 г.). В третьем ряду пятый справа — Я.Г. Безруков

— Ну, пача рюма, — говорит тот же старатель, подавая руку.

— Пача, пача.

И Василий жмет руку ему и спутникам.

— Че, Васька, рыбу можно? — говорит старатель, когда уже оторвал кусок сушеного хариуса и предложил угощаться остальным товарищам.

— Можно, можно.

Василий идёт к Талице с котелком, плещет из него на руки ... и потом обтирается остяцким полотенцем — специально наструганной тонкой, мягкой стружкой, затем вновь наполняет котелок и пристраивает над огоньком, который для этого пришлось возобновить. После этого сын природы, крепко расставя ноги, становится лицом к востоку и, шепча молитву, несколько раз кланяется.

Старатель нюхает сушеную зверину и находит, что она нехорошо пахнет.

— Ты че же, Васька, зверину-то проквасил?

— Ниче, собаки едят.

— А рыбу ловишь?

— Сырпа нет.

— Куда девался?

— Ванька утащил. Я оставил, он взял.

— Ты поколоти его за это.

— Зачем колотить, ему надо, видно.

Пока шел разговор и компания ела по куску хлеба, у Васьки поспел чайник. Он приготовил всё для чая, вытащил две чайные чашки и обтер их рукой снаружи и внутри.

— Что жену чай пить не будишь?

— Она встала, там сидит. — И обращаясь к постели, заговорил по-остяцки. Из-под полога раздался молодой женский голос.

— Неидет она, — объяснил Васька, улыбаясь.

— А ты зови!

— У ево жены коса до пят, баба ещё молодая, — объяснил старатель спутникам.

Долго велись переговоры между женой и Васькой... Наконец, показалась худенькая, стройная белокурая женщина в одной инородческой рубаше. Присаживаясь к чаю, она всё время старательно избегала глядеть на чужих. И только украдкой, на один момент, как-то боком, вскидывала глаза то на одного, то на другого мужчину.

Если бы не муж-остяк и уверения знакомого старателя, можно было сомневаться, что это остячка. Большие серые глаза, довольно красивое, правильное и ничуть не скуластое лицо, богатые, светло-золотистые волосы — всё обнаруживало значительное присутствие славянской крови. И действительно, рождение этой остячки позволяло думать, что она ближе была к славянам, чем к остякам...

Когда-то в здешние края приехал молодой ученый для изучения быта остяков. В роль переводчика ему удалось подыскать одну молодую остячку, которая в качестве сироты почти выросла в одном из русских селений, соприкасающихся с вымирающими остяками. Ученый прожил несколько месяцев, увёз по пути на одну из выставок свою переводчицу, и когда она вернулась в знакомый край, то была не одна, а с маленькой дочкой.

Ученый очень интересовался ребенком переводчицы, звал мать к себе, в столицу, присылал деньги. Но переводчица не могла расстаться навсегда с глухим, диким, но родным, дорогим ей севером. Она не могла выносить толкучки и духоты больших городов. Вскоре переводчица надумала навестить свою настоящую родину — юрты на Тошемке, там она заболела и умерла,

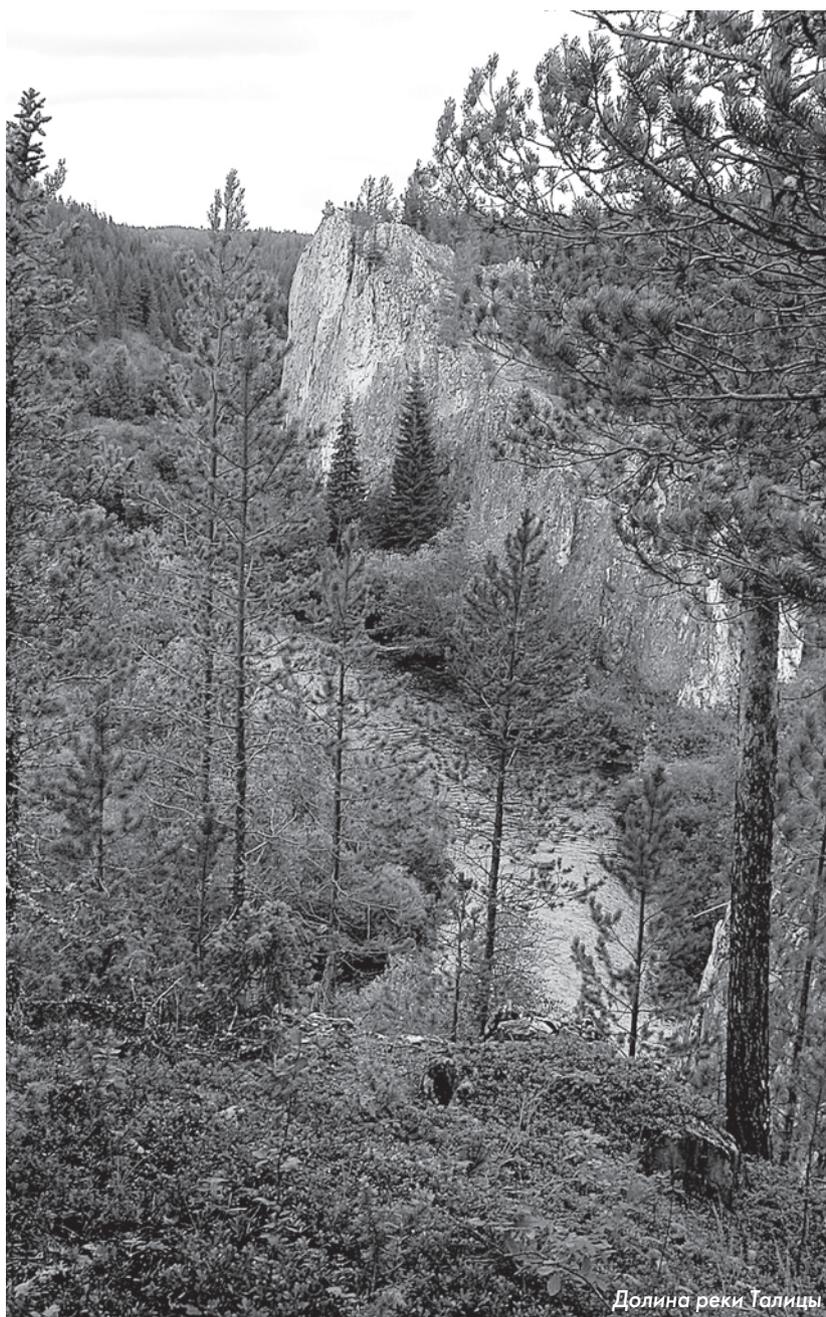
а двухгодовалая девочка осталась в семье дальних родственников-остяков, где только мужчины говорили по-русски десятка два слов, начиная от «водка рюма», кончая «хлеб», «есть», женщины же не говорили по-русски вовсе.

Так и затерялся этот полурусский ребёнок в остяцких юртах, где 15-летней девушкой подсмотрел и полюбил её Васька, незадолго перед тем вернувшийся в родное место.

Судьба самого Васьки тоже в значительной степени определялась его жизнью в русском селении. В одну из трудных минут со смертью отца мать с двумя парнишками и девочкой переселилась в ближайшее русское селение. Там она устроилась из-за хлеба себе и ребятам в работницы. Васька был самый младший, старшая была сестрёнка. Когда мать состарилась, ребята несколько лет поддерживали не вполне нравственный заработок сестры. Её в 15 лет взял в любовницы старик-вдовец, хозяин, у которого долго в работницах жила мать Васькиной семьи. В своё время это был один из владык края. У него были богатые прииски в период расцвета здесь этого дела, но успешней того была торговля с инородцами. Тут эксплуатация велась самым наглым и подлым способом: при помощи обмана, подвоха и, главным образом, спаивания водкой. Этот старик не ограничился «эксплуатацией» одной молодой остячки. Брата Васьки, Сёмку, он приспособил для работы в небольшой, безобразно поставленной кожевенной и скорняжной мастерской. Та же участь ожидала и подраставшего Ваську. Ваське было уже лет 12, и он видел, как за негодностью была «уволена» со двора почти совсем слепая его мать и таскалась по дворам, где день, где ночь, на положении нищей... Когда сестра его надоела старику, он прогнал и её со двора. Сестра пошла на один из ближайших бедных приисков, где опускалась всё ниже и ниже, переходя от настоящей приисковой работницы, имеющей одного «друга», к полной проституции. С чадом вечного похмелья безответный брат Сёмка захирел от работы и на двадцатом году умер.

Зато с Васькой старику не удалось справиться. Здоровый, крепкий и подозрительно озлобленный на инстинктивно понятое зло, он решительно отбивался от рук. Часто убегал и надолго скрывался по окрестным приискам и старателям, пропадал на долгие месяцы, таскаясь до поздней осени с остяками по кочевьям на «бичевниках». Там он полюбил родной край, родную природу, научился быстро и легко бегать, перепрыгивая, как сохатый, через валежник и колодник. Возвращаясь в селение, он уже носил ясный, неизгладимый отпечаток своего народа.

Васька, вернувшись на Тошемку, расспросил своих о прошлом. До того он ходил в одной экспедиции и слышал, что есть у народа история. В экспедиции он был с одним из обрусевших вогул и от него слышал русские песни, но слышал и много рассказов о прошлых днях народа. Тот вспоминал, что река Лозьва была усеяна остяцкими юртами, но опыт колонизации края часть отодвинул вглубь, часть же вымерла (легенда о Лосе, о железе ... Мы погибнем от железа). Он узнал, что русские, появляясь, уничтожают их. И он поклялся не сдавать старины родной.

Долина реки Галицы

Юрий КОНЕЦКИЙ

ВЛАСТЕЛИН**(Поучение Аменемхата)**

Как Бог, ты правь блистательно, мой сын!..
Внимай моим словам, сжимая скипетр —
Тогда, величием покорив Египет,
Всем тронам мира станешь господин!

Живи уединённо, сух и строг,
Поклонам тварей трепетных не веря —
Двуногие куда страшнее зверя —
Предателями полон твой порог!

Ни с кем из них не связывай себя,
Не заводи друзей из ближней свиты,
Советники-льстецы и фавориты
К добру вовек не приведут тебя.

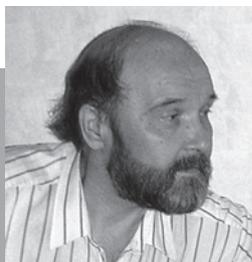
В постель бери не женщину — кинжал,
Ночную тьму окидывая взглядом,
Знай, что друзей ты не увидишь рядом
В час испытаний — сколько бы ни звал!

Кормил я нищих, привечал сирот,
Не забывал о них ни на минуту —
Неблагодарно поддержали смуту
Все те, кто ели хлеб моих щедрот!

В мои одежды облеклись они,
Те, с кем делил я мазей благовонье —
В мой ворвались гарем, и беззаконье
Творили там...
В переворота дни...

И статуи мои по всей стране
Стояли...
В храмах восхваляли имя,
И что велик деяньями своими...
Но мой триумф — лишь ты, что дорог мне!

Когда, взалкав, свергает бывший раб
Царя, который дал ему свободу —
В том пользы нет ни на обол народу,
Что слеп к своей удаче, глуп и слаб...

Юрий Конечкий — член Союза писателей России. Поэт, художник, переводчик, прозаик, историк литературы.

Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат всероссийских литературных премий им. Л.К. Татьяничевой, П.П. Бажова, Б. П. Корнилова...

Родился в 1947 году. Живет в г. Екатеринбурге.

В ту ночь пораньше я решил прилечь,
Отужинав на огненном закате,
Как плащ мой на пол в каменной палате,
Свалив заботы дня с усталых плеч.

Едва заснул, вошли бунтовщики,
Предательски схватив моё оружие,
Вокруг постели встали в полукружье,
Как скорпионы, обнажив клинки.

Я их услышал и проснулся вмиг,
Но продолжал лежать, таясь, как кобра,
Стучало сердце, словно молот, в рёбра,
Пока рукой нашаривал тайник...

И вот вскочив, я стал вонзать кинжал
Без устали в каком-то страшном раже —
В мятежников...
Но сам начальник стражи
Недвижно возле ног моих лежал!

Я разметал бы всех моих врагов,
Но, без поддержки, что мои удары? —
Начальник стражи не составил пары,
И я пленён...
Итог — увы! — таков.

Измену и свержения позор
Я стойко перенёс ... Смещённый с трона,
Я знал, мой сын: Теперь твоя — корона,
Ты — фараон Египта с этих пор!

Я объявил, что волею судьбы
Ты приступаешь к исполнению власти —
С распоряженьем этим стихли страсти:
Мои рабы — теперь твои рабы...

Так ночь преподнесла мне на десерт
Смертельные грибы моей печали...
Знай, что измены жён лежат в начале
Любых несчастий, сын мой Сенусерт!

Я так любил моих красивых жён,
За ночь любви дарил им по таланту! —
Они ж вокруг себя собрали банду
Изменников... Я был вооружён.

Я был всегда с удачею знаком —
Со дня рожденья.... Я в боях не мешкал —
Сражался, словно лев.... И вот в насмешку
Насильно связан женским пояском!

Так слушай! Это я установил
В стране порядок...
За Элефантину
Прошёл с триумфом вниз по Дельте... Сыну
Оставил край, где так безбрежен Нил!

Мои заслуги этой меркой мерь:
Был бог зерна любим моим народом...
В долинах плодородных с недородом
Не встретится ли край родной теперь?

Никто не жаждал, были сыты все,
Считал народ: «Мудры его приказы»,
И я не знал предательства проказы,
И плыло Солнце-Ра в своей красе...

Я льва и крокодила победил,
И усмирил нубийцев темнокожих,
И азиатов с их собачьей рожей
В паническое бегство обратил.

Я золотом покрыл мой новый дом
И изнутри украсил лазуритом,
Болты из бронзы, медью дверь обита,
Он простоит века на месте том.

С отчаяньем взирает на него
Скупая вечность! Боже всемогущий,
Все красоте его дивились сущей, —
Но не было мне мило ничего.

Тебя я жаждал, сын мой Сенусерт!
Пребудут пусть с тобой здоровье, сила!
...Родился ты, и сердцу стало мило,
И пусть твердят, что мир жестокосерд.

Душа раскрылась ярко, что павлин,
Чуть оживил ты криком стены дома,
И всех моих побед счастливых громы
Я посвящал тебе, мой первый сын!

Что сделано — я делал для тебя,
Порою не задумываясь даже,
И вот я пожил, и богатство нажил,
И отдаю его тебе, любя.

Отныне стань правителем, пора,
Носи достойно имя фараона,
Твоя, как лотос белая, корона
Равна по силе свету Бога Ра!

Я в небе в лодке Бога поплыву
И стану петь хвалу тебе, как птица —
Ставь статуи свои, готовь гробницу
И украшай деяньями молву.

Страною править должен ты один,
Никто не смей дышать тебе под ухо...
Я устраню соперника, — Синуха...
Твой брат мне сын, но он — не Властелин!..

СУЗДАЛЬ

А над Суздалем — жар сухопарого дня,
Пахнут стены сухим кирпичом,
И кузнечик, в тиши монастырской звеня,
Резво скачет под знойным лучом.

И монашки —
Поодаль за быстрым косяком —
Воршат вдоль ограды сенцо,
Да игуменья в чёрном,
С дебелым лицом,
Из притвора идёт на крыльцо, —

Замолила свои и чужие грехи
Пред иконами
Божья раба...

...В небе ласточек нет..
И молчат петухи,
Лишь над банькою мреет труба.

...Гул над Каменкой выплыл,
Где берег косой
Выгнут, словно нацеленный лук, —
Неужели досюда ростовский Сысой *
Дотянул свой раскатистый звук? —

Нет!

...Небо Суздаля,
Темнея сздали,
Не зная устали,
Вдруг тучи выстлали.

И стрелы-молнии
Метнула конница —
Гроза заполнила
Сады и звонницы.

Прошла от Муром
Орда — к Владимиру,
От хода хмурого
Округа вымерла.

Шумят орешины,
Как бабы бешено:
«Какого лешего? —
Вражину — спешивай!

* Сысой — имя громадного колокола звонницы
Ростова Великого.

Беритесь, лучники,
В страду военную,
За луки – лучшие,
За стрелки – верные.

На татя – с вилами! –
Чтоб кровью смазали
Всех, кто насилуют
И в погреб лазают!»

У дуба выела
Полкроны струями
Орда Батыева –
Рать заворуева.

Вершины слуганы
Грозой военной.
О, древо русское,
О, древо пленное!

Бойцы хоробрые
Упали замертво,
Но, люди добрые,
Не всё здесь замерло.

Татарин хвастает,
Что жён – не считано!
Дитю – скуластое
Лицо нести дано...

... Гроза прогрохала
И откопытила...
Даль долго охала,
Но – свет увидела...

Бояться хруста ли
Небесна донышка?

...И вновь над Суздалем
Сверкает солнышко...

И, углядев, что небо – чисто,
Покинув двухэтажный кемпинг,
Гидопослушные туристы
Гуляют, на лоб сдвинув кепи,

По монастырским тропкам узким
В лучах неспешного заката,
И в каждом человеке русском
Подозревают азиата...

В СТУЖУ

Студёный ветер набегом
Заносит улицы снегом,
И завывает тяжко...

И зябнут дворы,
Где нет детворы.
«Сидят по домам, бедняжки, –
Им нынче – не до игры...»

Но как удержаться, чтобы,
Не прыгнуть с крыльца в сугробы?
Иль с ходу не встать на лыжи? –
Да это будем не мы же!

Сыграем мы
Без поблажки
Со стужей зимы –
В пятнашки!...

ЖИТЕЛИ

Пусть кто-то живёт в столицах,
Где разных высоток – тьма,
А мы – в глуши деревенской,
Где низенькие дома.

Навозом и кислородом
Дышим в тени садов,
К зависти небоскрёбной
Каменных городов...

Наталья ЗЕМЛЯНСКАЯ

Агте — горный инженер

Я хочу остановить внимание читателя на личности человека, которого в России называли то лифляндским немцем, потому что он родился в Лифляндии (ныне Латвия), то русским немцем, потому что с 1721 года Лифляндия входила в состав Российской империи, а еще потому, что именно русским он был по своей сути.

По окончании С.-Петербургского горного училища в 23 года начал служить России и из отпущенных ему 57 лет жизни четыре года (1798–1801) отдал Нерчинскому горнозаводскому округу, 23 года (1802–1824 и 1831–1832) — Екатеринбургскому горнозаводскому краю и семь лет (1825–1831) положил на приведение к славе златоустовского оружейного производства.

Имя этого человека — Адольф Андреевич Агте. Он родился в России более 200 лет назад и является моим далеким (четырежды прадед) предком.

Он, кстати сказать, осуществил давно запланированный, но до него не осуществленный перевод Пермского горного правления в Екатеринбург. Случилось это событие 175 лет назад, в октябре 1831 года. Однако уральцам это событие не запомнилось и отмечено не было. Хотя именно с той поры Екатеринбург является одновременно и столицей Уральского региона.

История происхождения рода Агте уходит в XV век. Если посмотреть на карту Германии, то на юге, недалеко от границы с Австрией, увидим старинный город Веймар — романтический город Гёте и Шиллера. По соседству с ним расположены небольшие, но тоже старинные города Эрфурт и Йена. А при более подробном рассмотрении карты можно найти небольшой городок с труднопроизносимым на русском языке названием Гроссобринген.

Здесь, в самом сердце Германии, на границе двух ее истори-

ческих областей, Тюрингии и Саксонии, жил молодой крестьянин Мартин, имевший то ли фамилию, то ли, как это принято в европейских странах, второе имя — Сигизмунд.

Неизвестно, по какой причине Мартин Сигизмунд умер в молодом возрасте в 1528 году, оставив после себя жену Агату и малолетнего сына Ганса. История умалчивает, почему ее сын Ганс (Хэнсен, иначе — Гансик) звался по матери — Hanschen Agathe, то есть Агатин сын, что по-немецки звучало как Агте. Однако это прозвище закрепилось за его потомками, превратилось в фамилию, но с течением времени периодически трансформировалось в Агте, Акте, Ахте, Ахт... Где как назовут. Фамилия была очень необычная — Agthe.

Через сто лет потомки Агаты уже жили в разных городах Германии, став добропорядочными бургерами: кто служкой в церкви,

а кто владел каким-нибудь солидным ремеслом.

Однажды между потомками Агаты произошла размолвка: некоторые хотели вернуть себе фамилию Сигизмунд. Состоялся суд, который выиграл бывший скорняк Захариас Агте, доказавший суду, что смена фамилии принесет ему большие убытки: надо полагать, он имел хорошую репутацию мастера своего дела. Таким образом, слава «торговой марки» мастера-скорняка Захариаса Агте сохранила фамилию. Он-то и возглавил многочисленный крестьянский род Агте, и поныне здравствующий на исторической родине.

Из внуков Хэнсена, кроме Захариаса, «выбился в люди» еще и Иоганн Агте, ставший сначала учителем в Эйслебене (Саксония), а позднее священником в Видерштедте под Хеттштедом. Он тоже принял фамилию Агте. Поэтому точно не известно, от Захариаса или от Иоганна ведет свое происхождение Андреас Агте, но к XVIII веку у представителей фамилии Агте наметилось одно качество — многие из них обрели музыкальные способности и стали музыкантами, играя на органах в различных лютеранских храмах. Учителем церковной школы и органистом в Хеттштедте, что неподалеку от известного старинного города Галле, стал и Андреас Агте. В конце XVIII века двое сыновей Андреаса из Германии выехали.

Первый из братьев, Карл Фридрих Агте, подался в Эстляндию (ныне Эстония), где стал органистом в городе Ревеле (ныне Таллинн), основав ветвь, давшую в дальнейшем пасторов. А второй брат, Иоганн Андреас Агте, порусски Андрей Андреевич Агте (1733–1806), выехал в Лифляндию, поселился в городке Аренсбург (ныне Курессааре), столице острова Эзель (ныне Сааремаа), и тоже вначале стал органистом в одной из церквей Аренсбурга. Однако через какое-то время Агте перешел на государственную службу и постепенно основал российскую

дворянскую ветвь с несколькими ее достойными продолжателями.

Чтобы понять причины бегства братьев Агте из родной страны, необходимо знать, что представляла собой в самом начале XIX столетия та часть Европы, которая была в то время Рейнским союзом.

Во-первых, после разгрома Петром I в Северной войне Швеции (1721) прибалтийские страны вошли в состав России, навсегда сохранив многие свои особенности. По сути, это был уголок Германии, где все напоминало о ней: обычаи, порядки, архитектура. Выходцам из Германии легко было жить в таких условиях.

Во-вторых, 18 брюмера (ноября) 1799 года бригадный генерал Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот, сосредоточил в своих руках всю полноту власти и с 1804 года, став императором, установил режим в пользу французской буржуазии. Благодаря серии победоносных войн, Наполеон I поставил в зависимость от Франции большое количество государств западной и центральной Европы. Так называемый Рейнский союз в 1806–1813 годах объединял под протекторатом Наполеона тридцать шесть германских государств (особняком оставалась Австрия, во главе которой стоял император), находившихся, по сути, в колониальной зависимости от государства-метрополии — Франции.

Протекторат очень скоро развил Германию. Уже к 1808 году пробудившаяся к жизни буржуазия Германской империи стала осознать неестественность ситуации. Монархи, стоявшие во главе стран — членов Рейнского союза, отвернулись от Наполеона и объединились на полях сражений в качестве союзников вокруг российского императора Александра I.

К 1815 году война с Наполеоном закончилась, но легче не стало. Европа стонала в наступившем лихолетье. Война сильно разорила германские государства. Население по-разному реагировало на страшный голод. Некоторые сочли

за благо для себя уехать в Северную Америку или в Российскую империю.

Многие имели недурное европейское образование, позволявшее быстро включиться в российскую жизнь. Российские власти этому не препятствовали.

Важно отметить, что переселенцы не претендовали на свою исключительность. Они просто начинали служить новой родине, становились частью российского населения, принимали российские порядки и устои, меняли свои заграничные имена на российский манер, женились на русских женщинах. Многие из них переходили из лютеранской веры в православную, и практически все начинали считать себя русскими.

С фамилией Агте связаны важные моменты развития горного дела на Урале. Седьмой сын своего отца, Адольф Андреевич Агте (1775–1832) проявил себя как талантливый уральский горный инженер.

Не совсем ясно, что побудило семью определить юношу не в военную службу, как это было тогда широко распространено, а в яС.-Петербургское горное училище, которое, впрочем, давало блестящее по тем временам техническое и гуманитарное образование. Будущие горные инженеры изучали там немецкий, французский, латинский языки, катехизис, высшую математику, историю, географию, риторику, горную механику, минералогию, горное искусство, подземную географию, маркшейдерское дело, химию, пробырное искусство и металлургию.

С другой стороны, карьера горного инженера была не самой привлекательной: рудники, металлургические заводы, золотые прииски и соляные разработки находились в большинстве своем далеко от культурных центров, зачастую просто в диких малонаселенных местах. А уж одно упоминание о Нерчинске, куда по окончании училища был отправлен молодой горный инженер, просто вызывало

Екатеринбург. Императорская гранильная фабрика

у людей трепет, так же как в другие эпохи будут вызывать дрожь Сахалин и Колыма.

Вот дальнейшие этапы его жизни и служения России, в том числе – Уралу.

В 1798 году, 23 лет от роду, Адольф Андреевич Агте становится смотрителем Шилкинских рудников, а всего через два года управляющим сразу двух заводов – Кутомарским и Екатерининским. Правда, служить ему там пришлось недолго – в 1802 году он, как сказано в его формуляре, «помещен по просьбе его на штатное в Екатеринбургском начальстве обер-берг-пробирера место».

Горным начальником всех заводов «под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоявших» был в то время не случайный человек, а крупнейший по тому времени специалист в своем деле Иван Филиппович Герман – академик, автор описания горных заводов Урала и Сибири, а также книги «Минералогические исследования Урала» и ряда других трудов. Он же стал на Урале главным проводником начавшейся в июне 1803 года реформы комплектования рабочей силы горных заводов, предполагавшей замену «припис-

ных» крестьян на так называемых «непременных работников». Теперь заводы должны были комплектоваться выбранными из числа приписных умелыми работниками не старше 40 лет, получившими статус «мастеровых». Предполагалось, что один такой работник должен был заменить 20 прежних приписных.

В 1803 году решение этой задачи было поручено «лифляндскому немцу Адольфу Агте в купе с двумя майорами и прапорщиком». Порученцы в поте лица корпели над расчетом заводских «штатных расписаний». Например, только для Екатеринбургского завода требовалось 355 мастеровых. Затем начался подсчет и по казенным заводам. Весь штат горных чиновников Екатеринбурга, кляня судьбу, пять лет корпел над этими расчетами.

Примерно в это же время сразу два выдающихся ума – обер-берг-пробирер, титулярный советник Адольф Агте и механик, надворный советник Лев Федорович Собакин принялись за усовершенствование монетного производства. Агте ввел переплавку окалина и монетных обрезков в изобретенной им самодувной печи, а Собакин наладил усвоенную им в Англии чеканку.

Монетный двор начал чеканить полушки, денежки, двух- и пятикопеечники – это была тогда самая мощная производственная отрасль Екатеринбурга. К монетным фабрикам впоследствии добавились печатная, кузнечная и по резьбе штемпелей. В монетном ведомстве трудились более 800 работников.

В 1807 году управленческой структурой Екатеринбургского горного округа стала Главная контора екатеринбургских заводов. Контора, как и прежде, подчинялась Горному начальнику И.Ф. Герману, а вот членами конторы стали обер-гитен-фервальтер, коллежский ассессор Адольф Агте и Петр Горбунов в том же звании. В этом же году Екатеринбургский завод закрылся и все его фабрики и селения мастеровых работников переименованы в Екатеринбургскую монетную контору.

К 1809 году Екатеринбург, сделавшись крупнейшим центром торгового капитала, многое потерял из прежней своей культуры, перестал быть просветительским центром, каким был в середине минувшего века, когда важнейшим показателем культурного уровня города были «татищевские» школы. Народное училище теперь

напоминало нечто карикатурное. Учитель, пьяница и лентяй, с 1806 до 1809 года сократил количество учеников с тридцати до трех мальцов, которые никак не хотели бросать образование. А вот Горная школа превосходила екатеринбургскую народную. Потому что заведовал Горной школой, равно как и казенной библиотекой, и золотосплавочной и рудной лабораторией, по-прежнему член Главной конторы Адольф Агте.

В мае 1824 года стало известно о предстоящем проследовании через Екатеринбург Александра I во время «путешествия» его по Сибири. Для общегородского аврального ремонта и для выравнивания дорог в городе организовалось «общее присутствие» во главе с Адольфом Агте и монетным управителем Николаем Ивановичем Мундтом.

По русской традиции, за четыре месяца до приезда царя навели порядок. Снесли на рыночных площадях деревянные лавки и шалаши, подправили тюремный острог, нашли новые помещения под казначейство и уездное училище, оборудовали хлебный рынок, оштукатурили казенные и общественные здания и Гостиный двор, даже начали строить сиротский приют. К встрече царя 25 сентября приготовили 36 лошадей с полной упряжью и кучерами.

Император гостил в Екатеринбурге всего-то три дня, но Дума постановила: в память посещения города русским царем установить памятник. Однако единственным памятником Александру I в Екатеринбурге стал мост, который был выстроен на складочные деньги, за что и назвали его потом Царским (мост на улице Малышева в районе Музея изобразительных искусств). Впрочем, памятником Александру может считаться и все последующее строительство города, так как, рассмотрев поднесенный ему план будущего города, государь император «...соизволил повелеть дать оному именно такой вид».

К этому времени Агте дослужился до должности старшего председательствующего Главной

конторы Екатеринбургских заводов, и, по выражению историка Н.С. Корепанова, входил «в триумвират тогдашних екатеринбургских командиров — Осипов, Агте, Мундт».

18 апреля 1825 года по личному распоряжению министра финансов Канкрин Адольф Андреевич Агте направляется в Златоуст для разбора претензий немецких оружейных мастеров. А 28 мая 1826 года он «по высочайшему поведению определен Горным начальником Златоустовских заводов и директором оружейной фабрики», на которой его помощником был известный впоследствии ученый Павел Петрович Аносов.

Уже в наше время об этом, златоустовском, периоде в жизни Агте появляются диаметрально противоположные оценки: от хулильных до восторженных. Авторам первых показался подозрительным рост добычи золота на Миасских приисках в течение 1826—1827 годов в полтора с лишним раза. Подобное увеличение они объясняли усилением эксплуатации рабочих и, соответственно, обвиняли Горного начальника в крепостничестве и жестокости. Кстати сказать, в формуляре А.А. Агте черным по белому написано: «Крестьян и помещиков не имеет». Как ни погоняй людей, золота не добудешь — нужны серьезные знания геологии и горной техники. Оружия тоже одними репрессиями не сработает — каждый технологический процесс имеет свою неизменную продолжительность, сократив которую наверняка получишь брак. Другое дело, если грамотно совершить технологический процесс, но для этого нужно быть глубоко знающим делом специалистом. Адольф Андреевич, безусловно, был таковым. Именно при нем начинается слава златоустовского холодного оружия, особенно украшенного. Кроме всего сказанного, он еще изобрел золотопромывальную машину нового типа, которая вошла в историю техники как «агтевские бочки».

В сентябре 1831 года Адольф Андреевич покидает Златоуст.

Потребовалось укрепить высшее руководство Пермского горного правления опытными людьми: «На должность Пермского Берг-инспектора, а вместе с тем исправлять обязанности Главного начальника был вызван горный начальник Златоустовских заводов обер-берггауптман V класса Адольф Агте». В руках Адольфа Андреевича на какое-то время сосредотачивается контроль над государственными и частными горными заводами, рудниками, приисками и соляными разработками всего Урала.

17 сентября 1831 года, тотчас по прибытии в Екатеринбург, Агте обратился к министру Канкрину с просьбой: «Я полагал бы приличным Пермскому горному правлению дать наименование «Горное правление заводов хребта Уральского»... Горное правление заведывает не одни те заводы, которые состоят в Пермской губернии, но имеет в ведении своем и состоящие в других губерниях... Пермскому Берг-инспектору дозволено именоваться Берг-инспектором заводов хребта Уральского».

1 октября 1831 года после торжественного молебна и принесения присяги Адольф Андреевич объявил об открытии Горного правления в Екатеринбурге. Начался «золотой век» Екатеринбурга.

13 апреля 1832 года, через неделю после своего 57-летия, Адольф Андреевич внезапно умер.

Екатеринбуржцы знают, как трудно пробивал себе дорогу на пьедестал в центре города голландец Вилим Иванович (Георг Вильгельм) де Геннин, бывший в течение 12 лет подряд Начальником Уральских горных заводов (1722—1734). Но все-таки пробился и удостоился права стоять на том пьедестале рядом с Василием Никитичем Татищевым, управляющим казенными заводами на Урале в течение всего-то пяти лет (1720—1722 и 1734—1737).

Адольфу Андреевичу Агте в этом плане не повезло. Не нашлось в Екатеринбурге людей, сумевших по достоинству оценить заслуги этого незаурядного человека.

Белый раджа Саравака

(Рассказы филателиста)

Филипп Феррари и еще сто миллионов

— Скажите мне, пожалуйста, сколько человек во всем мире коллекционирует почтовые марки?

С этого вопроса Олега Павловича началась наша очередная беседа.

— Сколько?.. Наверное, очень много.

— Вы правы? — в голосе моего собеседника зазвучал сарказм. Но я предпочел бы ответ более конкретный».

— Ну, наверное, несколько миллионов... — не совсем уверенно ответил я.

— Несколько? Более ста миллионов! Около двух процентов населения земного шара — филателисты. И это — по самым скромным подсчетам. Пожалуй, самой филателистической страной следует признать Швейцарию — здесь филателисты в каждой третьей семье.

Кто только в наши дни не собирает знаки почтовой оплаты! Школьники и ученые, клерки и министры, фермеры и короли...

— Кстати, — на столе перед Олегом Павловичем появилась папка, — я уже упоминал, что готовлю к выставке небольшую подборку марок...

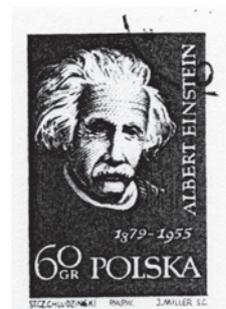
На стол передо мной легли несколько нестандартных альбомных листов, на которых самым аккуратнейшим образом, в большинстве случаев строго симметрично, были наклеены клеммташи с марками. Почти на всех марках можно было увидеть изображения тех или иных лиц. Имена многих из них мне были хорошо известны: Максим Горький, поэты А. Блок и В. Брюсов, академик И.П. Павлов, А.П. Чехов, командир легендарного крейсера «Варяг» В.Ф. Руднев, Г.В. Плеханов, «всероссийский староста» М.И. Калинин, председатель ВС СССР М.В. Фрунзе, знаменитый полярник Э.Кренкель, президент США Ф.Д. Рузвельт, король Великобритании Георг V, королева Елизавета II, бывший глава ГДР Вильгельм Пик, испанский король Альфон XIII, египетский король

Фарук, покойный премьер Индии Джавахарлал Неру... И еще портреты каких-то незнакомых мне мужчин в штатских костюмах и военных мундирах.

На листе под первым номером два верхних ряда были составлены из марок разных стран, посвященных одному и тому же человеку — сэру Роуланду Хиллу. «Отец почтовой марки», бывший учитель, ставший к концу своей головокружительной карьеры генеральным почтмейстером Англии, человек, которого после его смерти в 1879 году погребли в Вестминстерском аббатстве, где покоятся самые выдающиеся люди Великобритании, был изображен на марках в различных вариантах.

На том же первом листе — в самом его центре — разместились марки с портретами Гейнриха фон Стефана. Именно он, фон Стефан, сын ремесленника, сумевший благодаря своим административным талантам стать в конце концов генеральным

почтмейстером Германской империи, а с 1880 года статс-секретарем, другими словами – государственным министром Имперского почтового управления и вдобавок дворянином.

Фон Стефан был инициатором сотрудничества почтовых администраций всех стран. Он же явился одним из главных основателей в 1874 году Всеобщего Почтового Союза. Сейчас – Всемирный Почтовый Союз, или, сокращенно, по первым буквам его французского названия – UPU. Почему Всемирный Почтовый Союз официально носит французское имя? С середины XVII-го века французский стал языком международного общения, языком дипломатов, и вплоть до начала XX-го столетия многие международные организации носили французские названия.

Именно фон Стефан первым ввел в обращение почтовые карточки, почтовые денежные поручения, наложенный платеж, пневматическую почту и общедоступную телефонную связь. Он же основал в 1782 году первый в мире почтовый музей в Берлине и – в 1885 году – первую почтово-телеграфную школу. Любого из перечисленных нововведений достаточно, чтобы обессмертить его имя. Неудивительно, что на марках, посвященных юбилеям UPU, часто можно увидеть портрет Гейнриха фон Стефана.

В самом низу листа размещалась серия из четырех небольших, вероятно, стандартных марок Югославии

с портретом какого-то благообразного средних лет мужчины в старомодных очках.

– Кто это?

– Это – Лоуренц Кошир, незаурядный человек с неудачной судьбой. В первой половине девятнадцатого века он исполнял обязанность бухгалтера в почтовом ведомстве Вены. В 1836 году, за пару лет до Роуланда Хилла, Кошир предложил ввести в употребление знак предварительной оплаты почтового сбора. Другими словами – изобрел все ту же почтовую марку! Увы! Высшими чинами австрийской почтовой администрации проект был признан нереальным и похоронен в архивах. Первая австрийская почтовая марка появилась лишь в 1850 году.

По происхождению Лоуренц Кошир – словенец. После Первой мировой войны Словения стала составной частью Королевства Сербов и Хорватов, которое через несколько лет было объявлено Королевством Югославия. После Второй мировой войны Словения – одна из шести республик, почти полвека составляющих Социалистическую Федеративную Республику Югославию. Поэтому в XX-м веке многие югославские филателисты – и не только филателисты – всерьез оспаривали приоритет Р. Хилла в пользу Л. Кошира. Правда, старания их так и не увенчались успехом. Тем не менее в 1948 году Югославия выпустила серию стандартных марок с портретом Кошира и посвященную ему же марку авиапочты с купоном. На купоне над-

пись на словенском и французском языках, утверждающая, что именно Лоуренц Кошир и никто другой есть изобретатель самой первой в мире почтовой марки.

– На всех остальных листах, кроме последнего, я разместил марки с изображениями филателистов. Да, да, коллекционированию знаков почтовой оплаты посвящали свой досуг все те литераторы, военные, ученые, политические деятели и монархи, портреты которых вы видите на всех этих марках.

Говорят, когда в 1931 году королевская власть в Испании в очередной раз была свергнута и тогдашнему королю Альфонсу XIII в спешном порядке пришлось отправляться за границу? или попросту бежать, то единственное имущество, которое он успел прихватить с собой, был чемодан с коллекцией марок.

Если уж речь зашла о королях, то нужно отметить, что самая полная в мире коллекция почтовых марок находится во владении британского королевского дома. Основателем этой коллекции считают Георга V. Собирать знаки почтовой оплаты он начал под влиянием своего дяди – герцога Сакс-Кобург-Готского еще в XIX-м веке. С 1893 года Георг (Пятым он стал только через 18 лет) избран почетным вице-президентом английского общества филателистов, существующего с 1863 года, а с 1896 по 1910 годы он – почетный президент этого общества, которому в 1906 году Эдуард VII даровал статус Королевского.

Как ни велика коллекция английских королей, но все-таки жил на земле человек, коллекции которого могли позавидовать короли и президенты, ибо другой такой ни у кого до того не было, нет и быть уже не может.

С 1968 года почтовое ведомство княжества Лихтенштейн выпускает время от времени небольшие серии марок, посвященные великим филателистам всех времен и народов. Открывает выпуск, само собой разумеется, портрет «отца почтовой марки» — Роуланда Хилла. А вот на второй марке можно видеть портрет Филиппа Феррари де ля Ренотьера — «короля филателистов». Так Филиппа Феррари, случалось, титуловали еще при жизни. Утверждают — и еще никто не доказал обратного — что в его коллекции имелись все без исключения почтовые марки, выпущенные во всех странах мира до начала Первой мировой войны, в том числе и множество разновидностей.

Родился Феррари в 1848 году в Италии. По матери он происходил из рода герцогов Галлиери, которые славились не только знатными предками, но и, что не менее важно, несметным состоянием. Впрочем, и отец Феррари был титулованным дворянином и миллионером. Интерес к маркам появился у Феррари очень рано — лет с 11–12. Располагая столь огромными материальными возможностями, он мог позволить себе приобретать любые редкости и в любых количествах. Например, он приобрел целиком коллекцию А. Ротшильда — того самого Ротшильда, имя которого в прошлом веке было нарицательным. «Богат, как Ротшильд» — так говорили еще в девятнадцатом столетии о миллионерах. Крупнейшие торговцы марками всего мира были поставщиками Феррари. Не толь-

ко многочисленные мошенники от филателии, но, говорят, даже почтовые ведомства некоторых малых стран успешно сбывали «королю филателистов» специально для него изготовленные «разновидности», которые с тех пор принято называть «ферраритетами» — по созвучию с раритетами.

О собрании марок Феррари складывались легенды, в которых были перемешивались с небывицами. Однако сам владелец уникальной коллекции вел весьма замкнутый образ жизни, избегал всяческой шумихи вокруг накопленного им сокровища и показывал его лишь немногим, самым близким друзьям, да и то нечасто. Изредка в печати появлялись статьи за его именем. Эти статьи свидетельствовали об огромной эрудиции автора в области филателии. Чтобы приобрести недостающую редкость, Феррари готов был отправиться за нею на край света и еще дальше.

Хотя постоянным местом жительства Феррари был Париж, он неоднократно менял гражданство и к лету 1914 года числился подданным германского императора. Начало мировой войны застало «короля филателистов» врасплох. Не без основания опасаясь превентивного заключения, он срочно выехал в Швейцарию, успев захватить с собой только небольшую часть коллекции. Все остальные марки были оставлены им в австрийском посольстве в Париже.

Война, конец которой в германском генеральном штабе планировали «до осеннего листопада», затянулась надолго. И Феррари не суждено было дождаться ее конца. Умер «король филателистов» в 1917 году. Все свое собрание знаков почтовой оплаты он завещал Берлинскому почтовому музею.

Лучше бы он этого не делал! Ведь таким образом самая полная в мире коллекция почтовых марок, до того принадлежавшая частному лицу, стала собственностью страны, потерпевшей поражение в Первой мировой войне. Французское правительство наложило на коллекцию арест и объявило о предстоящей продаже ее с аукциона. Выручка должна была пойти в счет германских репараций.

Это был крупнейший в мире филателистический аукцион. Распродажа длилась несколько лет и в основном завершилась в 1925 году. Всего было продано марок на сумму более чем в 25 миллионов франков. А франки тех лет — не чета нынешним. Швейцарскую часть коллекции наследники Феррари тоже пустили с молотка. Так закончила свое существование уникальная коллекция, в которой не было пробелов.

Многие филателисты считают поступок французского правительства варварским. По их мнению, Франция должна была сохранить коллекцию целиком, сделав ее национальным достоянием. Но... Что сделано, то сделано. От лучшей в мире коллекции марок остались лишь воспоминания. А жаль...

Здесь Олег Павлович сделал небольшую паузу.

— А вот и последний лист, который я готовлю к выставке. Правда, он еще не до конца заполнен.

На предложенной моему вниманию странице разместилось всего несколько знаков почтовой оплаты, большинство из них — отечественные. Стандартная марка СССР 1961 года с изображением известного памятника К. Минину и Д. Пожарскому на Красной площади в Москве. Марка 1967 года, выпущенная в честь политрука В.Г. Клочкова — того самого Клочкова, который в ноябре 1941-го, будучи политруком роты в панфиловской

дивизии, возглавил группу бойцов в бою у разъезда Дубосеково. Эти герои стояли насмерть и не пропустили вражеские танки к Москве. Это с его именем связана легенда о 28 панфиловцах, хорошо знакомая школьникам послевоенного поколения.

— Но почему же легенда?

— А потому, что панфиловцев у Дубосеково было гораздо больше и не все они погибли в том бою. Но в те тяжелые времена требовались легенды, число «28» было утверждено на самом верху и на долгие годы стало каноническим. И когда некоторые оставшиеся в живых участники того боя пытались напомнить о себе, им прямо говорили, что число «28» является священным и пересмотрено быть не может. А тот факт, что после памятного боя кто-то остался живым — всего лишь досадное недоразумение, недостойное упоминания.

С маркой в честь Клочкова соседствовала марка 1962 года с портретом известного советского скульптора И.Д. Шадра, а под ней три стандартных марки СССР 20-х годов... Марки США с изображениями В. Франклина и А. Линкольна...

Что может быть общего у политука Клочкова и президента США Авраама Линкольна? Неужели они тоже были филателистами? Но уж никак не мог собирать знаки почтовой оплаты Вениамин Франклин — ведь он скончался за полсотни лет до выпуска первой в мире марки!

— Вы правы, — Олег Павлович взял лист в руки. — Франклин действительно не собирал, да и не мог собирать марки. И все же помещен он здесь не случайно. Ведь этот выдающийся политический деятель, дипломат и ученый, портрет которого красуется на долларах, многие годы исполнял обязанности генерального почтмейстера Соединенных Штатов. Кстати, именно портрет Франклина изображен на самой первой марке США, выпущенной в 1847 году. И с тех пор, по традиции, каждый выпуск стандартных ма-

рок в этой стране открывает марка с его портретом.

Князь Дмитрий Иванович Пожарский широкой публике известен как один из руководителей освободительной борьбы русского народа против польских интервентов в начале XVII века. Однако мало кто знает, что Пожарскому доводилось в свое время возглавлять Ямской приказ. А как раз этот самый Ямской приказ и ведал в Русском государстве перевозкой почты, осуществлял связь Москвы с административными центрами на окраинах страны.

Авраам Линкольн, прежде чем стать президентом США, сменил немало профессий: выращивал хлеб, рубил и сплавлял лес, выступал адвокатом в судах... Кроме того, А. Линкольн несколько лет занимал должность окружного почтмейстера.

Почтовым служащим был до вступления в ряды Красной Армии и Герой Советского Союза В.Клочков.

Как видите, в биографиях всех этих столь разных людей есть и кое-что общее. Все они, пусть и в разное время, имели самое непосредственное отношение к почте, можно даже сказать — были в какой-то мере коллегами.

Имя Ивана Дмитриевича Иванова, более известного под псевдонимом Шадр — по имени родного города Шадринска — навсегда вошло в историю советской почты и филателии. Изображения скульптур Шадра «Рабочий», «Крестьянин», «Красноармеец» можно увидеть на первом стандартном выпуске почтовых марок СССР, а также и на советских денежных знаках тех лет.

Рисунки со скульптур Шадра помещены также на знаках почтовой оплаты второго и третьего стандартных выпусков, курсировавших до конца тридцатых годов. До сих пор многие советские и зарубежные коллекционеры считают марки этих выпусков образцовыми. И я целиком с ними согласен.

Олег Павлович аккуратно уложил листы в папку, а папку поставил на полку.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

В

ВОЛЖЕНСКАЯ Е. Я.

Была в СПб. издательницей кн. В. В. Берви-Флеровского «Исследование по текущим вопросам» (1872). Издание «чайковцев». Кн. была запрещена Комитетом министров «за извращение ист. фактов с целью возбудить недоверие и ненависть к существующим образам правления и даже к христианству». Уничтожено 2566 экз. книги. См. : «Книга». Сб. 31. С. 133.

ВОЛИНА, поэтесса.

Сотр. «Образования» (1909). Венгеров, Источ.

ВОЛКЕНШТЕЙН Александра Александровна, издательница.

Издавала журналы «Моды и рукоделия» и «Специальный журнал для дамского и мужского белья» (1877).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВОЛКЕНШТЕЙН Людмила Александровна (урожд. Александрова; 1857 — 1906), авт. воспоминаний.

Род. в Киеве, в дворянской семье, знала несколько языков. Деятельница народнического движения. Уч. в убийстве харьковского губернатора Кропоткина. Была приговорена судом к смертной казни, замененной каторжными работами. Вместе с В. Фигнер (см) была 12 лет узницей Шлиссельбурга, затем сослана на Сахалин. Убита на демонстрации во Владивостоке 10 янв. 1906. Авт. записок «13 лет в Шлиссельбургской крепости». СПб., 1906; «Из тюремных воспоминаний», Л., 1924. Там же — обзор публикаций (с. 81-82).

О ней: Фигнер В. Н. «Людмила Александровна Волкенштейн». — Полн собр. соч., Т. 4. М., 1932. С. 15-45 (портр); Панкратов В. Памяти Л. А. Волкенштейн. \\ «Былое», 1906. № 2. С. 284 (портр. в № 1); Крамова Н. После смертного приговора \\ Правда. 1988, 4 ноября.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 1. № 1393, 2110 и др.

ВОЛКЕНШТЕЙН Ольга

«Как и почему возникла великая франц. революция 1789 г.» СПб., 1906; «Борьба за народное представительство в Англии». СПб., 1906.

ВОЛКОВА Агриппина Александровна, издательница.

Жена художника Волкова. Издавала журнал «Маляр» (с 1873 г.), перешедший к ней от мужа. С 1880 «Маляр» превратился в «Шута».

Слов. рус. писательниц.

Начало в №1, 2005.

Продолжение на стр. 37

История Вовы и Светы

Ничуть не сомневаюсь, что отец за минуту до того не ожидал от себя подобных слов. Так, наверное, и мама подумала, ибо впервые в её глазах за последние дни помимо беспредельной скорби мелькнуло крайнее изумление, она даже хотела, кажется, вслух возразить отцу, но удержалась.

И на следующий день я пошёл в школу с таким чувством, будто я там год не был. Там, как поначалу показалось, никто не усомнился в том, что все эти дни я тяжело болел, поскольку вид мой подтверждал это весьма убедительно. Однако это было ошибочное ощущение. Потому что в первую же перемену на меня обрушился вал ничем не сдерживаемого любопытства.

– Брег, ты, говорят, женился?
– С законным браком тебя!
– Или пока ещё – с незаконным?
– Да вы чо, в натуре?! – попытался я извернуться.
– Да вся школа знает!
– Значит, у всей школы крыша едет!
– Не гони, дятел! Ты привёл домой ту биксу из вильфона, и она теперь зовёт твоих предков мамой и папой!

– Ага, и вы трахаетесь с ней у них на глазах!
– Точно, и у мамани твоей от этого «шоу» досрочный климакс наступил, а у папика – наоборот...

– Ну, трахаемся! И – что?! Только вовсе не на глазах – комнат, что ли, мало? А про мать если слово еще скажет кто... И Светка вовсе не бикса!

– Бикса, её вся Москва знает!

– Заткнись, овца, сама ты бикса! И вы все – биксы! И голубые, и розовые, и серо-буро-малиновые.

Так что пришёл я из школы в тот день с распухшим носом и разбитой губой. А Светка вернулась весёлая и беззаботная – завтра ей уже надо было на целые сутки окунуться в свою любимую стихию. Не соврала – опытные реализаторы, понятия не имеющие о трудовом законодательстве, требовались везде. Впрочем, не исключено, что работодатель учёл и «смежную» Светкину профессию.

Она, увидев мой нос, сразу всё поняла.

– Ага, и ты пострадал за любовь! Я рада – не всё мне отдуваться, миленький. Вот интересно, не в коммуналке живём – в особняке, а сразу все обо всём узнают. Как так?

– Очень просто, – сразу вступил в разговор отец, неслышно вошедший в дом следом за мной. – страна у нас такая. Коммунальная. Такая большая-пребольшая коммуналка. Прихожу утром в банк – все поздравляют. Да ехидно так, будто гнева моего ничуть не страшатся. Хотя обычно – побаиваются, совки...

А вскоре и мама пришла, приняв в третьем чтении какой-то закон. И сообщила, что её в Комитете поздравили тоже, сволочи. Однако ясно видно было, что мама уже почти оправилась от потрясения, чему мы все молча порадовались.

А когда сели кушать, то мало-помалу выяснилось ещё одно благоприятное обстоятельство: ехидная людская молва сблизила нас гораздо больше, чем всё иное. Буквально сплотила. И обстановка за семейным столом была почти дружественная, отец много и удачно шутил, мама, хотя и отделялась пока односложными репликами, улыбалась часто и совсем не вымученно.

То есть время уже начинало оказывать своё терапевтическое действие. Правда, не совсем в том направлении, что было для родителей наиболее желательным. И спустя несколько дней уже никому не казалось непереносимым наше житьё. Я, но, может, и не только я, уже начал подумывать, что рискованный «эксперимент на уживаемость» можно считать удачно завершившимся.

Пожалуй, в иные времена подобная «уживаемость» и вовсе была б невозможной – вездесущая настырная общественность наверняка лезла б в нашу жизнь куда основательней, чем теперь, даже возможно, милицию подключила б. То есть не только нас со Светланкой разогнали б по разным «исправдомам». Но и бедным родителям испортили бы остаток жизни, повыгоняв из партии, ещё откуда-нибудь. Или, считаете, не так всё сурово было в иные времена?... А потом общественность словно бы вымерла, почти совсем не стало про неё слышать, молчит даже тогда, когда на её глазах страна погибает.

Но, главное, уже тогда случались во многих более, чем наше, известных почтенных семействах скандалы гораздо шумней и порой даже с пролитием крови. Куда уж там нашему банальному, совершенно бескровному скандалишке.

А мне скоро стало даже приятно носить по «элитной» школке ореол особы моей. Институт семьи как таковой считался моими приятелями давно порушенным до основания, и мне нравилось молча и даже немного скорбно опровергать это заблуждение растленных масс.

Уже многие мои однокашники не могли обходиться без дозы, почти все, достигшие половой зрелости, более или менее регулярно переживали «радости секса», имея такой опыт и мастерство, какие предыдущими поколениями не достигались за целую жизнь. Но состоящим в официальном, государственном, можно сказать, браке был я один. (Так ведь и не знаю, почему именно это чьё-то враньё получилось столь живучим, что его невозможно стало опровергнуть.) Хотя на самом деле...

(Окончание. Начало в №1, 2008)

На самом деле разговор о подобающем оформлении отношений в нашем доме и впрямь заходил не раз. И не мы со Светкой его затевали. Нам было это, как говорится, «по барабану», но мы не перебивая слушали родителей только потому, что произносили они весьма забавные вещи.

Так, они даже заспорили при нас, чего прежде никогда себе не позволяли, каким обрядом нас правильной всего сочетать. Отец полагал, что мы должны оформить наши отношения в синагоге, поскольку это, как он выразился, более конвертируемо, а мама, как общественный деятель, склонялась к православному венчанию, ибо нам выпало жить в православной стране, где это воспринимается общественностью благожелательней всего прочего.

И опять Светлана потрясла всех рассудительностью, а также и великодушием:

— Дорогие папа и мама, вы, конечно, вправе давать нам подобные рекомендации, мы не посмеем вас слушаться, но если вас интересует наше мнение, то мы бы не спешили. Теперь с этим делом вообще никто не спешит. Зачем? Вдруг мы скоро разочаруемся друг в друге, вдруг зарубежные университеты не принимают женатых абитуриентов. Ведь университеты, надеюсь, не отменяются? Кстати, я передумала тащиться вместе с Владимиром в Европу, пожалуй, это было бы не очень уместно, как вы считаете?

А у меня от таких её слов в очередной раз болезненно сжалось сердце. Несмотря на мою сумасшедшую любовь, шестым чувством я отчётливо различал признаки дьявольской игры во всём поведении подружки, явно и небезуспешно усыпляющей бдительность моих далеко не наивных предков.

— Ну, давайте хоть небольшой вечерок устроим, а то общественность ждёт. И назовём это дело, к примеру, помолвкой... Ну, ребята, приличия же требуют — не на облаке живём! — таков был предложенный родителями компромисс.

— А что, это, пожалуй, было бы прикольно! — с энтузиазмом согласились мы. — Только не надо собирать большой шалман, мы с Вовой своих друзей вообще звать не будем, потому что нет у нас настоящих друзей, верно, Вов?

— Ага...

И через неделю в нашем доме состоялось мероприятие, которое даже попало в светские хроники. Разумеется, отнюдь не первой строкой. Что и требовалось. Отец позвал своих деловых партнёров, чтобы, думаю, щегольнуть перед ними широтой взглядов, мама — своих соратников и, в каком-то смысле, оппонентов по Комитету и вокруг него — очевидно, с похожими целями. Ну, и некоторые наши родственники притащились, как же без них, ведь мы родство чтим не меньше самых диких азиатов.

В общем, народу набралось всё-таки изрядно, работала бригада поваров-официантов да бригада музыкантов, и надо уж было устроить это дело в каком-нибудь публичном месте, чтоб не выделяться. Впрочем, родители, кажется, поняли и сами свою промашку, да уж ничего нельзя было изменить.

Зато Светке у знаменитого кутюрье пошили фантастическое по красоте и цене платье, украшения

купили с виду простенькие, но страшно дорогие, сделали потрясающую причёску и макияж в одном из самых престижных салонов. Мой же прикид был, наоборот, подчёркнуто банальным, на что я хотел сначала обидеться даже, однако вовремя осознал особую многозначительность такой как бы «несправедливости», причём самостоятельно, без чьей-либо подсказки. Отчего совсем не комплексовал рядом с моей попавшей-таки на бал «золушкой», сразившей всех без исключения. Особенно, пожалуй, состоятельных дедушек, которые стали состоятельными сравнительно недавно и, очевидно, очень досадовали на судьбу из-за того, что невозможно уже в достаточной степени насладиться этой самой состоятельностью...

На этом вечере нам со Светланой был подарен новенький «БМВ», обещана уютная квартирка в хорошем районе — мы всё ж не азиаты, чтобы по четыре поколения собирать под одной крышей, а решения за всех принимать одному самому древнему аксакалу — когда мы официально распишемся хоть в синагоге, хоть в церкви, хоть в мечети, хоть просто в обычном загсе.

— Ну, захотелось им! — разглагольствовал подвыпивший отец. — Ну, созрели! Ну, в конце концов, секса хочется, который в наше время, согласитесь, всего лишь разновидность гимнастики. Что можно поделаться?! Но тут, братва, ещё и редкостная в наше время любовь — не сойти мне с этого места!

Возможно, папик ещё продолжал бы в том же духе, умиляясь беспределу своей доброты, но Светка при слове «секс» вдруг густо покраснела, потупилась, гости на отца неодобрительно посмотрели, и он свой «манифест» стремительно закруглил, тоже несколько смешавшись, несмотря на немалое количество выпитого.

И это была незначительная единственная накладка. А так-то все в этот вечер играли свою роль старательно, слова не путали — настолько воспитанные гости подобрались, что умели играть в любую игру по любым правилам. Именно так и выразился некий ведущий раздела светской хроники, объясняя, почему, на его взгляд, мероприятие вышло излишне чопорным и оттого скучноватым. Этот журналюга правильный вывод сделал, только вряд ли знал, что особого веселья и не планировалось...

Когда мы с моей теперь уже как бы официальной невестой оказались, наконец, в постели, ей вдруг вздумалось говорить со мной про машину. Мне-то на машину было абсолютно наплевать, я никогда не проявлял большого интереса к самодвижущимся экипажам, хотя все мои одноклассники их давно имели, но Светлана, как выяснилось, питала жгучую страсть к блестящим, мощным, дорогостоящим и опасным игрушкам.

Я мечтал поскорей вырубиться, пахнущее патентованными благовониями Светкино тело и то не соблазняло меня после напряжённой вечеринки, а она пристала как банный лист, — сколько стоит наш «БМВ» в условных, разумеется, единицах, чьей он сборки, какие имеет «опции». Господи, уж в чём-чём, а в «опци-

ях» я точно ни бельмеса не понимал. Слово-то такое впервые от неё, кажется, услышал...

– Брег, – журчал в моём ухе жаркий, чуть кисловатый от алкоголя шёпот, – я лет, пожалуй, с трёх тащусь от машин! Я была бы рада любой советской тачке, но «БМВ»... Брег, я люблю твоих родителей больше, чем тебя! Особенно папу люблю. Не ревнуешь?

– Не-а...

– Молодец. Становишься современным. И продолжай в том же духе, понял?

– Понял. Давай спать, глаза слипаются натурально. Осточертели эти гости, этот жениховский мундир, весь этот старомодный балаган. «Тишины хочу, тишины!»

– Подожди, успеешь переночевать, завтра весь день твой. Скажи только, а то я до утра не усну, как ты считаешь, предки возникнуть не станут, если я тоже на водителя выучусь?

– Да чего им...

– А я боюсь – станут. Ещё как.

– Говорю же – не станут! Потому что я вовсе не собираюсь учиться ещё и на водителя, я лучше на бакалавра чего-нибудь буду. Так что если кому и рулить – то тебе...

– Тогда я тебя, Вован, обратно больше родителей люблю! Дай хоть поцелую куда-нибудь...

Да уж, с её талантами она точно могла поднять и мёртвого...

А после – снова:

– А скажешь предкам сам, чтобы они меня на курсы отправили?

– Скажу, раз хочешь.

– Завтра же?

– Завтра, так завтра.

– Напомни, что тебе ещё восемнадцати нет, а мне – есть.

– Сколько можно по всякому поводу об этом напоминать?

– Вов, а ты знаешь, на кого тачка оформлена?

– Так на меня, наверное, на кого ж ещё...

– Вот это – совсем не факт. Это не так просто... Надо поглядеть!

Она вскочила, как подброшенная, врубила мощную люстру и, не слыша мой протяжный стон, похожий на стон умирающего от невыносимой боли, бесцеремонно расшвыряла по углам подарки, кучей сваленные на столе.

– Слушай, какой всё-таки молодец у тебя папик – он действительно оформил на тебя! Сейчас же пиши доверенность...

– Ни за что – лучше убей!

– И убью – пиши.

– Совсем озверела – курсы-то закончи хоть!

– Пиши...

Что ж, она умела добиваться от людей, тем более от меня, и большего, а не то что паршивой доверенности на паршивую тачку среди ночи. То есть написал я некий документ, почти не видя букв, как только гаишники после в нём не усомнились ни разу, впрочем, любой гаишник в первую очередь – мужик в соку...

– Ладно, спи, чёрт с тобой, – это последнее, что я услышал в ту ночь.

А Светка, наверное, и впрямь до утра не спала – ворочалась, беспрестанно вставала то пить, то покурить.

Кстати, мы тогда ещё пытались скрывать от родителей, что оба курим как черти. Будто можно такое скрыть от некурящих людей. И родители делали вид, что ничего не замечают, мирились как с наименьшим из зол. Думаю, что если бы пороку предавался я один – мама с папой меня б запилили. И отвязались бы не скоро. Но Светку поучать не решились. А вскоре стало вовсе не до подобных пустяков...

Отец, ни словом не возразив, оплатил Светкину учёбу на самых краткосрочных в мире курсах, она училась с восторгом и все экзамены запросто сдала – может, талант имела водительский, есть, говорят, и такой – полетела по Москве и окрестностям – «только шуба заворачивалась».

Она сразу и категорически перестала ходить пешком, я домучивал свою подтверждаемую документально «зрелость» на своих двоих – впрочем, чтобы попасть в школу, нужно было только улицу перейти, а она гоняла в свой павильон, что был в трёх кварталах, исключительно на «БМВ». И этот «БМВ» всю ночь торчал возле, внушая дикую зависть не только покупателям и коллегам, но также самому работодателю, который делал себе бесплатную рекламу тем, что врал, будто Светка с его зарплаты такая зажиточная...

Школу я домучил-таки кое-как. И кто-то мне сказал на выпускной попойке, что вот я тут оттягиваюсь один, а моя невеста официальная тоже не скушает. Изменяет, дескать, направо и налево. А я не поверил, отмахнулся, но домой пришёл и на всякий случай решил спросить. Напрямик. И был совершенно уверен, что даже если оно имело место разик – ну, трудно же разом сложившийся образ жизни изменить, – то Светка ни за что не сознается.

И она действительно обрушила на меня своё искреннее негодование. Однако не совсем такое, какое я ожидал.

– Изменяю?! – вскричала она. – Если я раз-другой перепихнулась с кем-то в машине, так сразу – измена, предательство!

– А разве – нет? – потрясённый и уязвлённый до самых печёнок возвысил голос и я.

– А разве – да?

– Но это же элементарно, тебе любой скажет!

– А меня вовсе не интересует чьё-то протухшее мнение. И я – не элементарная, я – сложная, пора бы это понять! И однообразие для меня хуже смерти, ты когда-нибудь это поймёшь, Вовец?

– Прекрати называть меня «Вовец»! – И я первый раз, в полном исступлении, залепил ей оплеуху.

– Ах, так! – Глаза моей возлюбленной мгновенно потемнели, в них заблистали молнии. – Ладно, Вовец! Уверена, ты сильно пожалеешь, ух, как же ты пожалеешь!

И рванула на моём «БМВ» – только гравий брызнул из-под колёс. Не хватило принципиальности в припадке негодования кинуть мне под ноги ключи и – гордо – пешком. А я, помнится, ещё хорохорился, орал ей что-то вслед...

Понимаете, за то время, пока мы, если можно так выразиться, душа в душу обретались под родительской крышей, я так расслабился, что о превратностях судьбы начисто позабыл. То есть всевозможные сомнения и опасения хотя и жили со мной постоянно, но они как бы спали.

«Погоди, закончится у тебя бензин, вернёшься как миленькая, умолять ещё будешь!» – бубнил я, продолжая по инерции себя распалать, но маленький камешек на сердце, образовавшийся одновременно со звуком звонкой – от всей души – оплеухи, быстро увеличивался в размерах, словно был сперва на горизонте, а теперь придвинулся вплотную.

Однако я даже заблокировал ворота, чтобы она не смогла потихоньку поставить машину и пробраться в дом как ни в чём не бывало, но стоило мне очутиться одному в нашей спальне, где столь многое напоминало о моём в одно мгновение рухнувшем счастье, так сразу слетела с меня вся спесь. Я ничком кинулся на кровать и громко зарыдал.

В этот момент я совершенно отчётливо понял, что моя ненаглядная потаскушка, если мне не удастся вымолить прощение, не вернётся ко мне никогда. Разумеется, её заработков в павильоне не хватит даже на бензин, но разве такой пустяк заставит поступиться гордыней человека, знающего себе цену, а также иные способы заработать, которые, помимо заработка, ещё и удовольствие доставят...

В этом состоянии и застали меня родители. И, узнав, в чём дело, стали пытаться утешить обычными для подобных случаев родительскими словами. Но такие слова, конечно же, не возымели должного действия на мою попавшую в беспросветное рабство душу, и пришлось моим бедным предкам искать иные, более понятные мне словесные обороты.

– Ну, хочешь, – предложил папа, – я завтра же разыщу и доставлю её сюда, где бы и с кем бы она ни была?

– Она не пое-е-дет!

– Куда денется! Захочу, так заставлю на коленях просить у тебя прощения!

– Не-е-т, только не это!

– Но ведь она с тобой не церемонится.

– Как вы не понимаете, мне надо, чтобы она меня люби-и-ла!

– Ну, это уж... – развёл руками папа. Он помнил, что такое любовь, и понимал, что даже его могущество не распространяется столь далеко, – однако есть хорошая народная мудрость: «стерпится – слюбится»...

– Не-е-т!...

– А тогда давай добудем тебе «мисс Баклушин»! – ошарашила вдруг мама. – Я познакомилась с ней вчера, это милая, малоиспорченная пока девушка, вполне, как мне кажется, способная именно тебя полюбить, притом чистой любовью, узнаешь, что это такое, уверяю – тебя за уши не оттащишь!

– Не хочу никакую «мисс», Светку-сучку хочу-у!

И папа с мамой тихо удалились в глубокой задумчивости. А через несколько минут – посоветовавшись, наверное, – отец вернулся.

– Значит, ты, Вовка, будешь просить прощения у неё. Так тоже бывает в жизни: просит прощения невинный у виноватого, правда, мы с мамой впервые с этим сталкиваемся, раньше лишь читали где-то либо слышали. Словом, я её разыщу, но так, чтобы она ничего не знала. А ты как будто сам её найдёшь. И тогда уж – по обстоятельствам... М-м-да, что-то в последнее время в нашем доме сплошные морально-нравственные патологии, к чему бы?...

Может, Светке надо просто дать перебеситься? Терпеливо поносить рога... Чёрт, сам никогда не носил, насколько оно тяжело – судить могу лишь теоретически... Но надёжней, слышь, Вовка, ребёнка вам родить! Ранние дети, считается, здоровей и талантливей. Вот только будет ли ребёнок гарантированно нашим – вопрос... Зато – самое сильное средство!

И ты, сын, выше нос, может, потом когда-нибудь ещё сполна отыграешься за свой, да и за наш позор!...

Ночь в одиночестве и самых невыносимых фантазиях показалась бесконечной. И утром я попросил отца провести обещанные розыскные мероприятия как можно оперативней. Что он исполнил. Так что к середине дня я знал, куда бежать...

Совершенно не соображая, я вломился в какую-то паршивую коммуналку, где нашёл мою девочку в лапах самца ужасающей наружности. И кинулся на него с кулаками, ибо кухонный нож под руку не попал.

Чем бы это для меня кончилось, не представляю, но предусмотрительный отец, как обычно, подстраховал. И в тот момент, когда самец намеревался спустить меня в пролёт лестницы с шестого, что ли, этажа, перед ним, будто из воздуха, материализовался некто ещё более ужасающий. И одним ударом отключил гада. И тотчас растворился. Будто, ей-богу, джинн из лампы Аладдина.

Так что Светка его не видела, вышла, едва накинув на себя что-то, а я уже – победитель. И вроде как право имею. Однако даже ничтожной попытки не сделал я, чтобы возникшее с доисторических и даже более древних времён право это реализовать хотя бы в незначительной степени. Куда там – я просто рухнул на колени посреди заплёванного пола и разрыдался. Потом почувствовал её ладонь на моей голове.

– Ну, перестань, не плачь, ты ведь почти взрослый уже мальчик! Ну, прости меня, Володя, что поделаешь, если я такая... Ведьма.

– Нет, ты не ведьма! Ты – святая! Только святость твоя – особая! И это ты меня прости, ведь ещё отец говорил – просто спорт, физкультура, да я и без него давно знал, но я обещаю преодолеть свой атавизм, чего б ни стоило!

– Вот и умничка, теперь надеюсь, что и впрямь преодолеешь. Значит, всё у нас теперь будет безоблачно, ведь я же только тебя, дурачка, люблю, ты у меня – единственный, а другим я даже в глаза не смотрю, когда с ними бываю, потому что только ты, любимый, всегда передо мной!

– Правда?

– Клянусь!

– Пошли отсюда тогда?

– Пошли.

Мы опять вошли в коммуналку, хотя ноги мои отказывались туда идти, Светлана не спеша оделась — мне хотелось её поторопить, но я не решился — мы вновь вышли на площадку, где в этот момент начал подавать первые признаки жизни тот ни в чём не виноватый, вообще-то, мужик.

— Здорово ты его! — почему-то шёпотом восхитилась Светка,

— Ага, сам удивляюсь, — тоже шёпотом ответил я, мысленно уговаривая мужика чуток повременить.

И он повременил. И мы беспрепятственно вышли из подъезда, сели в нашу машину — господа, по ней, конечно же, отец и вычислил беглянку, — поехали. А следом за нами всю дорогу шла другая машина, лишь под конец отстала. Вероятно, в ней ехал тот спаситель-джинн...

В день, когда мне исполнилось восемнадцать, мы, по Светкиной инициативе, тайком от всех расписались в загсе. Каждый при этом остался при своей фамилии, хотя мне мечталось, чтобы была — общая. Не обязательно моя. Я бы с полным удовольствием сменил и фамилию, и заодно национальность. Мне бы это пошло, если русские и впрямь настолько безоглядны в чувствах, как думают про них евреи.

Но Света распорядилась иначе. Что лишний раз подтверждало — нет, не корыстный, коварный интерес движет ею. Во всяком случае, не только он...

С той поры, если кто-то сообщал, что мне изменяет жена, я отвечал со всей возможной беззаботностью:

— Ну и что? Подумаешь, великое дело! Я тоже изменяю ей — жизнь коротка и сурова, глупо отказывать себе в маленьких, ни к чему не обязывающих радостей. Да и не называем мы это изменами, делимся впечатлениями, советы даём, потому что любим друг друга по-настоящему, без формализма. Главное ведь — быть преданным близкому человеку душой, а плоть, что ж, она грешна по определению...

И знакомые, обсуждая наши со Светкой отношения, говорили промеж собой:

— Вот она, сексуальная революция в натуре. Но быть настоящим пламенным революционером не всякому дано. Однако Вовка Бреган, пожалуй, из таких. Вот бедолага. Или — наоборот...

Но в действительности, когда жена с юмором и тошнотворными подчас подробностями рассказывала мне о своих похождениях, я сильно страдал. Хотя изо всех сил старался не подать вида. То есть преодолеть атавизм не удалось. И теперь я понимаю, что это никакой не атавизм, а важнейший элемент человеческой программы. Но вся эта боль со временем притуплялась. Сжившись с нею, без неё я, возможно, не чувствовал бы себя вполне живым человеком...

А вот расслабиться на стороне, про что я хвастал доброжелателям, мне действительно иногда доводилось. Причём благодаря усилиям всё той же Светланы, по-своему заботившейся о справедливости. Она подкладывала мне своих подружек, подружки были, конечно, под стать ей, но ничем не ограниченный разврат для них всё же не являлся целью, а только средством. Потому что в минуты передышки то одна, то другая предлагала мне бросить мою ведьму и создать крепкую русскую семью в лучших традициях домостроя. И некая Инна, кажется, влюбилась в меня по-настоящему.

Но всем моим временным партнёрам я отвечал одинаково:

— Рад бы, но не могу.

— Почему?!

— Светку люблю — дня без неё не проживу. Такой уж я, по-видимому, урод неизлечимый...

Случалось даже, что жена приводила в дом сразу двоих сексуальных работников — мне и себе. Доводилось бывать в постели одновременно с нею самой и её подругой. Изнурительное, доложу вам, дело. Но на однополую «любовь» подбить ей меня всё-таки не удалось. Сама идея внушала мне такой неподдельный ужас, что даже ведьма моя сжалилась, спасибо ей за это. Ведь она наверняка с удовольствием поглазела бы, как меня будет трахать какой-нибудь любезный её сердцу «орангутанг». Впрочем, я видел ясно, что лесбийские утехы тоже не доставляют ей особого удовольствия и прибегает она к ним исключительно под влиянием моды...

Однажды, будучи в твёрдой памяти и здравом рассудке — относительно здравом, подумаете, наверное, вы, — я решился-таки:

— Слушай, Свет, я не раз слышал, что семейной жизни иногда придают очень существенный смысл дети. Да и ты, наверное, слышала... Отчего бы и нам... Мои предки бы, думаю, не возражали. Даже — наоборот. И, если вдруг нам не понравится быть родителями, есть на кого свалить обузу... А?

— Что?!

— А что?

— Чушь несёшь — ты ж сам ребёнок, причём крайне избалованный, ни к чему не способный, порочный! Хочешь ещё таких наплодить?

— Да уж, тебя б кто посторонний послушал... Хотя, возможно, пару месяцев назад я бы полностью с тобой согласился. Однако благодаря тебе я быстро взрослею. И сегодня мысль сделаться отцом не кажется мне таким уж абсурдом...

— Нет, — слёгкостью раскусила меня моя ведьма, — ты не оставляешь-таки надежду привязать меня к стойлу.

— Ни боже мой! — решил я стоять насмерть, но не сознаваться в самом страшном — по Светкиным меркам — грехе.

— Врёшь.

— Да не вру я! Интересно же, как бы оно было. И опять же — разнообразие, которое для тебя превыше всего...

— Но ты ведь понимаешь, насколько проблематично именно твоё авторство?

— Понимаю, но, во-первых, если ты меня любишь, то могла бы на какое-то время поступиться самой малостью, любовь, говорят, предусматривает некоторые жертвы. А во-вторых, если жертва тебе представляется непомерной, я готов любить чужого ребёнка как часть тебя...

— Не болтай, ты не можешь заранее знать.

— Пожалуй... Но всё-таки — отчего не попробовать? Или — не способна? При твоём образе жизни это немудрено. Хотя очень жаль, если это так...

— Я?! Не способна? Я на всё способна — заруби себе на носу!

— Прекрасно, однако объясни: как получается, что ты никогда не пользуешься противозачаточными пиллюлями и от партнёров своих этого не требуешь, за что они тебя в основном и любят, — этот ехидный намёк, честное слово, вышел совершенно случайно, и счастье, что Светлана пропустила его мимо ушей, — но ты ни разу, насколько я знаю, не делала аборт?

— Секрет фирмы!

— И всё-таки? — на миг мне показалось, что наконец-то я нащупал её слабое место, которым иногда не грех пользоваться ради, если можно так выразиться, социальной справедливости. Но только — на миг...

— Мой любознательный еврейчик... Но — так и быть. Я, как ты уже знаешь, волшебница. Ведьма, если это слово тебе кажется более точным. И забеременею, когда пожелаю. День в день. Прочитаю про себя специальное заклинание и зачну. Хоть от ветхого дедушки, у которого сто лет не маячит. К примеру, от папы твоего. Не желаешь ли убедиться?

— Мой папа вовсе не ветхий! — отозвался я, как бы в шутку слегка обидевшись, однако сердчишко ёкнуло отчего-то. — Мой папа ещё орёл. А дедушка, у которого не маячит — не представляю, чисто технически...

— Хорошо, — сказала Светлана, всем своим тоном давая понять, что разговор подошёл к концу, и разговор был пустопорожним, — оставим в покое дедушку и прочее. Недосуг мне. Но, возможно, мы к этой теме вернёмся ещё...

В те дни в аккурат пришла пора определяться с моим дальнейшим образованием конкретно. А я продолжал быть совершенно безалаберным и лишённым каких-либо устремлений существом. И ни помолвка, ни женитьба даже официальная не оплодотворили меня сколько-нибудь вразумительной жизненной целью. Другими словами, я полностью полагался на волю обстоятельств и родителей, которых могло утешить лишь одно — приятели мои по «элитарной» школе в основном были не лучше. Меня-то хоть любовь делала полным ничтожеством, а приятели были ничтожествами сами по себе.

И пришли родители к неутешительному для себя, а по мне, так наилучшему выводу, что, в связи с не очень нормальными семейными обстоятельствами, выпускать меня в самостоятельное автономное плавание никак нельзя. Лучше, хотя и намного хлопотней, держать на глазах. Тем более что Светка больше ни разу не повторила своё обещание не тащиться за мной в Европу, наоборот, она вела себя так, будто наш совместный выезд за рубежи — вещь давно и бесповоротно решённая.

То есть родители постановили отдать меня в наш российский университет. Самый, правда, лучший. Я и не подумал возражать. Светлана ненадолго надулась, но тоже промолчала. Помнила, видать, своё обещание.

Однако семейные обстоятельства вдруг стали так стремительно развиваться, что дальше отдания моих документов в приёмную комиссию дело не пошло. Эти документы, вероятно, всё ещё ждут меня там, но, скорей всего, не дождутся. Раз за долгие годы не возникло в них нужды, то теперь уж и не возникнет...

Был я тогда на какой-то дурацкой консультации в университете, будто собирался со всеми наравне сдавать вступительные экзамены, утомился что-то, сорвался пораньше домой, а Светка с моим отцом — в «джакузи». И энергично занимаются тем, что некогда очень презиралось не только на Руси, но и в остальном мире, а теперь — лишь в мусульманских да ещё некоторых странах.

И со мной случилась дикая истерика, я ж начисто забыл о той шутивно-зловещей фразе, хотя, наверное, не должен был забывать, с отцом же прямо тут, в воде — обширный инфаркт. И мне же неотложку пришлось вызывать, истерично рыдая в трубку. Хотя «сердце», если вы успели забыть, было не у отца — у мамы. Вот, стало быть, какими иногда бывают уколы совести. Или стыда...

Дело было посреди дня, мама, к счастью, отсутствовала, прислуга тоже, отца отвезла специализированная «скорая», и мы с ним, слава богу, избежали каких-либо объяснений. А то ведь могло дичайшее побоище у нас выйти...

Отец скончался, не приходя в сознание, хотя для его спасения было доставлено медицинское светило аж из Швейцарии. И никакие особые капиталы не успели пригодиться. Но, может статься, отец сам не хотел быть спасённым?...

Однако пока отец ещё немножко дышал в больнице, мы с моей ведьмой поговорить успели. И не я начал этот разговор, а она, когда я ещё оставался в страсти, будто какой-то новобранец, а не закалённый боец. И повела она себя, как всегда, наступательно.

— Ты что же натворил, дубина?!

— Я?! Но...

— Ты! Именно ты будешь виноват, если отец твой умрёт! Кто позволил тебе слиться с жизненно важной консультации, разгильдяй?

Этот напор, сперва чуть не добивший и меня, спустя минуту, наоборот, позволил мне одолеть мою истерику. Хотя ещё минуты две я не мог произнести ни звука, только таращил глаза на это сломавшее нашу тихую жизнь чудовище и даже, кажется, хотел сотворить крестное знамение, хотя и — нехристь, но руки ко лбу поднести не смог, потому исчадие ада не сгнуло.

— За что ты с нами так, Светка? — выдавил я шёпотом.

— Тебе хотела доказать. А то сомневаться он вздумал! Забыл про наш спор?

— И ради дурацкого спора...

— Не дурацкого — принципиального! Иначе — на фига бы мне твой ветхозаветный «орёл»?

— Слушай, мы ж тогда начали с ребёнка!

— Я прекрасно помню, с чего мы начали и чем закончили.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что...

— Ага. Я беременна. От папика. У меня даже — ток-сикоз. Твоя мать сразу засекала и больше меня побледнела. Так что будет тебе кого любить.

Как не взорвалась в тот момент моя голова, ума не приложу...

— То есть уже...

— Четыре недели.

— Месяц, значит...

— Ага, четыре недели, беременность в неделях считают.

— Стало быть, вы с ним уже, как минимум, месяц... Но, чёрт возьми, для победы в споре достаточно одного раза!

— Чего тут непонятого — я жалела твоего отца. Он же всерьёз влюбился. И я не могла сказать ему, что всё кончено, то же самое бы вышло. Я хотела — постепенно. А ты, дурак, всё испортил!...

Вот вы, посторонний, явно вменяемый человек, что можете сказать об этой истории? У вас нет слов? Да, такого диалога ни в одном сумасшедшем доме не услышишь. А у нас к тому моменту все диалоги в доме были примерно такими, значит, был наш дом самый сумасшедший, но самый комфортный из всех сумасшедших домов мира...

В конце концов, мы со Светкой условились ничего не говорить маме о том, почему приключился у отца инфаркт. Мог ведь и сам по себе приключиться. И позвонили ей, сообщив только голый факт. Мол, во время принятия ванны... Более голым факт, пожалуй, просто не может быть.

Мама, разумеется, тотчас бросила свою молодёжную политику и метнулась в больницу. А там уже готова была для неё роковая весть. Нам домой позвонили только минутой раньше...

Похороны были пышными — так только банкиров да бандитов хоронят. Ну, может, ещё кой-кого. На них присутствовал весь тот контингент, который на нашей помолвке присутствовал, а также много незнакомых людей. И Светка ревела громче всех, она одна отважилась поцеловать мертвеца в губы, чего наверняка прежде не делала ни разу. Впрочем, чего только не перецеловали эти губы...

Данный факт, конечно, многих простаков умилил и растрогал — вот невестка, так невестка, — но многих, несомненно, на размышления навёл, о которых не всегда и не всем скажешь вслух. К тому же я-то простился с отцом весьма прохладно, а мама, что настояжило и меня, — ещё прохладней.

Когда после роскошных похорон и поминок мы наконец остались в огромном доме втроём, мама бесцветным голосом сказала вдруг, ни на кого не глядя:

— Уже пошли слухи. Людей в нашей «коммуналке» не проведёшь.

— О чём ты, мама? — От ужаса я похолодел.

Светка, по-моему, тоже перепугалась, хотя прежде я ни разу не замечал, чтобы она кого-нибудь или чего-нибудь боялась.

— Ты знаешь, о чём. И она, — небрежный кивок в сторону нашей растлительницы, — знает. И я, представьте, тоже...

— Да ничего мы не знаем! — вскричал я, от волнения пустив даже «петуха», чего не бывало давненько, тогда как Светка делала мне отчаянные знаки, чтоб молчал.

— Я могу ещё поверить, что ты... Да и то — не слишком-то убивался по отцу... Впрочем, если не врёшь — изволь, порадовать. Если тем самым нанесу тебе рану — ничего, залижешь, не впервой. Не обессудь, но что-то

мне ничуть не жаль тебя сегодня. В конце концов, кабы не твоя шизофреническая любовь... В общем, сын, твой покойный папочка изменял мне с твоей этой... Тебе, соответственно, — рога...

— Так ты тоже заставляла их?! — вырвалось у меня само собой.

— Бог миловал. Но разве обязательно заставить? Хотя ты ещё молодой и не представляешь, насколько хорошо можно узнать человека за двадцать лет... А теперь скажите мне, детки дорогие, как мы с вами дальше будем?

И взяла слово тогда виновница всех наших несчастий. Впрочем, ещё не всех.

— Я понимаю вас, Софья Борисовна, понимаю, что вы испытываете ко мне. И вы, очевидно, правы. Просить прощения — а я бы его попросила — смысла нет да и выйдет пошло, поэтому скажу так: по давно уже названным причинам мы обречены быть вместе. Что бы ни случилось. Вы, конечно, поддавшись эмоциям, можете меня прогнать, но это было бы неразумно.

А Илью Семёновича надо простить. Он был чистый человек, но что поделывать, если у меня такая аура, над которой я сама — хотите верьте, хотите нет — не властна. Эта аура, по счастью, действует не на всех, но уж если на кого действует... А он был отцом своего сына, значит, тоже уязвимым...

Давайте попробуем как-нибудь постепенно помириться. Всё же худой мир... Насколько я понимаю, надобность дарить нам с Вовой квартиру теперь отпала. Как до того — Европа. Дом огромный и совершенно пустой. И со средствами теперь, возможно, станет похуже.

Впрочем, мы с Володей могли бы прямо сейчас вернуться в мою конурку, но ведь вы, Софья Борисовна, предпочли бы держать сына на глазах, как бы ни сложились обстоятельства, верно?

— Верно, Света. Ты на редкость рассудительна, от кого только научилась так говорить слова. Я тоже намеревалась сказать тебе кое-что, но твоя безупречная логика... Так что давайте убирать со стола. И всегда теперь будем делать это сами, потому что я дала расчёт нашей прислуге — посторонних в нашем доме больше быть не должно...

И мы стали жить, почти не встречаясь с мамой. Очень пригодился старинный метод общения — записки. Светка, в очередной раз поссорившись с очередным барыгой, безвылазно сидела дома, у телевизора, я занимался тем же, начисто выбросив из головы высшее образование и тому подобную муру насчёт смысла жизни. Мы, как и прежде, часто и где попало занимались нашей «физкультурой», но почти не разговаривали.

А мама, ни разу не вспомнив больше о своём больном сердце, наоборот, с головой ушла в работу, стала пропадать там даже в выходные, и я искренне мечтал, чтобы у неё, ещё молодой, в сущности, женщины, случился так называемый «служебный роман». Пусть даже с альфонсом каким-нибудь лет двадцати, каких немало ошивается в Комитете по их делам. Это была бы, во всяком случае, достойная компенсация обиды, нанесённой напоследок отцом. О том же при-

мерно как-то обмолвилась и Светка, рассчитывая, может быть, меня позлить, а я — хоть бы хны.

Но ничего такого не произошло. И, как мне кажется, вовсе не потому, что мама как-то особо страдала об отце. А потому, что она возненавидела всем сердцем саму любовь. Во всех её проявлениях. И эта ненависть стала быстро, на наших глазах, сжигать мамину душу, а заодно и тело.

На службе, как удавалось узнавать нам из более чем скудной информации, которая до нас доходила, несмотря на усердие и опыт успешного учёного, мамы дела шли всё и хуже, подошли новые выборы, и мамин фамилии не нашлось места в партийном списке. И новый мандат она не получила.

Вдобавок ко всему в это же примерно время бывшие соратники отца, компаньоны, поделщики, если хотите, путём каких-то манипуляций или ещё как-то... Словом, однажды выяснилось, что мы к числу состоятельных семей больше не принадлежим. И продолжаем уверенно двигаться к полному краху.

Когда отцу по христианскому обычаю — а он всегда почему-то числил себя христианином, хотя в церкви, насколько я знаю, никогда не бывал — отметили сороковины, Светка, будто этого только и дожидалась, продолжила своё победоносное шествие по чужим постелям, мотивируя этого необходимостью заработка.

— Но не повредит ли это твоему... Нашему будущему ребёнку? — счёл необходимым озаботиться я.

— Какому?! — она даже не сразу уразумела, о чём я речь веду, но тут же спохватилась: — Ах да, я совсем забыла тебя сразу проинформировать: не будет никакого ребёнка, можешь быть спокоен.

— Ты сделала аборт?

— Вот ещё — здоровьем рисковать! Я ликвидировала беременность волевым усилием, подумаешь — великое дело!

Да, так она и сказала. Вам, разумеется, сразу пришла мысль об элементарном бабьем блефе, но я, скорее, склонен был верить. Верю и сейчас. И, разумеется, не пытался её остановить. Во-первых, потому что — уговор, чёрт бы его подрал; во-вторых, просто бесполезно; а в-третьих, представляете, я даже порадовался. Поскольку в дни вынужденного воздержания моя жена на глазах превращалась в какую-то совершенно бесчувственную, в том числе и в постели, куклу, ко всему равнодушную, вечно сонную и неприбранную. Как знать, может быть, во время распутства она и напивалась некоей совершенно необходимой энергией. Если верить сказкам про ведьм, то у них это обычное дело...

А мама стала увядать на глазах. И вскоре у неё обнаружился запущенный рак лёгкого. Но я этому не поверил. Как он мог быть запущенным, если мать никогда в жизни не курила, но, главное, лишь недавно перестала пристально следить за здоровьем, а прежде аккуратно проходила всякие диспансеризации, причём не в заштатной районной больничке, а сами понимаете где.

Нет, это был не рак, врачи ошибались. Но если всё-таки рак, то особый — такая как бы опухоль души,

вызванная ненавистью к тому, что, по определению, является сущностью сотворённого некогда и потом спасённого мира...

В общем, через четыре месяца, не доставив никаких хлопот вновь приглашённой, только уже в качестве сиделки, Вере, мама отправилась к отцу. Мне показалось, что она торопила этот момент, отказываясь принимать какие-либо лекарства, кроме обезболивающих. То есть, она могла бы ещё некоторое время побыть среди нас, живых, но ей очень не терпелось отыскать за горизонтом мужа и поговорить о том, о чём не успела при жизни. Впрочем, это всего лишь мои фантазии...

Мама отправилась к отцу, её похороны, на которые пришлось потратить даже деньги, заработанные Светкиным «трудом», окончательно разорили нас. Мы даже с тишайшей Верой не смогли расплатиться, лишь пообещали сделать это при первой возможности. В ответ на что Вера лишь презрительно фыркнула и, не проронив, по обыкновению, ни слова, плотно затворила за собой дверь. Это, как ни странно, задело Светку более, чем что-либо другое прежде, она, кажется, не спала всю ночь, как после покупки нам «БМВ», утром пепельница была полной окурков, но ещё весь день после этого Светкины губы безмолвно шевелились, будто она упорно пыталась что-то кому-то объяснить, однако вслух за целые сутки было произнесено всего лишь несколько слов, притом ничего существенного не значащих...

Дом пришлось продать, в сущности, за бесценок. И не потому, что мы совсем уж не представляли его истинной стоимости, а просто покупатель, изъявивший желание приобрести нашу недвижимость, был такой, с которым не поторгуешься. Этот бандит когда-то работал на отца, хорошо знал, что приобретает, ему, скорее всего, чрезвычайно льстила такая покупка, возможно, он долго ею грезил, и вдруг неожиданно-негаданно пришёл его час...

А в общем, я с лёгкостью подмахнул все бумаги, взял то, что дали, и мы со Светкой на всё ещё шикарном автомобиле, правда почти с пустыми руками, съехали в её однокомнатную лачугу, стараясь не терять чувства юмора, мол, «с милым рай и в шалаше», но кто проверял истинность данной народной мудрости вот так буквально, чтоб из дворца — да сразу в хижину...

Я предполагал увидеть толстый слой пыли и прочие следы длительного запустения, но увидел, наоборот, вполне уютное и обжитое пространство, куда более уютное, чем я знал его раньше.

Впрочем, изумления своего я вслух не высказал — сразу понял: «Так вот оно, «рабочее место»». Следовательно, «победоносное шествие по чужим постелям» начнётся только теперь...

И мы продолжили наше фантастическое сожитие. И очень часто ночами, а то и днём мне места под крышей не находилось. И соседские старушки, не понимая тонкости наших со Светланой отношений, с болью глядели мне в глаза, порываясь сочувствовать и словами, но я поспешно убегал прочь, давно зная все возможные слова. Но пришлось начать учиться

жить в самых некомфортабельных местах, ибо мои немногочисленные приятели очень скоро перестали предоставлять мне кров, боясь заразы — если не физической, так духовной какой-нибудь...

Вы, наверное, думаете сейчас, почему я не пытаюсь пойти работать, чтобы иметь хотя бы право голоса при формировании нашего семейного бюджета? Да нет, я пытался, и не раз. Впрочем, наверное, достаточной настойчивости не проявил. Однако, не имея ни малейшего навыка физической работы и попробовав один раз заделаться грузчиком на склад, я не выдержал и дня. И всё иное, что довелось испытать: сетевой маркетинг, рекламное агентство, агентство по продаже недвижимости и тому подобное, на поверку оказалось не работой, а чистейшим надувательством со стороны заманивавших и нанмаивших меня людей. Или уж это я был абсолютно бездарен.

Эти так называемые работы не только не дали заработка, но даже наоборот. Вырываясь на волю из паучьих сетей, я расплачивался за мою несостоятельность деньгами, заработанными женой посредством тяжкого труда...

Как видите, я не скрываю ничего того, что меня, мягко выражаясь, не красит. Потому что, по большому счёту, меня вся моя жизнь не красит, а вызывает у приличного человека лишь гадливость. А вы, небось, думали, что я этого не осознаю? Осознаю, ещё как.

Но всё-таки у меня, я думаю, есть смягчающее обстоятельство. Которое далеко не всякий примет. Но вы, мне кажется, принимаете. Иначе давно погнали бы меня прочь. А вы — терпите. Спасибо вам...

Наконец Светка, устав, по-видимому, наблюдать мои бесплодные потуги, предложила попробовать освоить её профессию. В сущности, как дед Каширин у Горького, может, помните: «Ну, Лексей, ты не медаль, на шее у меня тебе не место, ступай-ка ты в люди...»

— Торговать в павильоне? — не сразу сообразил я.

— Куда тебе! Сразу проторгуешься, ты ж у меня полный лох.

— Тогда — что?

— То самое!

— Ни за что! Это ниже моего...

— Чего — твоего?

— Того самого!

Она хохотала минут пять, не меньше. А потом ментально сделалась серьёзной.

— У тебя «того самого» нет, никогда не было и не будет. О чём ты сам прекрасно знаешь. А не будешь приносить в дом хоть какие-то деньги — кормить не буду. Машина, которая жрёт больше нас обоих, да ты — «Боливар» уже не выдерживает...

— Во! Давай тачку продадим!

— Я же сказала: лучше продать тебя.

— Так ведь покупателей не найти.

— Найдём.

— Но моя внешность не такая уж...

— Не мачо, конечно. Однако не на мачо главный спрос.

— А на кого?

— Да вот на таких как раз изнеженных маменькиных сынков, каким ты почему-то до сих пор, несмотря

ни на что, остаёшься. Сексуально озабоченные деловые дамы на таких непорочных, каким ты кажешься, мальчиков и клюют. Тем самым убивая двух зайцев, ведь сексуальная озабоченность часто мило уживается с нереализованным материнским чувством. Так что предвижу немалый твой успех. Серьёзно. Не исключая, что платить тебе будут щедрее, чем мне, смотри, не зазнайся потом, не забудь, кто тебя в люди вывел.

— Слышь, Светик, а как ты, вообще-то, мыслишь, будет ли какой-нибудь предел нашему падению?

— Ну-у, опять «старая песня о главном»!

— Да нет, просто любопытно.

— Это не падение. Это нормально для эпохи революционных преобразований.

— Даже так!

— Только так. Но ты, я вижу, согласен?

— Что ж... А получится у меня? Чисто технически? Всё же будут не одни красотки типа твоих подружек.

— Вообще-то, может не получиться, вы, мужики, уж больно нежные создания. Возможен брак на первых порах. Но по мере роста профессионализма... Надо пробовать.

И вскоре жена свела меня с первой моей клиенткой. Причём самой не пришлось уходить из дома, поскольку женщины, как выяснилось, предпочитают заниматься развратом на своей территории. По крайней мере, те, кому нужен беспорочный мальчик.

Моей первой клиентке было, наверное, под пятьдесят, но к этим годам она сумела сохранить умопомрачительную фигуру и весьма привлекательную внешность, так что проблем у меня никаких не возникло. Не считая того, что использован я был по максимуму и домой притащился едва живым. Вот баба — могла бы иметь любого самца бесплатно, а ей субливного юношу подавай! Абсолютно не поддаётся разумению...

Однако мне понравилось. А чего? Мне даже подумалось, что с помощью этой «творческой» работы я совершу невероятное — разлюблю Светку да и останусь жить с какой-нибудь состоятельной дамой навсегда, как у Христа за пазухой.

Потом были разные женщины. Может быть, десятка два всего. И ни одного сбоя, потому что либо Светка так устраивала, либо оно случайно выходило, но непривлекательность клиенток нарастала постепенно. И я начал уже ощущать себя профессионалом.

Но тут моя Светочка чем-то будто бы встревожилась. Не исключая даже, что проснулось в её сердце нечто, напоминающее ревность. И то сказать — меня на неё совсем уже не оставалось, я, как говорили в старину, просто горел на работе.

И мои клиентки резко переменялись — сплошняком вдруг пошли старые гримзы да к тому же извращенки, которые порой требовали от меня... В общем, сами можете представить, что способна востребовать воспалённая женская фантазия, а я уж и дальше буду избегать натурализма. Только если никак невозможно будет избежать... Да нет, всё равно...

И, всё с большим напряжением исполняя обязанности, я стал роптать. А Светка лишь смеялась и говорила, что так всё и должно быть, что пока я был неопытным, она специально подбирала мне клиенток

получше, а теперь, дескать, пора делать и чёрную работу, которая зато выше оплачивается.

Я тогда высказал пожелание, чтобы чёрная работа хотя бы чередовалась с белой, моя ведьма пообещала учесть пожелание, но дальше обещания дело не пошло. И однажды мой профессионализм разом пропал, я подумал — просто сбой, вернул полученные вперёд деньги, извинился, но сбой повторился, я не на шутку перепугался, но старая мырма, при которой это случилось, вместо того, чтобы пожалеть мальчика, с которым вышел конфуз, побила меня шваброй и голым выставила за порог. И, притащившись посреди ночи домой, к счастью, у Светки был тогда выходной, я взмолился:

— Не могу больше — хоть режь меня!

— Ладно уж, так и быть, — неожиданно легко согласилась она, — иди ко мне — соскучилась.

И я пошёл, надеясь, что вот сейчас с помощью моей колдуньи избавлюсь от комплекса, нажитого в процессе хищнической эксплуатации самого себя. Но — где там! И второй раз в жизни я увидел в глазах этой фантастической женщины нечто, похожее на страх. А мою душу обуял просто ужас...

Помнится, она тогда всю ночь гладила меня по голове, напоминая этим покойную маму, шептала ласковые, утешительные слова, и горячие капли изредка капали мне на макушку. Скорей всего, это были слёзы — что же ещё, — но уверенности полной так и нет, Потому что Светкиных слёз не видел ни разу в жизни, если не считать тех, что она пролила на похоронах отца.

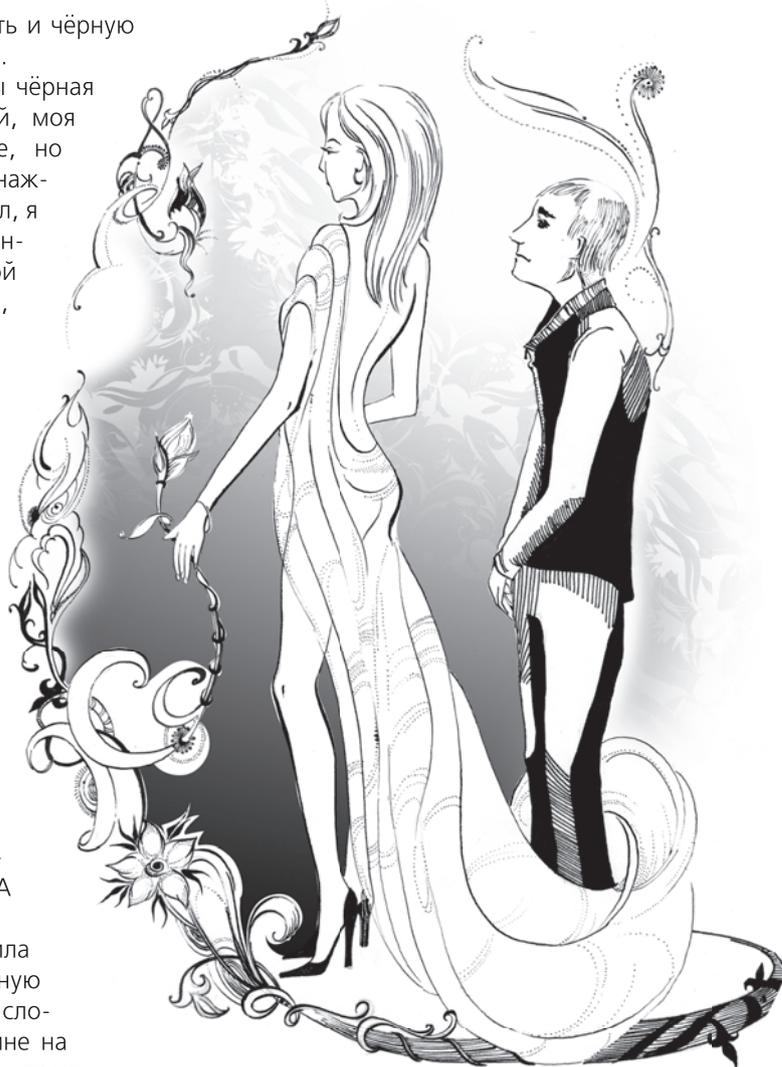
В общем, впредь она меня на работу не посылала. Более того, когда я, потихоньку оклемавшись, почти что заскучал о работе, она меня на неё со всей решительностью не пустила. А чтобы не скучал, ещё и припугнула, мол, хочешь сделаться неизлечимым импотентом в двадцать лет — иди, но имей в виду, импотента я в доме держать не стану.

«Любит, — подумал я, — всё-таки любит!» И пережил очень редкое в моей жизни ощущение полного счастья. Очень редкое...

Однако денег на жизнь катастрофически не хватало, «БМВ», весьма к тому времени потрёпанный, пришлось-таки продать, денег за него дали мало, и они кончились в один момент...

И тогда же примерно у Светланы начало развиваться явное психическое расстройство. Скажете, оно всегда у неё было? Вероятно. Но, значит, оно было не явным. Для меня, по крайней мере.

Словом, в те дни, когда не было денег даже на курево, Светлане начали приходить в голову различные финансовые проекты насчёт того, как нам сразу и навсегда разбогатеть. Проекты, едва родившись, ею же самой отвергались, но один имел далеко идущие

последствия. Это когда она решила принять участие и победить в конкурсе «Мисс — «чёрная дыра»».

Тут уж любому дураку и даже мне было очевидно: это — глюк. Хронический глюк. Светка отродясь не имела форм, соответствующих стандарту. Но это ещё бы ладно. Стандарт и красота — вещи часто несовместные. Однако резко снизились Светкины заработки, что явственней всего напоминало о возрастном характере профессии. Да и просто — разве победу в подобных конкурсах гарантируют даже самые феерические внешние данные?

Но Светка заикнулась на этом проекте. И мой язык был малоспособным к произнесению настолько суровой правды...

Для достижения недостижимого был использован наш последний ресурс — мы загнали Светкину родовую хрущобу, купили умопомрачительные по нашим деньгам туалеты, косметику, ещё какую-то фигню. И остались не только без денег, но также и крыши над головой.

Зато когда моя «мисс» напялила дорогой наряд и накрашилась эксклюзивной косметикой, то преобразилась настолько, что я даже на момент усомнился в

факте нашего знакомства. Ей-богу, это не метафора. Возможно, тут опять не обошлось без колдовства, да точно не обошлось — Светланка превратилась в настоящую королеву, и примет бурной, беспорядочной жизни как не бывало!

И легко прошла первый отборочный тур, потом второй, третий. А дальше уж было то, о чём теперь уж все, наверное, знают. То есть пошли в ход неспортивные, так сказать, приёмчики. Поскольку организаторы такого рода затей не то чтобы Божьего Промысла не признают, но и каких-либо ухмылок Фортуны ни почём не допустят.

И мне пришлось наблюдать очередное некрасивое, печальное зрелище — впрочем, некрасивые, печальные зрелища я в основном наблюдаю всю жизнь, — как мою Светочку силком утаскивали с подиума два дюжих «security», а она хотела остаться, дабы продемонстрировать публике ещё что-то, совершенно невиданное, неслыханное. Нет, я не ведаю что, многие, так сказать, «домашние заготовки» она держала в тайне даже от меня, однако вряд ли она рвалась выскочить голышом, ибо этим и тогда уже никого нельзя было потрясти, скорей всего, она хотела изобразить нечто исключительно своё, ведьмовское.

Светку волокли с подиума, она отчаянно сопротивлялась, кусалась, царапалась, ругалась матом, а я сидел в зале и сгорал от стыда. Хотя прежде мне казалось, что стыд я давно растерял весь. Или даже не было его у меня никогда...

Чуть позже я, как мог, утешал мою несостоявшуюся королеву красоты в каком-то закутке.

— Ты — моя королева! — повёл я страстный монолог, нажимая на слово «моя». — Ты на десять порядков лучше их всех, то подтвердит всякий, не имеющий отношения к этому грязному бизнесу. Но пойми, девочка, ведь тут кто подвизается? Ведь они — лишь с виду «крутые мэны» и стопроцентные мужики, а на самом-то деле импотенты неизлечимые, гомики да извращенцы! И вкус у них соответствующий, а потому шествуют бесконечным строем по всем подиумам мира кривоногие, вульгарные плоскодонки, с которыми истинно стопроцентный мужчина, которому на блудливую моду наплевать, ляжет в постель только за большие деньги да и то с содроганием!

И тут, как будто бы нарочно для подтверждения моих слов, протиснулся в наш закуток рыжий ражий детина, при виде которого мгновенно перестала реветь и материться несостоявшаяся «мисс-»чёрная дыра».

— Как хорошо, что я нашёл-таки вас, Светочка! Я ведь обшарил весь этот идиотский «palace», а вы — вон где! Плюньте действительно на этих козлов, ваш сутенёр... О, excuse me, я хотел сказать муж, почти во всём прав, а не прав лишь в том, что нет в show-business настоящих мужиков, потому что я, ей-богу, — настоящий! И являюсь российским представителем журнала «Play Boy». Надеюсь, уровень нашего журнала сомнений у вас не вызывает?

Моим-то первым желанием было послать рыжего в известное место, но у Светки глаза враз вспыхнули зелёным огнём, тоски, тоски, переполнявшей их, как

не бывало, она выскользнула у меня из подмышки и прямо-таки вцепилась в «представителя».

— Я готова на любые условия, я с детства мечтала попасть к вам в журнал, я, несмотря ни на что, всегда верила, что однажды... Но где же вы так долго были?!

— Планета велика — улыбнулся он настоящей американской улыбкой и вздохнул, будто только что совершил пешком путешествие по этой самой планете, — Россия тоже не маленькая страна, зеленоглазых ведьмочек в ней не так много, конечно, однако и не мало, отыскиваем их, как иголку в стоге сена.

— And you speak Rushing good, — выдал я рыжему как бы комплимент на своём кошмарном английском, с которым тем не менее намеревался жить и учиться в Англии совсем недавно, вот кретин, да? Однако данным «комплиментом» я надеялся уличить этого самодовольного «плейбоя» — во-первых, фраза, которую я насилу состроил, наверняка была безграмотной, и он просто обязан меня в этом уличить; а во-вторых, если он такой же американец, как я англичанин, то должен что-то отвечать, и тогда я его уличу...

— Так и должно быть, — ответил «представитель» с неожиданно доброй русской улыбкой, — я ж с Рязанской области родом, и зовут меня Степаном. Но, если угодно, можно — сэр продюсер Стив.

Этим он меня и разоружил. А Светка попросту сомлела.

— Сти-и-в, — почти пропела она, жмурясь, — продюсер...

— Однако ближе к делу, — Стёпка фамильярно потрепал Светку по заду, но, возможно, этот жест у них считается чисто дружеским, — знаете ведь нашу американскую деловитость. Вот моя визитка. Завтра к девяти ноль-ноль вам надлежит явиться по указанному в ней адресу. При себе иметь документы, личные вещи и сухой паёк на трое суток...

Последние слова меня вновь вооружили, я уже открыл было рот, чтобы вывести жулика на чистую воду, но рыжий продюсер вмиг исчез. Я за ним даже кинулся, но он, видать, направился в противоположную сторону.

Конечно, я очень старался Светку вразумить, ведь всё так очевидно, но она, всегда такая умная и порой коварная даже, ничего слушать не хотела. Будто на сей раз она угодила под действие чужих злых чар.

То есть клюнула моя Светланка, выражаясь близким вам языком, на пустой крючок. И я, кретин, помог собрать ей пожитки, безропотно позволил забрать последние копейки. Да и попробовал бы я не позволить...

И мы явились в указанное время по указанному адресу, а там даже таблички самой незамысловатой на двери не было. Нам открыл дверь какой-то хрен в синей униформе охранника, увидев визитку, молча отступил в сторону немного, я хотел тоже проскользнуть внутрь, но, увы.

— Света, Светочка! — крикнул я в отчаянии.

— Я напишу тебе или позвоню — бросила она, даже не обернувшись на прощанье.

И массивная дверь бесшумно и наглухо затворилась. И остался я один посреди глухого неприбранно-

го двора, где если убьют, то даже труп недели две никто не обнаружит. И казался я себе единственным или последним человеком посреди необитаемой планеты. А в сущности, ведь так оно и было, потому что к этому моменту я не имел ни друзей — впрочем, я их никогда не имел, какой из меня друг — ни родственников, ни даже знакомых, которые бы со мной просто здоровались...

Нет, я, конечно, и тогда помнил, что где-то в недостижимо далёком захолустье Челябинске живёт папин брат Лев Семёнович, мой родной дядя, а в Виннице — мамина семидесятилетняя, но, по рассказам, весьма энергичная тётушка Хася Лазаревна, но я даже не представлял, что могут однажды такие ветры подуть, которые занесут меня на Урал, тем более к самостийникам...

Все трое суток я и проторчал возле запертой двери, надеясь неизвестно на что. Время от времени я в эту дверь что есть силы колотил, но оттуда больше никто не выходил. Даже затем, чтобы дать мне по морде. Словно от этой двери вёл прямой подземный ход в Америку...

А видеть, теплилась во мне крохотная сумасшедшая надежда, что в какой-то миг моя бедненькая ведьма как применит свою колдовскую силу, и всё пойдёт так, как ей и хотелось: трое суток изнурительных съёмок, еда всухомятку и не ощущая вкуса, но вот кончатся съестные припасы, кончается у фотографов вся плёнка, и дверь в огромный мир широко распахивается, и Светка выходит в него чертовски уставшая, но богатая, знаменитая и соскучившаяся по мне до смерти.

Спустя трое суток я вдруг обнаружил, что неприступная прежде дверь не заперта. Я спокойно вошёл в неё и увидел самый обыкновенный обшарпанный подъезд, самые обычные железные, а кое-где и по старинке обитые дерматином квартирные двери. Я позвонил в одну из них, и мне открыл какой-то заспанный дедок в майке. Разумеется, ничего толкового сказать он мне не мог, лишь при звуке «Play Boy» плотоядно ощерился малозубым ртом.

Так что всё в оконцовке оказалось предельно глупо, пошло, реалистично. Нас даже не сочли нужным одурачить как-нибудь красиво, с фантазией. С нами, русскими, всегда, очевидно, будут обращаться только так...

Совершенно не помню, как и где я прожил три недели, пока не было от Светки никаких вестей. Без существенного преувеличения можно сказать, что двадцать дней я был астральным телом. И хоть убейте, не помню, каким образом меня нашло её письмо без адреса, без марки, сложенное треугольником, как это делалось в незапамятные да притом военные времена. Вполне возможно, что несчастная возлюбленная моя самостоятельно заново открыла такой способ упаковки крика души...

Из этого послания я узнал, что там, где моя возлюбленная очутилась, когда продуктов, взятых в дорогу, уже не было дней пять, запрещены всякие контакты с внешним миром. Светлану вместе с другими русскими дурочками числом до полусотни поместили

в какой-то полуподвал, единственное окно которого, забранное решёткой, выходило на пустырь, заросший высоченным бурьяном, на который, казалось, не ступала нога человека. Во всяком случае, ни одного случайного прохожего криком привлечь не удалось, зато, чтобы впредь было орать неповадно, Светку охранник так отметелил, что она, смертельно голодная, ещё два дня ничего в рот взять не могла.

Но, представьте, ей удалось как-то раздобыть бумагу, стержень и написать. И выбросить письмо в бурьян. И я его получил. Притом достаточно скоро. Уж не такого фантастическому стечению обстоятельств обязана жизнь своему появлению на Земле?...

И, не помня себя, я рванул в это мрачное «тридесатое царство» выручать мою «Светлану Прекрасную да Премудрую». Как Иван-Царевич. А скорее — Дурак... И как всегда в таких случаях — «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Но я уже был не тот недотёпа и тем более маменькин сынок. Нет, к чему-то общественно полезному по-прежнему способен не был, зато по части иного... Да человеческие джунгли уже были для меня домом родным, хотя до настоящего хищника я, конечно, не дорос, однако до существа, напоминающего хитрого, злобного, трусливого, но упрямого хорька — вполне, полагаю.

Я добыл некоторое количество денег самым простым для меня способом — разыскал одну свою бывшую клиентку, наврал ей с три короба, мол, не могу забыть, извёлся вконец, чуть дистрофиком на почве любви не стал, бедняжка клюнула, приютила, надеясь откормить, отмыть да и в хозяйстве своём использовать. А я, ни единого разу не пригодившись, улучил момент да и вынес из квартиры всё более-менее ценное, вплоть до алюминиевой утвари. Правда, этого хватило лишь на первые шаги по пути за «тридевять земель»...

Добрался я до того города, где томила в чёрной неволе моя Светлана Прекрасная, а её и след простыл. Ну, точнее, почти простыл. Покатилась она по белу свету дальше, уж не обессудьте, может, злоупотребляю русским фольклором, не имея на него никаких прав, как Колобок, только, в отличие от фольклорного Колобка, от неё, бедняжки, откусывали по кусочку все желающие. Хотя, казалось бы, ей самой палец в рот не клади...

Что мне оставалось — я покатился по следу, то теряя его, то чудом вновь находя. И продолжалась эта гонка без малого шесть лет. Где я только не побывал, чего только не натворил!

Впрочем, не пугайтесь — никого не убил, банки не грабил, Интерпол меня не ищет. За свои проделки, а это не крупные кражи, мелкое мошенничество, лёгкое вымогательство, проституция — я сполна отсидел в разных тюрьмах мира. Слава богу, сроки у них за пустяковые преступления тоже пустяковые.

Несколько раз я почти настигал мою возлюбленную. И настиг бы, если б она знала, если б чувствовала, что я совсем близко, что ищу её. Но знать это она не могла, чувства колдовские да и просто человеческие умерли от невыносимого существования. Хотя она обо мне вспоминала часто как о самом светлом в сво-

ей далеко не светлой жизни, вспоминала и думала, что я давно погиб, гоняясь за ней по свету. Но о том, что разлюбил и живу в своё удовольствие с кем-нибудь где-нибудь, Светка не думала ни разу...

Представляете, за шесть лет мы с нею совершили почти полное кругосветное путешествие! Извилистое, как сама наша жизнь. Вижу, что время нас поджимает, поэтому не стану расписывать его в подробностях. И я настиг её — где б вы думали — в одном из заброшенных посёлков БАМа. Нашёл в полуразвалившейся котельной, возле которой, однако, лежало в достатке отличного угля, и можно было запросто зимовать, не опасаясь замерзнуть.

Любовь моя лежала под грудой грязного тряпья, умирая от ста болезней одновременно, главной из которых был неумолимый — недаром же его обозначают прописными буквами — СПИД. И окружавшие Светку бомжи да бомжихи уже прикидывали, как бы поскорей от неё избавиться, пока она всех не переза-ражала.

Светочку мою было почти невозможно узнать, однако я узнал её сразу. И наша встреча была трогательной, как в кино. Мы плакали, целовались, по очереди кусали от плохо пропечённой чёрной буханки, сбивчиво рассказывали друг дружке о наших злоключениях, а присутствовавшие здесь же бывшие люди глядели на нас голодными злыми глазами, но не решались на открытую коллективную агрессию. Потому что у меня был пистолет.

Наевшись хлеба и попив водички, Света сделалась озабоченно-деловитой. Даже — возвышенно-деловитой. Она сказала:

— Милый Вовочка, я завтра, самое позднее — послезавтра, помру. Не возражай, я это чувствую и жду конца как избавления от моей отвратительной жизни. Но у меня есть последнее желание. Именно — желание. Однако если ты намереваешься жить на свете без меня — можешь его не исполнять. Я ничуть не оби-жусь...

— Нет! — вскричал я страстно, ни на мгновение не усомнившись в правильности скорого выбора. — Я и туда последую за тобой!

И мы безоглядно отдались последней нашей страсти прямо в присутствии угрюмых соглядатаев, и это присутствие нас только дополнительно распля-ляло...

Да-да, именно так, вы всё правильно поняли. Я обречён, и мне уже немного осталось. По вашим глазам я вижу, что вам не по себе, но вы мужественный и великодушный человек. Должен сказать, что я не много таких встречал. И встречал только в России...

Не бойтесь, я не сделал сегодня ничего такого, чтобы вам навредить. Я за этим строго слежу. И ещё — каплю терпения, ибо я почти закончил...

Когда моя возлюбленная умерла, я засунул её переполненное грехом, но ставшее почти невесомым тело в топку и сжёг без особого труда. Кожа да кости — хорошее топливо. Потом я положил немного пепла в баночку от кофе, пистолет бросил в топку, чтобы им никто никогда не смог пользоваться, и ушел в ту сторону, где садилось солнце.

И вот я здесь. И мне осталась последняя сотня километров. Там, в Челябинске, я приду к дяде Льву Семёновичу, и он, не сомневаюсь, с радостью от меня откупится. Ведь я попрошу немного. Лишь бы одеться по-человечески и улететь на более-менее законных основаниях. Куда б вы думали?

В Землю Обетованную, вот куда. Я решил, что должен умереть там, в центре мира, где сходятся в точку все человеческие страдания и упования за тысячи лет.

Я там умру, и прах моей возлюбленной смешается с моим прахом. Не смейтесь, может быть, я тем самым увеличу число вечных символов человечества...

* * *

Между тем почти рассвело. Порядочные рыбаки уже давно занимаются делом. А я лежу, укутавшись в покрытый обильной росой полушубок, и как-то не слишком сожалею о пропавшей рыбалке, словно не ради неё притащился сюда за сто с лишком километ-ров.

Я жду, что непостижимый Вова Брегман скажет ещё что-то, но он молчит и молчит. И я начинаю осоз-навать, что его фантастическая история действительно окончена...

— Володя, а где банка?

— Вот она, — он достаёт из-за пазухи жестянку из-под паршивенького «Пеле». Таких полно на любой по-мойке и в любом киоске.

Но, разумеется, у меня не поворачивается язык попросить предъявить содержимое. Да и что бы это доказывало.

— Как же ты — до Челябинска?

— Подумаешь — сто кэмэ...

— А в Израиль? Тебя же не пустят со СПИДом.

— Как-нибудь извернусь. С моим-то опытом...

— И то...

Мы одновременно поднимаемся, я подбрасываю в костёр хворост и ставлю чайник, но на моё предложение попить напоследок чайку следует вежливый, но твёрдый отказ. Спешить парню, конечно, особо не-куда, у него ж вечность впереди, но если всё до пос-леднего слова сказано, так что ж...

И мы расстаёмся. Без традиционного в подобных случаях рукопожатия. Это получается как-то само со-бой, но ведь я старше и должен был бы, по идее, пер-вым...

Впрочем, неловкость мучает меня недолго. Пора завтракать, но прежде надо как следует и с мылом сполоснуть в озере руки...

Разумеется, похожую историю доводилось мне читать. Не исключено, что Вовке Брегману — тоже. А люди с причудливой судьбой горазды на фантасти-ческие рассказы...

Да ещё одна хорошая знакомая, «еврейский воп-рос» изучавшая не по учебникам, уверяла, что евреи к безрассудной любви не склонны, чем, в частности, и спасаются уже не одну тысячу лет. Но всё же, полагаю, — услышанное-таки заслуживает быть преданным бумаге вне зависимости от степени достоверности. Не затем, чтобы, как говорится, «раздвинуть горизонты», а затем, чтобы просто напомнить...

Ефим ГАМАЮНОВ, г. Петровск, Саратовская обл., Россия

Net тебя!

Дэн2042 эт Лавбой заявился под вечер. Лицо его сияло, словно оптический диск, индикаторами включения горели глаза. На майке гордо синел новый ник.

— Фамилию сменил? — с завистью спросил Спайк. Ему бы родители башку оторвали за такие выкрутасы. Дэну везет, у него родичи — багтрапперы, продвинутые.

— Да, получше, чем Гигамен, но вообще... — Дэн округлил глаза, — вообще, Спайк, это винт. Самый прикол не в этом.

— Что за прикол?

— Помнишь про те ссылки?

Спайк начинал понимать, к чему клонит Дэн.

— Хорош, сколько можно? Как всегда?

— Не, прикинь, верняк! БлюРей помог.

По спине Спайка пробежала предательские мурашки страха. БлюРей, легенда хак-нарко, создатель наркопроги ЛСД. Но любопытство... оно сильнее.

Он наклонился к Дэну поближе.

— Круто! Когда?

— Да хоть сейчас. Только пополам, я за нее 2000 неткредов выкинул.

О, винт! Гиг энков! Потом недели две только телик и туса в Низине.

— Дэн, ты глюкнул, откуда столько?

Эт Лавбой поглядел на товарища. В его взгляде Спайк прочитал удивление и неприязнь, почти отвращение.

— За такую фигню людей от сетки отключают. На-всегда! Я приношу тебе к самым очкам, а ты жмешь несчастный гиг неткредов. Слушай, как я еще с тобой тусуюсь?

Спайк примирительно поднял руки.

— Да ладно, Дэн, я же просто так. Ты меня знаешь. Я с тобой сто лет пакетами перекидываюсь, неужели какой-то гиг энков встанет между такими корешами?

Дэн2042 заулыбался на все HD.

— Ресет, чувак. Я-то тебя знаю! Ну, так...

В ухо Спайку пикнуло: кто-то коннектился.

— Спайк? Спайк? — зазвучал мамин голос. — Слышишь меня?

Спайк глазами показал Дэну — родичи, а затем от-ветил.

— Да, ма, я тут.

— Ужинать!

Он прикинул и сказал

— Через десять минут буду.

Шелчок — дисконнект.

— Родичи вызывают, — пояснил он Дэну. — Слушай, давай через час.

— Эй, винт, чувак. Я и так весь день сегодня мучаюсь.

— Ты ж в школе был.

— Я? — удивился Дэн. — Глюкнул?

— Хорош, я ж видел.

Дэн расхохотался. Длинные ярко-красные дреды запрыгали туда-сюда и замерли, только когда Дэн немного успокоился.

— Не верь глазам своим, — где он находит такие древние посты, Спайк не знал.

— Хочешь сказать, вирусняк?..

— Конечно! — Дэн явно был доволен собой. — Всего 100 энков. Хочешь, скажу, где есть?

— Ресет, Дэн. Родаки...

— Давай, чувак. Через час, не забудь!

— Давай у Низины? — предложил Спайк.

И Дэн2042 эт Лавбой с ним согласился.

После разговора с матерью прошло десять минут. Спайк вбежал на кухню. Краем уха уловил, о чем говорили мама с папой: о Стиве эт Лорддоом101. Этот придурок, как Спайк слышал в школе, проиграл все неткреды своей семье в «Велиревей», а затем перерезал вены. Тупица, одним словом.

Да уж, вот ему-то не проиграть «все неткреды своей семьи». Отец берет только для ТВ и немного маме для магазина. Остальные переводит в дурацкие «настоящие деньги», как он их называет. Так что у Спайка в наличии энки, что выдаются на месяц, да еще за хорошие отметки в школе. А тут особенно не разгуляешься.

Нет, он, конечно, порой подрабатывал — чистил уровни для разных серверов, продавал всякие ходы и лазы на хорошие игрушки, несколько раз выигрывал соревнования. Как все, в общем. Один раз даже почти победил Крайта в «Детвар». Это было рульно, реально рульно.

— Все хорошо, Спайк? — спросила мама.

— Все отлично, мам.

Ефим Владимирович Гамаионов родился в г. Петровске Саратовской области в 1976 году. Закончил Самарский колледж связи при ПИИРС. Работает программистом в Петровском филиале СГСЭУ. Женат, двое детей. Писать начал давно, публиковаться — с 2006 года. Рассказы печатались в журналах «Порог», «Полдень 21 век», «Просто фантастике», и на CD в «Мире фантастики».

— А в школе? — буркнул отец.

Даже нет-очки не снял, опять по телеку «старый добрый футбол» смотрит. Дрянная штука, непонятно, что он в нем находит?

— Учителя довольны, — неопределенно ответил Спайк.

— Завтра зайду, — предупредил отец, — адрес тот же?

— Конечно. Только, пап, помнишь, я в девятом английском?

— Папа помнит, — успокаивающе сказала мама.

Ну, конечно. В прошлый раз он зашел на старый адрес и раскалил модемы там всем, кому смог. Потом еще два дня пришлось его успокаивать и объяснять, что Спайк переехал три месяца назад в другую школу.

Спайк торопливо хватал, глотал почти не жуя. Наконец выпил сок, кинул упаковку в мусорник.

— Спайк?

— Да, мам.

— Может, погуляешь?

— А?.. Да, может. Конечно.

Одно хорошо — искать не будут. И Спайк поцеловал мать, поблагодарил за ужин и бросился с кухни — Дэн ждал.

Лавбой всем своим видом выражал нетерпение.

— Ну, теперь все?

— Ок, — подтвердил Спайк.

— Цепляем тогда.

Они достали и подключили запахогенераторы. У Дэна он оказался юзанным до белесых проблесков на черных проводах.

— И раздражалку тоже.

Спайк кивнул, прикрутил «раздражалку» и закинул маленький пластиковый диск в рот.

— Ну, чувак, — у Дэна вышло «Ну фуфак», — попробуем?

Страх драл Спайку спину, сердце убежало в пятки и вроде бы совсем там не трепыхалось, но не отказываться же перед Дэном? Нарко-прога. Сто миллионов тактов хотели попробовать. Он кинул и сглотнул слюну.

И Лавбой кликнул по ссылке.

Вначале запахло словно бы паленой проводкой. От «раздражалки» во рту потекла сладковатая слюна. Потом стало горько, а в носу защекотало от какой-то кислотности.

— Чего-то не действует («Фто-то не дефтфует»), — успел сказать Спайк.

И тут его словно накрыла волна запахов. Разных, всяких: и сладковатых, и неприятных. Пахло словно бы сразу и маслом, и гарью, и цветами, и чем-то еще, и всем сразу, и...

Голова закружилась, он увидел, как окружающие Дэна дома нависли над ним, склоняясь. Сам Спайк словно бы потерял вес; его поднимало вверх и поворачивало вокруг оси. А окружающее пространство кружило, сжималось и перекручивалось.

Никогда еще Спайк не чувствовал себя так. Страх не было вообще, он только сейчас понял, как это — жить. Он был свободен, он был лучшим из всех живущих в...

Он, Спайк, великий хакер, самый известный во всей сети. Он переполнялся силой и мощью, в голове летали гениальные мысли. Надо запомнить... на фига... успеет...

Все кончилось внезапно. Миг — шок, встряска. Слово только что летел и — бабах! — врезался в землю. Во рту жила сухость, голова раскалывалась на миллион клавиш.

— О, винт, — проскрипел Спайк, сам удивившись, как звучал его голос. — Дэн, меня сейчас вырвет...

Он выплюнул пластинку вкусогенератора.

Дэн молчал. Где ты, чувак, ей...

Лавбой лежал прямо на земле. Широко открытые глаза глядели в никуда. По проводку «раздражалки» изо рта стекала слюна. Розовато-красная. Спайк похолодел.

— Дэн, — позвал он. — Эй, Дэн, слышь, ты чего?

Дэн2042 стал таять. Сначала сквозь него стала просвечивать земля, затем он стал вовсе стеклянным и исчез.

Спайка продрал реальный ужас. Лицо покрылось капельками холодного пота, огромный кусок льда неведомо как очутился внутри Спайка.

— Дэн, — по-дурацки позвал он, — ты куда?

Некоторое время Спайк бессмысленно просидел, уставившись туда, где недавно лежал Лавбой. Что дальше?

Когда вокруг все стало синим, он не заметил. Просто вдруг кто-то заговорил, и Спайк пришел в себя.

— Спайк эт Джонсон, пятнадцать лет, пол мужской, — проговорил высокий мужчина в форме.

Полиция! У Спайка закружилась голова, и он понял, что сейчас грохнется покруче Дэна. Полицейский продолжал:

— Вы обвиняетесь в использовании запахогенератора для противозаконных целей, в соучастии использования противозаконной гиперссылки. Соучастник Дэн2042 эт Лавбой не может быть привлечен к ответственности ввиду смерти последнего. До окончания расследования и объявления официального наказания вы подвергаетесь блокировке выхода в сеть, ваши неткреды, а также неткреды вашей семьи заморожены. Прошу вас не покидать адреса Мексика, Монтерей, Сен Мадре, 2256, 1988 до объявления официального наказания. Прошу вас не пытаться выйти в сеть под чужой фамилией. До свидания.

Тут же Спайка оглушила темнота. Темнота и тишина. Все отрубилось. Слово он разом ослеп и оглох. Спайк почувствовал, что если сейчас ничего не произойдет, он сойдет с ума. Верняк.

Он содрал с головы нет-очки. Негромко зашелестел за окном город. Спайк посмотрел на стены комнаты. Его комнаты. Хоть тут все по-старому.

Вот вляпался!

Спайка замутило, а потом вырвало на пол. Он, шатаясь, встал из нет-кресла (датчики отлеплялись с неохотой, словно пиявки), но ноги от страха тряслись так, что Спайк упал бы, не схватись за спинку «НетВорда».

О, винт! О, блин, долбаный винт!

Дэн! Дэн мертв. Ден, ресет чувак, мертв!

В доме тихо, наверняка отец и ма спят. А вот завтра...

Родители, винт, что им говорить? Как им объяснить все это? Нарко-прога. Противозаконное деяние. Завтра утром, едва они оденут свои нет-очки — пойдут на работу... Наверняка единственное, что они смогут сделать, это увидеть сообщение: «Ваш сын — преступник, все деньги заблокированы, ждите его наказания».

Спайка вновь вырвало.

Ничего, он, в конце концов, их сын, что они сделают?

Что они могут сделать? Вот вопрос.

Дэн мертв, чувак. Твой лучший кореш мертв.

Дэн!

Винт, все из-за долбаной ссылки! «Верняк», — сказал Дэн. Фигня! БлюРей подвинтил трояна. Это вот верняк.

В голове толпились сотни мыслей. Все были бредовыми, и за все Спайк хватался, надеясь понять, что делать. Что ему делать!

Лучше бы он тоже умер, как Дэн. Ну почему он не умер?

Все дело в «раздражалке». Или в запахагенераторе. У Дэна было такое старье. Винт, он еще говорил, что чем старше, тем ярче, насыщенней. Ярко — мертво.

Как жить дальше...

За такую фигню людей от сетки отключают — так и Дэн говорил. Ему каюк теперь.

Тебя тоже отключат, пронеслось в голове Спайка. Все, чувак. Больше ни ТВ, ни игрушек, ни клубов. Ни даже отстойной Низины. Даже школа теперь закрыта тебе, чувак. Хак-нарко-преступник.

Спайк сполз на пол. Жить в реале, как это? Что он знал здесь? Кем быть здесь?

К кому теперь можно обратиться за советом? Спайк заскулил от отчаяния.

Пойти, надо куда-нибудь пойти. И там спросить.

Ага, типа, я преступник, что мне делать дальше.

Винт!

Спайк подполз к окну, встал. Он глядел на светящийся город внизу. Город жил, переливался разноцветными огнями. Когда Спайк последний раз гулял там? Без нет-очков, просто... по улицам? Он не помнил. Что ему было там делать, в этом подмигивающем разноцветными индикаторами городе? Его единственный друг, Дэн, там. Был. Что?

— Тебя нет, — прошептал Спайк. — Нет тебя.

Ничего нет. Нет этих светодиодов, нет города, нет ничего. Нет реала.

Реал остался там, его убили. Сначала он убил Дэна, теперь нет и его.

Спайк открыл окно.

Теплый воздух ударил. Голова пошла кругом.

— Нет тебя, — сказал Спайк. Это не ветер, это всего лишь... хак-нарко.

Он залез на подоконник.

Вздыхнул. Воздух... ничем не пах. Зноем, пылью. Нет тебя.

А есть ли ты?

Спайк эт Джонсон, пятнадцать лет, пол мужской...

Net тебя!

Reset.

ВОЛКОВА Анна Алексеевна (1781 — 1834), поэтесса.

Род. в СПб., в дворянской семье. Уже стихотв. «Весна» — дебют тринадцатилетней В. — привлекло внимание лит. кругов. Затем В. публикует цикл стихов о сельской жизни, пишет многочисл. оды. Сotr. в журн. «Новые ежемесячн. сочинения». Чтобы не покидать ослепшего отца, В. отказывается от замужества (см. автобиогр. «Утренняя беседа слепого старца со своей дочерью» (СПб., 1824). После смерти отца остается почти без средств к существованию. Ей покровительствует А. С. Шишков, издав по подписке и со своим предисл. «Стихотворения девицы Волковой» (СПб., 1807). Но лит. идеи Шишкова не оказали влияния на творчество В., она осталась верной ученицей поэтов-моралистов и прежде всего М. М. Хераскова. В. пишет много стихов с нравоучительными рассуждениями, од и стихов по какому-либо случаю. Писала также басни, оставшиеся неизданными. Участв. в сб. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». М., 1814.

Русские писатели (портр); Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров, Источ.; Сводный каталог; Розанов.

ВОЛКОВА Анна Ивановна (урожд. Вишнякова; 1847 — 1910), литератор, публицист, издательница.

Издавала журнал «Жизнь женщин». Авт. «Воспоминаний, дневника и статей». Под ред. Ч. Ветринского. Н-Новгород, 1913. (О ней и о ее воспоминаниях — «Ист. Вестн.», 1914. № 8); Постоянно занималась вопросами женского образования; авт. кн. «Женское движение в разных странах», сост. по соч. К. Ширмахер. СПб., 1900. — рец. в «Женском деле», 1900. № 6-7. Сotr. в журнале «Русский начальный учитель» (1907) и во многих других журналах под псевд.: А. В.; А. И.; Ан. В.; В-а, А.; В-а, А. И.; В-ва, А.; В-вой; В-ой, А.; Вол., Ан.; Волк., А.; Вишнякова, А. Ее Автобиография, письма — в ЦГАЛИ. Ф. 1035. Ед. хр. 5. 1883-1885 гг.

Масанов; Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т. 2. Ч. 1. № 310; Т. 3. Ч. 1. № 14; Некролог — «Ист. Вестн.», 1911. Т. 123, янв. С. 401.

ВОЛКОВА Анна Федоровна (? — 1876), химик.

В 1869-1876 работала в Петерб. земледельческом ин-те (до 1870 — в химич. лаборатории А. Н. Энгельгардта). Преподавала химию на Владимирских женских курсах в СПб. В. — первая женщина, опубликовавшая свои исслед. по химии. Авт. соч. «Об изомерных серно-толуоловых кислотах» (СПб., 1870).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; «Химики». Биогр. справ.

ВОЛКОВА Валентина Александровна (урожд. Попырикова; псевд. Самарова; ? — 1908), писательница.

Масанов.

ВОЛКОВА Валентина Николаевна, переводчица с нем. (1901).

Венгеров. Источ.

ВОЛКОВА Валентина Филипповна, драматург.

Венгеров. Источ.

ВОЛКОВА Е. Ф.

Сotr. в журн. «Семья и Школа» (1905, 1907, 1914), Авт. народ. книжек, в т. ч.: «Первый русский печатник. Ист. рассказ из времен царя Ивана Грозного». СПб., 1914; «Петр Басманов. Ист. рассказ (из времен царя Бориса Годунова) 1604-1606». СПб., 1910; «Квирин Кульман. Ист. рассказ из времен царевны Софьи». СПб., 1910; «Горе матери-посадницы (из двинских и новгородских преданий)». 1904; «Друг рабочих (ист. очерк из жизни и деятельности. Р. Оуэна) с илл. «Задруга», 1914; «Аравия и Магомет. Учение Магомета и распростр. ислама» Ист. очерк. — Рец. «Рус. Мысль». 1902, № 4, с. 122; «Боярин Матвеев. Ист. очерк. 1625-1682» (1903). Сotr. в газ. «Нижегород. Листок» (1898), журн. «Просвещение» (1907).

Венгеров, Источ.

(Продолжение на стр. 45)

«...Люди-дикари, на лицо ужасные, добрые внутри»

Жизнь хороша уже тем, что в ней можно путешествовать. Екатеринбургский фотограф Станислав Белоглазов (фотоагентство «Магнет») использует эту возможность на всю катушку (фотопленку, сейчас «цифру»). Очередное его путешествие состоялось на другую сторону земного шара, в южные широты. По нашим понятиям, там – вечное лето.

Папуа – Новая Гвинея – это острова близ Австралии, государство, находящееся под протекторатом Англии. Для большинства из нас оно известно лишь тем, что «папуасы съели Кука» (по В. Высоцкому). Более сведущие вспомнят и Н. Миклухо-Маклая, русского путешественника, что миссионерствовал там в 1870-х годах. От себя добавлю – и делал зарисовки с помощью небольшой камеры-люциды (прототип фотоаппарата).

Наш путешественник был вооружен фототехникой до зубов. Довелось ему побывать на территории диких племен, которые ведут первобытный образ жизни. Огонь папуасы извлекают трением.

Пища у них растительная и мясная. Про понедельник, когда «их мама родила», как пел Андрей Миронов, не ведают; кокос у них растет, зверь – водится. Межплеменные войны, правда, бывают – из-за территории, женщин, домашних

животных. Считают, что если враг храбро сражался, но проиграл битву, его сердце надо съесть – будешь таким же храбрым. Едят и мозги своих предков – впитывают их мудрость. Вождя могут муми-

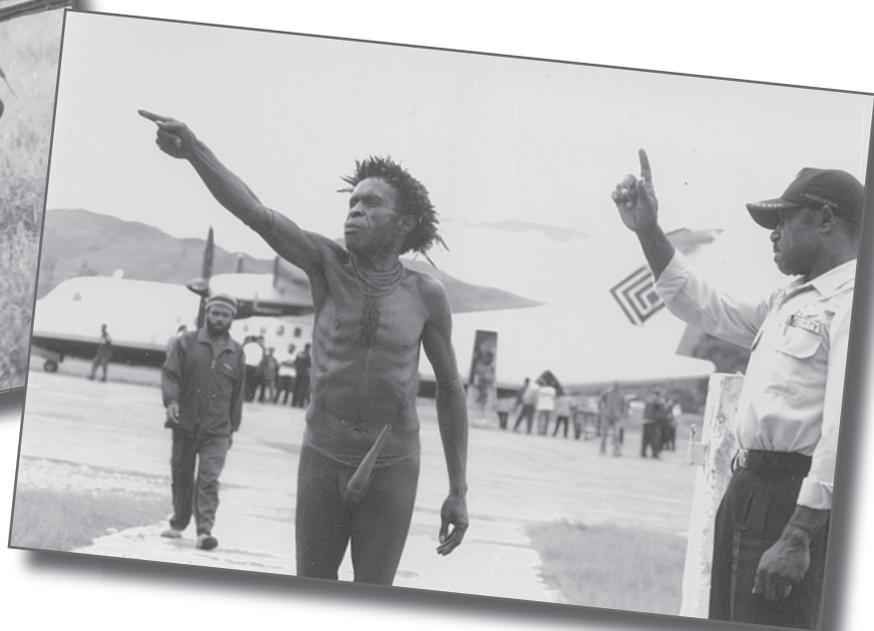
фицировать и показывать народу в торжественных случаях.

Обычная пища — свинина, жаренная на костре. Поросенок с рынка служит и пропуском для туристов. Тогда можно пообщаться с вождем, повеселиться на общем празднике, посмотреть обрядовые танцы.

Современные миссионеры (часть населения уже обращена в христианство) пытаются одеть дикарей в футболки, шорты. Сами же аборигены предпочитают прикрыться только высушенным тыквенным стеблем...

Туристам поездки в джунгли разрешены только по апробированным маршрутам. В самые дикие племена путь заказан по государственному закону. Так что авантюризм ограничивается разумной безопасностью.

Вернувшись из Папуа — Новой Гвинеи, Станислав Белоглазов организовал фотовыставку «Первобытный мир: они живут так, как считают нужным».

Интервью с Кощеем

«Уважаемые господа! Мне надоели гнусные инсинуации, распространяемые обо мне в СМИ и литературе в течение последней тысячи лет. Мне не нравится, что меня выставляют российским Казановой, что совершенно не соответствует действительности. Если вашей редакции интересно получить мое эксклюзивное интервью, прошу командировать вашего представителя в мою резиденцию сроком на два дня. Все расходы за счет приглашающей стороны. Мой представитель будет ждать вашего корреспондента 14 октября сего года в 7.00 у памятника А.С. Пушкину перед кинотеатром «Россия». Представитель редакции должен быть одет во все черное.

**С уважением,
Кощей Бессмертный».**

Надо отдать должное нашему редактору, который протянул мне это письмо как нечто само собой разумеющееся и спокойно ждал, пока ваш покорный слуга закончит чтение.

— Командировочные возьми у Зины.

Я еще раз пробежала глазами ровные строчки письма и удивленно посмотрела на шефа, никогда ранее не замеченного в склонности к авантюрам.

— Слава, ну это же розыгрыш!

— Ты же говоришь, что все женщины в твоём роду ведьмы, почему бы тогда не быть и Кощейю?

— Но... Это же шутка!

— Между прочим, Логанихин из редакции «Пух и перья» помер после того, как ты пожелала ему побыть цыпленком табака. Сгорел в машине, со всего маха влетев в забор птицефабрики.

— Но это же... была шутка... — Мне стало совсем не до смеха.

— Расскажи об этом его родственнике! — Вячеслав впервые за все время разговора оторвался от листов бумаги, щедро разбросанных по столу, и с видом Матери-кобры уставился на разрез моей кофточки. — Или ты завтра с утра торчишь у памятника, или в порядке моральной компенсации перейдешь работать на освободившуюся вакансию в «Пух и перья».

— А если это какой-нибудь маньяк? Завезет меня в лес и...

— Так ему и надо. После общения с тобой любой маньяк импотентом станет. Ладно, Гаевская, поди вон — мне номер сдавать пора.

Хлопнув дверью, я вылетела в коридор с единственным желанием тут же написать заявление на увольнение. Да пошли они все! Я еще не выжила из ума, чтобы принять участие в этом цирке или писать о зависимости яйценоскости цесарок от освещенности и уровня шума в помещении! Не будет меня — кто в следующий раз поедет с его люби-

мыми экстремалами кормить комаров в тундре? Пушкин, который памятник?

Утро занялось под статью моему настроению: такое же серое и пасмурное. Я как полная идиотка с видом марабу на похоронах торчала у памятника, исподтишка, но цепко всматриваясь во всех проходивших мимо мужиков, в свою очередь окидывающих меня мрачными взглядами.

Ладно, решила я, помаячу здесь до половины восьмого, а потом пойду в «Макдональдс» через дорогу. Позавтракаю — и в офис, бить морду шефу. Теперь вся редакция будет надо мной изгаляться до конца года, Сережка-дизайнер уже, небось, какую-нибудь картинку наваял, типа я, как Диоген с фонарем, ищу на кладбище Кощей Бессмертного или еще какую пакость. Он только с версткой вечно опаздывает, а как кого-нибудь высмеять — впереди паровоза. Кукрыникс чертов!..

— Простите, вы из редакции «N»?

Голос чуть с хрипотцой. Седая прядь в волосах неопределенного странного серого цвета, холодные зеленые глаза, высокий мужчина лет сорока пяти — пятидесяти. Возможно, бывший спортсмен или военный — уж больно в форме для его возраста. У среднероссийского мужика к этому времени отрастает пивной живот, а этот подтянут и, по-

Ирина Гарда родилась под знаком Весов в год Собаки. Зооинженер, журналист, маркетолог плюс еще десяток профессий. Увлекается восточными единоборствами, цветоводством и вышивкой крестиком. Победительница и финалистка нескольких сетевых литературных конкурсов. Пишет в жанрах хокку, фэнтези и криминальная мелодрама. В 2007 году в издательстве «Панорама» вышел первый роман «Каскадер и Амазонка».

хоже, не числится членом Общества любителей рукоделия.

Стараясь выглядеть не менее крутой, окидываю его оценивающим взглядом с головы до ног, после чего киваю головой. Он — само равнодушие.

— Меня послали за вами. Пойдемте к машине.

Он потянулся взять у меня сумку, но я быстро отвела руку за спину. Было такое ощущение, что вместе с багажом я отдам ему и свою свободу, а я не очень-то доверяла этому типу. Хоть бы представился, что ли!

Спортсмен, как я его прозвала, равнодушно пожал плечами и мягкой беззвучной походкой пошел впереди, показывая дорогу. Во всех его движениях сквозила какая-то настороженная пластика, как будто он в любой момент был готов броситься бежать... или вцепиться в горло. Второе, пожалуй, точнее, потому что при виде моего спутника сонно шествующий за молодящейся дамой миттельшнауцер вдруг ожил и, скуля, спрятался за свою хозяйку. Мне стало совсем не по себе.

Ничего, если буду жива, Славочка от меня гонораром не отделается! Сам в тундру поедет, а я — делать репортаж в Куршавель... Если буду жива...

Мы подошли к серебристо-серому «опелю». Мой спутник вполне галантно распахнул дверь, помогая сесть в машину, а потом, заняв водительское место, плавно взял с места.

За всю дорогу мы не обмолвились и десятью словами. Вернее, я произнесла их, наверно, с тысячу, но Спортсмен отвечал на них молчанием или односложным «да — нет». Особенно кисло стало, когда «опель», вырвавшись из города, понесся по Ленинградскому шоссе все дальше от Москвы. На сотом километре я попыталась заставить своего конвоира развернуться и отвезти меня домой, но не тут то было! Он даже не прореагировал на мои крики и угрозы выпрыгнуть на дорогу или убить его на месте. Оставалось только подчиниться обстоятельствам и ждать, чем вся эта афера кончится. На заднем сиденье

в сумке у меня лежал газовый баллончик, а в кармане электрошокер, замаскированный под ручку. Я готовилась дорого продать свою жизнь, не замечая, как осень заметает наш путь золотом листьев, а в небе плывут облака, торопясь вместе с нами на север.

Где-то после полудня мы сделали привал, и я была милостиво отпущена в кусты. Очень хотелось удрать, но, во-первых, если б я знала, куда бежать! А во-вторых, глупо сбегать на середине дороги. Уж раз влипла в историю, надо идти до конца.

Я вернулась и была облагодетельствована огромным бутербродом с копченым мясом и чашкой черного кофе. Это было очень любезно со стороны моего «похитителя», и я снова попыталась завязать разговор, но, увы, с тем же успехом.

Шоссе — щебенка — проселок — почти не ездимая лесная дорога. Наконец, когда солнце уже склонилось к закату, мы подъехали к дому старинной постройки, прижавшемуся к холму. Было такое ощущение, что они срослись друг с другом, создавая иллюзию входа в подземное царство.

Интересно, я сейчас действительно увижу ожившую сказку, или меня сделают сексуальной рабыней и отправят на Ближний Восток в гарем какого-нибудь эмира?

«Опель» плавно остановился у широкой лестницы, ведущей в дом. Мой безмолвный страж помог выйти из машины и, сделав приглашающий жест, проводил в гостиную, расположенную на первом этаже. Я огляделась по сторонам. Посещение было обставлено старинной мебелью ручной работы, стоящей, наверно, сумасшедших денег. У стены в камине горели дрова, создавая причудливый танец теней. Только сейчас я заметила, что в доме не было электричества, а мягкий рассеянный свет шел от нескольких расставленных по комнате канделябров со свечами. В углу стоял чучело такого огромного кабана, что я почувствовала даже некоторую робость и, нерешительно подойдя, чуть тронула рукой жесткую шерсть.

— Нравится?

Прозвучавший за спиной баритон заставил отдернуть руку, как провинившуюся девчонку, застегнутую на «месте преступления».

И что у них за идиотская манера подкрадываться сзади! Исполненная желанием высказать все, что думаю о дешевом розыгрыше, я развернулась и увидела нечеловеческой красоты мужчину, стоявшего посреди комнаты.

Боже мой! У меня подкосились ноги и внизу живота разлился предательский жар. Да за таким красавцем я готова пойти на край света, заикаясь от любви!

Он подошел, протягивая руку:

— Будем знакомы. Я Кощей Бессмертный, но предпочитаю, чтобы меня звали, ну, например, Лютовер.

— Алиса Гаевская.

Мягкий бархат его глаз ласкал мое лицо.

— Мне очень приятно, что именно вы откликнулись на мое приглашение.

— ?

— Честно говоря, давно хотелось познакомиться с интеллигентной ведьмой из хорошей семьи... Ну и реабилитировать себя в глазах обществу, конечно.

Мои глаза все больше напоминали обеденные тарелки.

— Как вы...

— Как я узнал, что именно вы ко мне приедете? Но я же все-таки языческий бог. По статусу положено, как теперь принято говорить. Или вы спрашиваете, откуда я узнал, что вы ведьма?

Я только и смогла кивнуть головой, глядя на него, как зачарованный кролик. Он чуть улыбнулся и сделал широкий жест рукой, как бы очерчивая мое лицо.

— Ну, посмотрите сами: рыжие волосы, зеленые глаза, легкое косоглазие. Все три признака налицо... Кстати, надеюсь, ваше путешествие было удобным? Серый — отличный парень, и я был уверен, что он довезет вас в целости и сохранности... Надеюсь, вы разделите со мной ужин? У нас сегодня жаркое из дичи, брусничные пироги и... Что вы

предпочитаете выпить? Вино? Медовуху? Водку? Вы курите?

Он протянул мне изящную деревянную коробочку с тонкими темно-коричневыми сигаретами с легким медовым запахом. Я вообще-то не курю, но тут безропотно протянула руку и взяла одну из них.

Поднеся фильтр к губам, я выжидающе посмотрела на кавалера, у которого не было в руках ничего, похожего на зажигалку. Он чуть улыбнулся и щелкнул пальцами, между которыми прямо в воздухе появился язычок огня. Я судорожно затаилась.

Попавший в легкие дымок несколько прочистил мозги и вернул чувство собственного достоинства. Меня даже разобрала легкая злость: еще никто никогда не смел так ломать мою волю. Подумаешь, Кощей Бессмертный! И что я, красивых мужиков не видела, что ли?..

Видимо, Лютовер (буду звать его так, если хочет!) прочел мои мысли, потому что ухмыльнулся и, сбавив обаяние до умеренного, повел гостью ужинать.

За столом нам прислуживал Спортсмен, которого хозяин дома называл Серым. Похоже, кроме них двоих, в доме никого не было, если не считать черного ворона, сидевшего на прибитой к стене ветке в дальнем углу комнаты. М-да, антураж располагает к вере во всякую нечисть. Впрочем, меня так просто в чертовщине не убедишь.

Ужин был прекрасный. За десертом я уже поймала себя на мысли, что Слава может валить в свой Куршавель. Я его прощаю как женщина и как журналист. С таким интересным человеком — или как его назвать? — мне уже давно не приходилось общаться.

Мы вернулись назад в уютную гостиную. Весьма комфортно устроившись в глубоком кресле визави с Лютовером, я достала диктофон, и работа понеслась.

— Значит, о моей личной жизни расспрашивать будете? — Его бездонные черные глаза мягким бархатом скользнули по моему лицу и чуть задержались на декольте. — Извольте, сударыня! Жду ваших вопросов...

— Ну, начнем с того, что на вашей репутации сотни совращенных женщин, которых вы крали по поводу и без повода.

— Это где это вы такую чушь вычитали?

— В «Мифологическом словаре», — во мне проснулся профессиональный азарт. — Там написано, что, цитирую: «В русских волшебных сказках К.Б. уносит героиню на край света в свое жилище. Та выпытывает у него, где скрыта Кощеева смерть, передает тайну герою-избавителю, который добывает смерть К.Б., и Кощей погибает».

— Полная чушь! Я для того и позвал вас сюда, чтобы иметь возможность раз и навсегда объяснить всем, что мне не нужны ни Василисы, ни Марьи, ни кто-то там еще. И зачем мне их красть?! Ну ладно, одна, десять... Сто, в конце концов! Но, поймите меня правильно, после тысячной дамы даже полный дебил начинает понимать, что все кошки ночью серы и качество отнюдь не следует из количества. То есть я хочу сказать, что на каком-то этапе понял, что дамский пол мне надоел, и с тех пор живу тихо и замкнуто в этом доме.

— Но ведь вы сами признаете, что женщины были, и не в единичном количестве...

— Да, были! Но они приходили ко мне сами, совершенно добровольно! Если бы Серый мог сейчас зайти в эту комнату, он бы обязательно подтвердил мои слова.

— А что с ним? — Я повозилась в кресле, устраиваясь поудобнее.

— С ним ничего особенного. Серый — оборотень, который с заходом солнца превращается в гигантского волка. Это я так, на всякий случай предупреждаю.

Я почувствовала, как затянута в хвост волосы на макушке пытаются встать дыбом. Словно в подтверждение слов Лютовера, раздались царапанье когтей по дубовым дверным створкам, а затем я услышала тоскливый волчий вой, доносящийся из прихожей. Не хватало только, чтобы меня загрыз волк!

Я вскинула ресницы и поймала заинтересованный взгляд Лютовера, с легкой улыбкой наблюдавшего

го за моей реакцией. Вот сволочь! У меня от злости пропал всякий страх. Пригубив стоящий на столе бокал с вином, я ласково улыбнулась хозяйину дома.

— Может быть, вы тогда откроете ему дверь? Нельзя же мучить животное.

— А вы не боитесь? Вдруг он бросится на вас?

— Не пугайте меня, уважаемый хозяин! Вы не позволите ему этого сделать, потому что другого журналиста мой шеф к вам уже не пришлет. Нас у него не так много.

— Но ведь я могу обратиться в другую редакцию...

— Вряд ли! Вы же хотели познакомиться с интересной ведьмой. Не спорю, среди нашей братии ведьм предостаточно, но натуральные рыжие попадают не так уж и часто.

— А вы смелая женщина!

Легким движением он вскочил на ноги и, быстро подойдя к двери, распахнул ее настежь. В темном проеме мелькнул силуэт огромного волка, и зверь одним прыжком оказался посреди комнаты. Его шерсть на загривке встала дыбом, нос вздернулся кверху, обнажив огромные желтые клыки в розовом обрамлении десен. Он был страшен, могуч и...

— Какой же ты красавец! — выдохнула я восхищенно. — Никогда не видела столь совершенного зверя!

Горящие яростью глаза хищника, в которых металась красная отблески огня, утратили выражение злобы, шерсть легла на место, и зверь, облизнувшись, уселся по-собачьи на пол, удивленно разглядывая странную женщину.

Я перевела взгляд на его хозяйина, который стоял, слегка опершись на дверной косяк. Его лицо было задумчиво. Казалось, он решал какую-то сложную задачу — и не находил ответа. Поймав мой взгляд, он тряхнул длинными черными волосами и, подойдя к столу, поднял свой бокал:

— Я предлагаю тост за потрясающую гостью, случайно посетившую мой дом, память о которой останется здесь навечно. Еще ни одна женщина не вела себя так мужественно

при виде Серого. Вы или отчаянно смелый человек, или, извините, сумасшедшая баба. Второй вариант отпадает сразу, но я не могу поверить, что вы совсем не испугались. Восхищаюсь вашим мужеством, сударыня! Вы — редкий бриллиант, прекрасная как пламя и умная как ночь.

Я чуть было не поверила этому мягкому баритону, но, вовремя вспомнив, с кем имею дело, отогнала морок и довольно равнодушным голосом предложила вернуться к интервью.

— Мы остановились на том, что вы никого не принуждали сюда приходить. Но, тем не менее, пленницы оказывались здесь, видимо, «по щучьему велению»?

Он укоризненно покачал головой, разглядывая меня поверх бокала с вином.

— Не надо иронизировать. Я их не похищал по той простой причине, что красавицы действительно сами приходили ко мне.

— Ну да, разумеется! А потом не хотели уходить, да?

— Ну вот, наконец-то вы поняли меня, хотя и не хотите в этом признаться. К примеру, давайте возьмем нашумевший случай с Василисой Прекрасной. Что видела эта женщина в своей жизни, кроме деревенской избы, пропахшего потом и навозом мужа Ивана, кастрюлю, прялки и кучи детей? Ни-че-го! А я ей подарил весь мир. Рассказал не только о том, что делается в ближайшем кабаке, но и за семью морями. Вот она и увязалась за мной. И потом моя внешность ей очень понравилась...

— Кстати, о внешности. А как же в сказках говорится о том, что вы похожи на скелет, страшный злобный старец и все такое прочее?

— Так ведь эта история дошла до вас в пересказе Ивана да Василисы! Неужели вы думаете, что уязвленный муж станет хорошо отзываться о сопернике? Или прощенная жена будет оспаривать мнение мужа о бывшем любовнике?

— Нет, но...

— Впрочем, я могу изменить свою внешность, если вы этого хотите.

Он чуть склонился вперед, контур его тела и лицо слегка расфокусировались, и через мгновение в кресле Лютовера оказался... мой редактор Вячеслав!

Вот тут я по-настоящему испугалась! Сидевший передо мной мужчина снова чуть «поплыл», превратившись в волка, а затем опять предстал в первоначальном обличье. Представьте себе волка, который сидит напротив вас в кресле, изящно перекрестив задние лапы!

Я нервно захохотала, чем, моему, несколько обидела хозяина дома. Во всяком случае, он перестал улыбаться, и сразу ярко горевший в камине огонь прижался к поленьям, а разлегшийся около его кресла Серый тихо отполз под стол.

Да, нехорошо получилось. Вот сейчас он меня превратит в березовое полено — и прости-прощай интервью на полный разворот.

Но Лютовер, похоже, не собирался пока от меня избавляться. Хмурые брови разгладились, и он продолжил как ни в чем не бывало:

— Итак, Василиса по собственному желанию переступила порог этого дома, и некоторое время мы с ней были вполне счастливы. Но потом различия в воспитании и менталитете стали проявляться все ярче. Эта женщина попыталась усанавливать здесь свои порядки, после чего я решил с ней расстаться. Но я же не мог просто выгнать ее на улицу! В деревне бы ее быстренько закопали живьем в землю. Нравы в те далекие времена, знаете ли, отличались от нынешних. Итак, как честному... — он споткнулся, подбирая нужное слово, — ...человеку мне пришлось придумать целый план по возвращению загулявшей женщины в лоно семьи. Для начала Серый, просидев полдня в кабаке с Иваном, как бы случайно проболтался ему, где находится пропавшая благоверная. Тот спяну пообещал со мной разобраться, так что когда голубчик на следующий день очухался — деться ему было некуда. Полдервни слышало его похвальбу и клятву вернуть Василису домой...

— То есть это был спектакль? — недоверчиво прищурилась я.

Лютовер кивнул:

— Разумеется! Чтобы этот деревенский увалень по дороге не заблудился, я подослал к нему Бабу-Ягу с волшебным клубочком, способным привести его прямо к моему порогу. Вы себе не представляете, сколько раз он его терял, и присматривающему за ним Серому приходилось лазать по оврагам и ямам, чтобы вернуть клубочек владельцу! В конце концов месяца через два он действительно появился у порога этого дома, хотя сейчас на машине до его деревни ехать не больше часа. Дальше стало еще забавнее. Этот трус прекрасно понимал, что против меня у него нет никаких шансов, поэтому засел вон в тех кустах, дожидаясь, пока я удалюсь по делам. Я его помуржил там пару дней, а потом отправился к Яге попить чайку. Раньше она у меня здесь, на Валдае, жила. Это потом уже от людей подальше перебралась за Волгу... Кстати, что же вы не пьете? Очень хорошее коллекционное вино. Недавно здесь новые русские попытались поохотиться, так Серый такого страху на них нагнал, что они бросили все, кроме джипа, на котором дали деру. Вино из их запасов. Мне очень нравится. Рекомендую.

При упоминании о новых русских Серый поднял лобастую голову и оскалится, изображая улыбку. Розовый язык вывалился у него из пасти и облизал губы с таким удовольствием, что я задалась вопросом, все ли охотники успели запрыгнуть в джип, или, не дай бог, кто-то не допрыгнул до спасительной дверцы. Словно прочитав мои мысли, волк чуть вильнул хвостом и, перекатившись на спину, довольный поелозил по ковру.

Лютовер криво ухмыльнулся, отвечая на мои мысли:

— Не знаю, как-то забыл спросить. В любом случае нечего им тут делать. Это мои земли, и я сделаю все возможное, чтобы отвадить всяких мерзавцев болтаться по своим охотничьим угодьям... Итак, я отправился к Яге, а Иван тут же шмыгнул в дом к Василисе. Та при виде мужа пришла в ужас (я забыл ее предупредить о его приходе), но вовремя опомнилась и наврала ему с три ко-

роба, что, дескать, испугалась за его жизнь. Тот принял все за чистую монету, поскольку сам, трус паршивый, трясся от страха как заяц, и приказал ей узнать, где моя смерть. Василисе ничего не оставалось делать. Тут и я как раз подросел — и началась паника! Эта парочка заметалась по дому, а потом Васька запихала мужа ко мне под кровать. Это было нечто! Мы занимались любовью у него над головой, а тот от ревности изгрыз все руки, но ни разу даже не пискнул за всю ночь! Василиса, конечно, стала ко мне подкатываться с разговорами о моей смерти. Я для виду немного поломался, изображая страшную тайну, а потом доверительно рассказал байку про то, что «На море-окияне, на острове Буяне стоит дуб...», ну, и весь остальной бред, который рассказывал доверчивым дурочкам сотни раз. Потом мы опять занялись сексом (очень даже, знаете, стимулирует присутствие третьего под кроватью!), а под утро я снова отбыл по делам. Вы бы видели этого типа, когда он вылез на свет божий! Для начала он немного поколотил Ваську, но она здраво возразила, что он сам велел подластиться ко мне. Короче, крыть ему было нечего. Пришлось отправляться в путь-дорогу за моей смертью. Тут снова Серому пришлось поработать, только уже вместе с Вороном. Они этого Ивана еле доволокли до места. Кстати, как вы понимаете, остров находится совсем не на море-океане, а на соседнем озере Валдай, потому что если бы я его на ближайшее море отправил, то Васька померла бы от старости раньше, чем он вернулся обратно. В общем, доволокли мы его общими усилиями до этого самого озера. Тут и я подсутился, щучкой прикинувшись. Да, еще Топтыгина за четыре ведра малины угорворили поработать: якобы случайно подвернуться по дороге, а потом по просьбе Ивана дуб свалить. Итак, Топтыгин свалил дуб, Серый пробежался за зайцем, Ворон скогтил утку, а я принес ему яйцо с иглой, которое он уронил в воду. Если посчитать, то возвращением Василисы в семью занималось половина леса...

Лютовер замолчал, взглядываясь в темное окно. Судя по улыбке,

блуждающей по его губам, он очень живо вспомнил всю эту эпопею. На лице появился какой-то мальчишеский азарт, отчего мне почему-то стало до боли обидно, что не присутствовала при всем этом. Похоже, этим типам здесь живется совсем не скучно.

— И что дальше?

— А дальше Иван опять появился перед моим домом и, грязно ругаясь, стал вызывать меня на поединок. Пришлось подыграть, надев на себя личину страшного древнего старца. Самое смешное, что он даже не заметил розыгрыша, хотя мог бы и сообразить, что Василиса бы вряд ли стонала от удовольствия в объятиях такого старпера (я правильно использовал это слово?) на весь лес. Мы немного с Ваней повздорили, после чего он, всячески понося меня, вытащил злосчастную иголку и поломал ее у меня на глазах. Захотелось мужику на мою агонию, видишь ли, полюбоваться! Пришлось помирать не просто так, а с судорогами, пеной на губах и разными прочими вывертами. Тут Василиса выскочила, бросилась ему на шею. Апофеоз торжества добра над злом! — Лютовер криво усмехнулся. — Кликнул Иван Серого, которого уже приспособил в качестве ездовой собаки, и они рванули через лес, только валежник трещал... Так я расстался с самой красивой женщиной, которую только приходилось видеть! Так-то, сударыня!

Его вздох резанул меня по сердцу не хуже кинжала. Значит, Василиса — красавица? А я-то, дура, думала, что ему понравилась! Ничего-то я в людях не понимаю, не то что в богах. Слава прав, мое место в тундре, а не в Куршавеле... Но все-таки здесь что-то не так.

— Позвольте, но вот вы занимались любовью с Василисой практически на голове у ее мужа, а он не вышвырнул ее из дома и не закопал живой в землю. Почему?!

— Потому что Василиса — единственный свидетель его подвигов! Кто кроме нее подтвердит, что все это время он боролся с мировым злом, а не валялся пьяный в соседней канаве? Поверьте, сударыня, подвиг тогда становится Подвигом,

когда рядом с героем есть оруженосец, способный потом рассказать благодарным слушателям о смелости господина. Иначе подвиг — всего лишь акт бессмысленного мужества. Все слышали про бой Руслана с Головой, так красочно описанный вашим поэтом Пушкиным. Но ведь Руслан был там не один, иначе откуда Пушкин узнал о его подвиге?

— Это была фантазия поэта.

— Это было реальное событие! И Руслан был не один. Если бы за ним не присматривало множество глаз, — я имею в виду воронов, лисиц и разное прочее зверье, — он бы просто тихонько подъехал сбоку и перерубил Голове сонную артерию. Эффективно и без всякого риска. Но это бы не было подвигом, а ему хотелось прославиться. Вот он и устроил этот ненужный бой. Кстати, зрелище вышло не очень красивое, когда все эти кости и полусгнившие трупы от дуновения Головы взлетели на воздух! Между прочим, вороны рассказали Арине Родионовне все как было, но она пожалела ребенка и не стала пугать дитя неразумное страшными рассказами на ночь. Ну а когда тот вырос, то сам уже хорошо знал все законы «паблик рилэйшнз», как теперь это называют.

От всего услышанного у меня кружилась голова. Или это сказывалось действие вина и черноты глаз моего собеседника? Я смотрела на его губы и бешено завидовала Василисе и прочим Марьям-красам, которых целовал этот красиво очерченный рот.

Серый тихонько встал, подошел ко мне и, лизнув руку, беззвучно вышел за дверь. Воздух в комнате затвердел и почти зазвенел от напряжения. Мой собеседник продолжал смотреть мне в глаза, лаская длинными пальцами бокал вина, в котором оставалось никак не меньше половины.

Черт подери, что я делаю? Я не хочу, чтобы потом меня пристраивали обратно в редакцию, заставив Славу разгуливать по лесам за иголкой со смертью Кощеевой! Я представила своего редактора, притаившегося под кроватью, и истерически захохотала. Я заходила от смеха, а из глаз потоком текли слезы. Это была самая настоящая истерика как реакция на

бессонную ночь, страх неведомой дороги, страшное давление на мою волю, когда тростинкой ломается внутреннее «я». Передо мной сидело исчадие ада, страшное нечто из другого мира, ломающее всех, кто соприкасается с ним.

В начале моей истерики Лютовер вскочил было на ноги, да так и остался стоять на месте, словно прочтя мои мысли. Наконец я смогла взять себя в руки. Голова стала ясной как никогда, нервы — их просто вообще не стало. Так, наверно, чувствовали себя глдиаторы, идущие на смерть.

— Благодарю вас за интересное интервью, Лютовер. Думаю, что с публикацией не будет никаких проблем. Разворот вам гарантирован. А теперь позвольте откланяться — за окном уже светает.

Бокал в его руке хрустнул, залил ладонь то ли кровью, то ли вином. Но мужчина даже не поморщился. Он смотрел на меня, и я чувствовала, как вокруг бушуют волны черной силы, готовой захлестнуть меня с головой. Но ничего не происходило. Я стояла как маленький солдат посреди пляски темных смерчей.

И вдруг все стихло. Лютовер улыбнулся и протянул мне через стол руку.

— Серый превратится в волка примерно через час, и еще пару часов ему надо, чтобы немного выспаться. Таки образом, до отъезда у вас еще есть время. Вы можете отдохнуть в соседней комнате на диване. Клянусь, вас там никто не потревожит.

Я дотронулась до его горячей руки. Его ладонь сжала мои пальцы. Он помог мне обойти вокруг стола и, поддерживая под руку, довел до небольшой софы, покрытой медвежьей шкурой. Почему я сразу поверила, что он не сделает мне ничего плохого, кто знает? Но Лютовер действительно только заботливо укрыл меня мягким шерстяным одеялом и вышел за дверь, тихо прикрыв ее за собой.

Когда мы уже стояли у машины, Лютовер ласково прикоснулся к моей щеке.

— Я не ошибся, пригласив вас сюда. Вы единственная из всех женщин, кто смог устоять как против моего обаяния, так и против моей силы. Я больше не буду вас преследовать. Пообещайте только, что примете от меня это кольцо. — На его ладони появился старинный перстень с потрясающим лунным камнем. — Это, выражаясь научным стилем, волшебный артефакт. Если вы когда-нибудь захотите сюда вернуться, коснитесь губами камня. Это вас ни к чему не обязывает... Прошу вас!

Он положил кольцо мне на ладонь и мягко сжал пальцы в кулак.

Я молча кивнула и села в машину. «Опель» тронулся с места, шурша колесами по палой листве.

Когда я принесла Славе интервью, тот был на седьмом небе от радости, но не преминул попенять, что нет фотографии. Я посоветовала ему вместо Куршавеля съездить на Валдай, но он почему-то не захотел.

Две недели я ходила по редакции, постоянно слыша шепот за спиной. Было такое ощущение, будто у всех местных мужиков появилась необходимость постоянно болтаться в нашей комнате, а бабы стали от меня шараться, как от прокаженной.

Сегодня я положила на стол шефа заявление об увольнении. Слава пришел в ужас, но безропотно подписал. После моего возвращения с Валдая он ни разу не посмел со мной спорить.

Сейчас я сижу дома на диване перед полусобраным чемоданом и смотрю на лунный камень, на котором алеет отпечаток губной помады. Я слышу, как семью этажами ниже, у подъезда, остановился серый «опель», из которого вышел мужчина лет сорока-пяти-пятидесяти со странными серыми волосами. Вот он открывает дверь парадного, вот подходит к лифту...

Я защелкиваю замки чемодана. Возможно, что я ступаю на неверный путь, но я обязательно пройду его до конца!

ВОЛКОВА Екатерина, авт. путевых записок; дочь помещика Тульской губ.

«Путевые записки, или Краткое описание о святом граде Иерусалиме и его окрестностях. 1852 и 1853 года». РГБ. ОР, ф. 23. 9. 1.

ВД. Указ. рук. (ук. имен).

ВОЛКОВА Елена Васильевна (бабушка Олена), сказительница.

Жила во Владимире. Лучшие песни сложила во вт. пол. 30-х гг. Выступала в сельских клубах, на смотрах худож. самод., на фронте. Поездке на Курскую дугу посвящен сказ «Уж как села в самолет легкокрылый». Авт. «Величальной» («Величаем небес высоту»). Сказы и песни В. входили во мн. сборники и хрестоматии. После войны вышла книга сказов, песен и припевок.

Осетров, Евг. Литературный Владимир. — Вопр. лит. 1958. № 5. С. 45.

ВОЛКОВА Ирина Павловна (урожд. Дебиль; — 1901), поэтесса.

Жена бывш. цензора Е. Е. Волкова. Сotr. в «СПб. вед. » — стихотв. «С нами Бог» (1854. № 46); «Отеч. зап. » — стихотв. «Когда среди толпы веселой и беспечной» (1855. Т. 101); «Русском слове» — стихотв. «Безнадежность» (1861. № 7). В рукописи осталось стихотв. «Она поет», посв. О. И. Эбелинг.

Слов. рус. писательниц; Масанов.

ВОЛКОВА М. Ф.

Авт. расск. «И один в поле воин», с которым она выступала на собрании Союза пролет. писателей в июле 1920 г (Петроград).

ЛЖР.

ВОЛКОВА Мария Аполлоновна (1786 — 1859), авт. писем.

По происхождению принадлежала к московской знати. Была в отдаленном родстве со многими родовитыми семьями, включая князей Вяземских. Ее мать вышла из старинного московского рода Кошелевых. С 1818 г. В. Имела двойной шифр: «Е» и «М», т. е. была фрейлиной имп. Елизаветы Алексеевны и матери Александра 1 Марии Федоровны. Была хорошо образована, умна, наблюдательна и музыкально одарена. Известностью пользовались ее письма к дальней родственнице и близкой подруге княжне Варваре Ивановне Одоевской (в замуж Ланской) (см.). Переписка продолжалась несколько лет, но у потомков Ланской сохранилась лишь часть ее, относящаяся к 1812-1818 гг. В письмах — картина тогдашнего московского общества, патриархальной Москвы эпохи Грибоедова с ее нравами, обычаями и традициями. Л. Н. Толстому переписка подруг послужила материалом для работы над романом «Война и мир». См.: Свистунова М. Грибоедовская Москва в письмах М. Волковой и В. И. Ланской. // Вестн. Евр. 2875. №№ 1, 3, 4, 8-10, 12. Выдержки из 29 писем В. к Ланской, содержащие сведения о кн. П. А. Вяземском, опубликованы в «Российском архиве». Вып. 15. М., 2007. С. 558-569. О ней: Данилова А. Благодородные девицы: Биограф. хроники. М., 2005. С. 342-347.

Венгеров. Источ.; «Российский архив».

(Продолжение на стр. 73)

Евразийка

Не душите мне горло
Жевательной липкой резинкой.
Не вбивайте мне в уши
Крутой африканский тамтам.
На земле этой огненной – русская я,
Евразийка.
И рожденье моё
За судьбою идёт по пятам.
Я в далёком столетье
Зачата от солнца и снега.
И берёзовый сок
До сих пор ещё бродит в крови.
И не мой ли прапращур
Под синей звездой Улугбека
До сих пор мне внушает
Заветы добра и любви.
С этим миром подлунным
Навек я связала надежды.
По дорогам Евразии
Бричка летит и арба.
Я уже не однажды
Меняла лицо и одежды:
То – княжна из Путивля,
То в древних гаремах – раба.
На плечах бело-смуглых
Небес голубая косынка.
На гигантских пространствах –
Забота грядущего дня.
Я – несметная сила.
Я – русская.
Я – евразийка.
Кто из новых безумцев
Посмеет
Затронуть меня?

Каждый шестой

Чинят подмётки, лохмотья латают,
Ищут на свалке съедобные крохи...
Каждый шестой на земле голодает,
Богом заброшенный житель эпохи.

Кости обтянуты кожей прозрачной,
Высохло тело, надежду покинув.
Снятся желудку в агонии мрачной
Горсть углеводов с глотком протеинов.

Рядом сияют дворцы Баальбека,
Римские виллы зовут постояльцев.
Носят прекрасные женщины века
Целые царства на шеях и пальцах.

Отсвет дисплея, как свет фосфорита.
Видеоклипы и киноприставки.
В тотализаторе на фаворита
Делает босс – миллионные ставки.

А над землёю скорбит и витает
Грех наш всеобщий в заплатах изгоя.
...Каждый шестой на земле голодает.
Каждый шестой – не даёт мне покоя.

Ночная память

Когда ослабнут перегрузки
Забот, работы и любви, –
Я слышу – огненные сгустки
Всплывают памятью в крови.

Чуть различимые вначале,
Пытаясь время расколоть,
Победы наши и печали
Приобретают суть и плоть.

Вот смутно прадеда фигура
Маячит памятью в мозгу,
И дым и порох Порт-Артура
Ползут к уснувшему виску.

И в Нижнем Новгороде шумном,
Пронзая ярмарочный гуд,
Два глаза выраженьем умным
Меня хранят и стерегут.

И кто-то там из родословной
Сквозь отлетевшие года
За хрупкой линией условной
Пасёт в Монголии стада.

Людмила Щипахина родилась на Урале, в Свердловске. Окончила Литературный институт. Автор более 30 книг стихотворений, лауреат литературной премии имени Константина Симонова. Награждена орденами Дружбы народов и «Знак Почёта». Почётный член Ассоциации писателей Эквадора, имеет награду «Золотое перо», польский «Золотой Знак почёта». На её стихи написаны песни с композиторами Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Плывёт полуночная дрёма.
По стёклам плещутся ветра.
Яхт-клуб и пыль аэродрома
Во сне привиделись вчера.

Какая буйная причуда
Рисует на сетчатке глаз
Картины памяти, откуда
Извлёк счастливый случай нас.

И чей-то голос шепчет в уши,
И чей-то перст стучит в ребро:
«Храни всего превыше душу
И делай ближнему добро».

Сирота

Это слово застыло у рта,
Словно стужа, хлестнувшая люто...
Сирота – и кругом пустота,
Неуютные стены приюта.

И теперь ни в какие года
Из окошек, где светится чудо,
Не окликнут тебя никогда,
Не дождутся тебя ниоткуда.

Что ж ты плачешь, рукав теребя,
И казённую койку пинаешь?
Для сочувствия – нету тебя.
Но пока ты об этом не знаешь...

Зло и скупое на сердце чужом.
Ну а души – темные и бесплодные.
Сирота... Как по коже ножом.
Дни беспамятны. Ночи беспутны.

То не ворон кричит по весне,
То не осень являет уродства...
Бьётся в корчах и стонет во сне
Грех вселенский и ужас сиротства.

Вдова

Беспомощен и робок каждый шаг.
Куда идти и где не оступиться?
Опять глумится над тобой чужак,
И свой, порой, – не даст воды напиться.

Отцвёл в душе последний лепесток.
Чего ты ждёшь и чем пренебрегаешь?
Опять глядишь с надеждой на Восток
И с ненавистью Запад проклинаешь.

В сединах дней склонилась голова.
Судьбой согнулась, как спина от груза...
Россия – безутешная вдова
Погибшего Советского Союза.

Непогода

Над рекой, у осеннего брода,
Там, где полдень в осоке увяз,
Захлестнула меня непогода
Ваших серых непрестальных глаз.

Может быть, не предвидя ошибку
И беспечностью этой правы,
Так опасно скупую улыбку
Обронили нечаянно вы...

И неясную жажду ответа
Вы зажгли, не заботясь о том,
Словно с неба упала комета
И меня зацепила хвостом.

Содрогнулся простуженный воздух.
В бесконечность ушли поезда.
И на западе тускло и поздно
Загорелась ночная звезда.

Ощущенье подземного гула
Прокатилось по облику дня.
Вечным холодом с юга подуло.
И осыпало снегом меня.

В никуда полетел ниоткуда
Света дивного огненный снап.
...Это, может быть, просто простуда.
Это, может быть, просто озноб.

GPS plus

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":
 Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
 Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39
 Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46
 Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98
 Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32
www.gpsplus.ru

представляет

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПЕРЕВАЛ ДЯТЛОВА

«Уральский следопыт» организовал очередную экспедицию. Цель путешествия — проложить для читателей маршрут до перевала Дятлова — места трагической и таинственной гибели девяти студентов радиофака УПИ.

№	Точка маршрута		широта	долгота
1	г. Екатеринбург, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, редакция		N56°50'144"	E60°35'382"
2	г. Серов	автотрасса, автомобиль	N59°35'274"	E60°25'405"
3	г. Ивдель		N60°41'722"	E60°25'405"
4	пос. Вижай		N61°16'017"	E60°11'218"
5	мост через р. Вижай		проселочная дорога, а/м КамАЗ-вездеход	N61°16'211"
6	переправа через р. Сев. Тошемка		N61°22'043"	E59°57'621"
7	пос. Ушма		N61°34'112"	E60°00'553"
8	база Ильича	снегоходы «Буран»	N61°38'524"	E59°57'318"
9	перевал Дятлова		N61°45'706"	E59°26'751"

Маршруты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

На этот раз в команду журнала вошли: главный редактор «Следопыта» Максим Фирсов, Виктор Байдуков — фотохудожник, которому удастся ухватить самые потаенные стороны природной и рукотворной красоты, Ирина Кузнецова, эколог, один из постоянных авторов журнала.

Чтобы верно ориентироваться в заснеженных лесных лабиринтах Северного Урала, использовались GPS-навигаторы, маршрут решили проходить на снегоходах. В Ивделе следопытов снабдили тремя «Буранами» и водителями, которые знали эти машины как свои пять пальцев: два манси и сотрудник МЧС.

По пути Ирина Кузнецова брала пробы снега для лабораторных исследований на предмет загрязненности экологии в этом районе. Кстати, уже после экспедиции выяснилось, что вредных примесей практически нет. Т.е. ни малейшего следа вредного воздействия человеческой цивилизации, действительно чистый воздух и белейший снег, который растаивает в пригодную для питья H_2O ...

А еще увидели красоту, которую не сможет вместить и передать даже уникальный панорамник (фотоаппарат, который может захватить панораму до 120°) Виктора Байдукова.

Сугробы, проросшие сквозь величественные леса, нависающие над низкими деревцами и пнями подобно крышам сказочных избушек, деревья вдоль накатанной снегоходами дороги, так редко чувствующие на себе человеческий взгляд, — пространство, на первый взгляд проникнутое пустотой, лишенное привычных для homo sapiens предметов, смыслов, образов, и, тем не менее, переполненное какой-то единой, неведомой нам тайной.

Возле самого перевала попала группа из Ижевска — скачали в Интернете трек для GPS-навигаторов и отправились на поиски приключений на Северный Урал.

– Чего ищете?

– Перевал Дятлова не можем найти — судя по точкам, он был где-то рядом, но мы его не увидели...

Выехали из леса. Снежная пустыня, белые, прижавшие из-за ветра фантастические формы валуны — можно, как в детстве по облакам, — гадать что на что похоже.

Невысокая каменная скала, на вершине которой мемориал — в память о группе под предводительством Дятлова, погибших при странных обстоятельствах в 1959 году.

Возвращались через поселок Вижай, увидели несколько полуразрушенных домов, от некоторых из них остались только печные трубы. Правда, сейчас, говорят, делают дорогу, пытаются восстанавливать инфраструктуру на Северном Урале по программе «Урал промышленный — Урал полярный», но, может, и не надобно здесь находиться человеку...

СЕВЕРНЫЕ БАЙКИ ХАДЫТА-85

Байки от Геннадьяча

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

У молодого и потому деятельного тогда Александра Васильича, только-только защитившего кандидатскую по ископаемым грызунам, возникла мысль поискать их там, где ещё не ступала нога белого человека — на Ямале. И вот, параллельно с раскопками Игнatieвской пещеры мы запланировали сплавиться небольшой командой по Хадыте, для чего в середине августа 1985 года разменяли привычные южноуральские, прогретые солнцем скалы на холодные и безмолвные просторы, где глазу не за что зацепиться.

Уехать на Север легко, а вот с возвращением — проблемы...

Вообще-то про взаимоотношения человека и Севера ходит немало мнений. Говорят, что он никого не оставляет равнодушным; что, попав туда однажды, не сможешь забыть и будешь стремиться вернуться туда вновь и вновь; что зверь там непуганый, а люди человечнее... Не знаю. У каждого, побывавшего «на северах», впечатления свои, обычно непохожие на ощущения друзей и коллег. Многие, например, при разговоре о Севере первым делом вспоминают мошку и комаров, которые в последующих застольных рассказах увеличиваются в количестве и в размерах по мере возрастания объёма выпитого. Я же вот так, с ходу, не сказал бы, чтоб гнус мне сильно мешал жить. Листая полевые журналы — случается,

на развороте бранные останки полутора-двух десятков кровососов, одновременно прихлопнутых при закрывании. Помню спину впереди идущего человека, сплошь покрытую живым копошащимся мохнатым ковром, так что цвета ткани было не видно. Кого-то это сильно доставало, а я относился спокойно. В смысле, сожрут — так сожрут; значит, судьба.

Опять же, количество кровососов в тундре зависит от температуры, то есть от времени года. Когда мы ездили на Ыдан, как я рассказывал, комары были редкостью.

На этот раз для работ была выбрана река Хадыта — там был организован небольшой стационар Института, и проблема обратной дороги, таким образом, легко решалась. На Севере, как вы поняли, сложно именно с возвращением. Если туда тебя ещё забросят, то обратно... Может вертушка сломаться, или на точку опоздаешь, или корабль из-за шторма в Обской губе не пройдёт. Случиться может что угодно, а до ближайшего человека — сотни километров болот и рек; связи, понятное дело, никакой, ладно ещё, если карта есть. А со стационаром, созданным на базе фактории Хадыта, более-менее регулярная связь поддерживалась.

Фактория — это, в первую очередь, пункт приёма пушнины у жителей Севера.

У нас был свой корыстный интерес в отношении этого стационара. Мы планировали вертолётом заброситься в верховья Хадыты,

сплавиться на резиновых лодках до фактории, а оттуда в назначенный срок уйти на институтском корабле, который и доставил бы нас «на большую землю». Конечно, поначалу нас больше привлекал сплав по реке Щучья, но он был отменён по одной простой причине. В верховья любой реки нас забросили бы без проблем, сплавиться по ней до устья тоже труда не составило бы, а вот дальше...

Устье реки — целая система старых и новых протоков, ответвлений, рукавов, расширяющихся порой в разного размера озёра (такое озеро там называют «сор»). Заплутать там проще пареной репы.

Чтобы оживить здешний пейзаж, нужны стада мамонтов или динозавров

Итак, десятого августа мы с Васильичем паровозом через Пермь—Киров—Котлас приехали в Лабитнанги, которые расположены напротив Салехарда. В переводе с местного это означает «семь листовенниц».

В итоге продукты в Лабитках были закуплены, вместе с оборудованием и лодками загружены в вертушку, и мы вылетели в верховья Хадыты. Многие впервые видят Север именно сверху; таким он и запоминается — безбрежной, безжизненной серой блестящей пустыней. Огромное количество воды во всех её видах, от луж и озёр до бесчисленных речек, постоянно отражает солнце, и в этом ярком светё

и без того блёклые краски редкой суши кажутся ещё более тусклыми. В пасмурный же день серая земля на горизонте сливается с таким же серым небом, и непонятно, где кончается одно и начинается другое. Даже если дует шквальный ветер, сверху этого практически не видно, поскольку нет деревьев, растерянно всплывающих своими ветвями, или столбов пыли, лихо несущихся дикой ордой. Несмотря на то, что тундра полна жизни, многочисленные птицы и звери выглядят в ней как пылинки; чтобы оживить здешний пейзаж, нужны стада мамонтов или динозавров.

Мы сели недалеко от Хадыта-То (озеро такое), поближе к реке, поскольку протока, соединявшая озеро и реку, была настолько узкой, что даже резиновая лодка в неё не входила. Конечно, на берегу озера встать лагерем было бы намного приятней, но перспектива потом перетаскивать барахло к речке нас не радовала. Да и сама Хадыта-Яха была не намного шире, как раз, чтобы вошла лодка. Хорошо, что верховья Хадыты находятся на возвышенности в 50–60 метров над Обской губой, и глубина её при столь малой ширине была достаточной — метр-полтора. Да и скорость течения приличная, сантиметров 10–20 в секунду.

Взлетающему вертолёту мы платочками не махали, ибо были слишком заняты отловом и удержанием нашего снаряжения, которое от поднятого винтом мини-урагана норовило отправиться в самостоятельную экспедицию по тундре. Конечно, потом мы стали умнее и в ожидании вертушки вещи складывали в компактную кучу, на которую сами ложились сверху. Но в первый раз вид твоего собственного рюкзака, на манер колобка укатывающегося в дальнюю даль, немного обескураживает.

Тригопункт с названием Тэва. Ещё один шагок науки

Оказалось, что мы сели всего в полтора сотнях метров от норовища песка. Эти мерзкие зверюшки и пришли поинтересоваться гостями.

Мы осмотрелись, поставили лагерь и принялись за дела. Как-то сразу так получилось, что мы разделились на две группы: Валера с Андрюхой, вооружившись двуручной пилой, отправились на поиски ископаемой древесины, а мы с Васильичем с лопатами и ситом присматривались к окрестным обрывам на предмет ископаемых грызунов и насекомых. До нас их там никто особо не находил, но не потому, что мы такие замечательные, а просто не искали.

Но всё же первым делом предстояло как-то обозвать то место, на котором мы находились. Нам в этом смысле было проще, поскольку вблизи нашего лагеря на карте был обозначен тригопункт с названием Тэва.

– Тригопункт, то есть триангуляционный пункт, — это геодезическая вышка, которую ставят для того, чтобы топографы могли делать съёмку местности. Обычно это металлическая вышка высотой до десятка метров (или, на худой конец, деревянная трёхметровая пирамида), в основании которой находится монолит — залитая в бетон металлическая труба с приваренной сверху

пластиной, на которой выгравирован номер пункта.

Тут же под обрывом, буквально в одной из первых отмывок грунта, обнаружили зубы древних мышей и полёвок. Это местонахождение, первое на Ямале, конечно, получило название Тэва. Вот так и был сделан ещё один небольшой шагок в науке.

У меня был тоже свой маленький научный интерес: научиться находить и найти на Ямале местонахождения с останками ископаемых насекомых. До меня их находили, одно или два, да и то не в континентальной части Ямала, а на побережье. Да, палеоэнтомология в Западной Сибири в то время только начиналась, а на Урале так её вообще не было. С этой задачей

я успешно справился, применил, так сказать, все теоретические познания на практике и в первом же обрыве нашёл слои с прожилками древних насекомых. Ну, может, во втором. Или в третьем...

Кормилица-тундра

На том месте мы стояли и работали дня два или три. Там я, наконец, посмотрел, что такое охота в тундре. Конечно, у нас была мечта подстрелить... отбившегося от колхозного стада северного оленя. Просто диких северных оленей там давно нет. Все эти стада, якобы независимо разгуливающие по тундре, на самом деле домашняя форма, и вожак у них — специально обученный олень, который по мере надобности ведёт стадо, куда нужно ненцам, хоть на бойню. Иногда ненцы забавы ради воспитывают оленёнка в чуме, и он становится вроде любимого питомца, совершенно не приспособленного к жизни на воле. Таких оленей называют «авки». В стаде их не любят... да они туда и не рвутся.

Олень нам так и не попался, но вот чего там было много — так это уток и гусей, причём совершенно в безумных количествах. Иногда доходило до абсурда: птицы набьёшь, начинаешь её готовить и сам не рад своей жадности. Её ведь надо ощипать, выпотрошить, разделать, ну и всё такое. В конце концов, на третий день Васильич сказал легендар-

ную фразу: «Всё-всё-всё! Стреляем только гусей. Уток не стреляем — их щипать долго».

Кстати, о подножном корме. Этого добра в тундре летом — ну просто завались! Как гуталину на гуталиновой фабрике. Всевозможная ягода — костяника, водяника (шикша), черника, голубика, морошка, про которую Васильич пошутил: «Что такое: красная — потому что зелёная, жёлтая — потому что спелая?» Та же толокнянка: её, конечно, жуёшь, как войлок; кто-то говорит, что она ядовита, но я ел — вроде не отравился. Отдельная песня — грибы. Их ненцы не едят, говорят, дескать, оленья еда. А нам, конечно, это была отрада. Отличные крепкие сыроежки и грузди, почти не червивые, видимо, черви там вымерзают. Подберёзовики мы называли «надберёзовики»: они хорошо заметны издали, возвышаясь над карликовым берёзовым лесом. Попадают ельничные грузди; знаете, такие жёлтые, мохнатые и слизистые, есть маслята и ещё другие грибы, но не много.

Научный подход

В один из дней мы, вспомнив про увиденный Валерой при посадке скелет, решили сходить в то место. Пришли — действительно, почти полный скелет павшего северного оленя. Я, конечно, все до единой косточки собрал, привез потом в Институт и сдал Пал Ан-

дреичу на эталон. Представляете, наверное, зачем нужны эталоны? Скажем, нашли вы кость и не знаете, от какого она зверя или, может, человечья. Вы идёте к ящику, где написано «Корова». Сравниваете, оно — не оно. Берёте другой ящик, с костями помельче, на котором написано «Свинья». Сравнили, перешли к следующему, и так далее, пока не обнаружили, что у вас в руках кость северного оленя. А теперь вы вспоминаете, где её нашли, и делаете соответствующий вывод. Если эта кость с Ямала, пожимаете плечами, говорите: «Ну правильно, кому ещё здесь сдохнуть?» и выбрасываете кость в мусорку. А если вы нашли эту кость оленя в Каракумах, то чешете в затылке и садитесь писать научную статью под заголовком типа такого: «Вопросы ареалографии некоторых мигрирующих копытных (по материалам из нового местонахождения аazonальной позднелептостеновой териофауны)». Местонахождение называете своим именем и тихо надеетесь, что эта кость не была подброшена вам не в меру юмористичными коллегами.

Ну, это, конечно, грубый и шуточный пример, но в каждой шутке есть доля шутки. Смысл в палеонтологии примерно такой и есть. Можно, конечно, кость оленя с Ямала в помойку не выбрасывать, а измерить её и открыть, скажем, новый подвид северного оленя. Или датировать эту кость и обнаружить, что она была разрублена в то время, когда ещё и людей-то не было. Чудес всяких случается много... А наша задача, музейщиков Института, и состоит в том, чтобы хранить любые зоологические объекты (кости, шкурки, чешуйки, насекомых), которые автор поизучал и потерял к ним интерес. Работа эта непростая, и своих подводных камней хватает.

Карабус сибирikus

Дальше мы стали кочевать с места на место, сплавляясь по Хадьте и через каждые 15–20 километров разбивая на пару дней лагерь. Всего у нас было 9 или 10 таких переходов и, соответственно, стоянок. Правда, на второй же день сплава,

когда мы вышли с плакорной возвышенности, река стала нормальной — метров 10 шириной и всего 20–30 сантиметров глубиной. Временами приходилось тянуть лодки на бечеве, но это мелочи.

На второй стоянке мне страшно повезло. Я вообще, похоже, везучий человек — вот даже и не помер до сих пор, и то счастье. Как уже говорилось, в то время я занимался энтомологией, и перед этой поездкой проштудировал всё, что касалось насекомых тундры. Особенно про больших и красивых жуков; выяснилось, что на Ямале из крупных жужелиц, многочисленных в более южных районах, обитают всего четыре вида. Причём местный маститый энтомолог Юрий Иваныч, всю жизнь посвятивший тундре, сказал, что один вид, карабус сибиряк, очень редкий и он сам нашёл его только через десять-пятнадцать лет упорных работ.

Так вот, остановились мы, поставили лагерь, пошли осмотреться. Вышел я на прибрежный обрывчик (хорошо так, солнышко светит), глядь — а под ногами ползет ОНО. Явно ни один из тех видов, которые обычно там встречаются и которых я к тому времени уже немало насо-

бирал. Я эту зверюгу, конечно, аккуратно изловил, заморил, и, если забежать чуть-чуть вперед, когда мы на фактории встретились с Юрием Иванычем, он меня спросил: «Ну как?». «Нормально, — отвечаю я, — все четыре вида поймал». Смотрю, глаза у него округляются, и он растерянно говорит: «Как четыре? Ты же мог поймать только три». Я спокойно достаю свои сборы и показываю ему этот экземпляр. И вот у него, что называется, белая зависть. Ругнулся в сердцах; дескать, надо же, в первый сезон, а я тут двадцать лет её ищу и только один раз встретил. Потом эта жужелица, как вы уже догадались, была поставлена на иголку в качестве эталонного экземпляра, и, поскольку через энное количество лет я передал по наследству свои сборы теперешнему величайшему уральскому энтомологу Жене, я как-то позабыл про этого карабуса. А пару лет назад, разговаривая с Женей, вдруг вспомнил и спросил его, жива ли ещё эта находка? «А чего ей делается, — отвечал Женя. — Стоит у меня в домашней коллекции на почётном месте, с твоей этикеткой, с твоим местонахождением, словом, работает».

Просто, чем интересен этот карабус сибиряк — это вид степной. То есть, если вы знаете, в плейстоцене (больше десяти тысяч лет назад) была смешанная фауна, так называемая мамонтовая, в которой сосуществовали очень разные с нашей точки зрения виды. Например, среди крупных млекопитающих бок о бок ходили сайга и северный олень, а теперь одна греется в южных степях, а другой бродит по тундре. В разделяющую их тысячекилометровую зону лесов оба предпочитают не заходить. Среди мелких животных есть такие виды, и среди насекомых тоже. И до недавнего времени считалось, что эта жужелица «ушла» в степь. В действительности же ситуация оказалась сложнее.

Ядерный щит Родины на Полярном Урале

Как вы думаете, что мы нашли на одной из наших стоянок? Ни за что не угадаете. Ракету!

Четвёртый наш лагерь был расположен в местечке под названием То-Вы-Хи-Бя-То-Сё, то есть «протока между озёрами Вы и Бя». Недалеко от этой протоки, обсле-

дую окрестности, мы нашли остатки баллистической ракеты СС-5. Дело в том, что ядерный щит нашей Родины, блокирующий потенциальные пути агрессии со стороны понятно кого, весьма неплохо представлен на Полярном Урале. Запуск ракет через Северный полюс был одной из самых реальных перспектив “в случае чего”. Когда наши ракеты проходят десятилетний срок службы на боевом дежурстве, их для тренировки запускают и сами же сбивают. А район “вывала” (падения сбитых ракет) в аккурат приходится на ту территорию, где мы сплавлялись. Местные жители по этому поводу постоянно сетуют: «Зачем нам на голову это кидают? Из этого металла (титан) ну совершенно ничего нельзя сделать». И это не пустые жалобы, как может показаться на первый взгляд.

Вот, например, наш орнитолог Михаил... Батькович сидел однажды на точке под названием Ласточка. То ли за птичками наблюдал, то ли рыбу чистил, неважно. Слышит — что-то хлопнуло, поднял голову и увидел сверху вспышку. Ясен пень, сбили ракету. Михаил Батькович между делом за ней на-

блюдает и вскоре замечает, что падающая точка разделилась на две. Причём одна ушла куда-то в сторону, а вторая подозрительно точно летела на него. Сначала он не придавал этому большого значения, но потом, когда свист стал нарастать всё сильнее и сильнее, а падающий предмет и не думал менять траекторию, несколько забеспокоился. Слишком уж безрадостной показалась ему, свердловскому учёному, судьба быть прибитым упавшим с неба куском металла посреди огромной тундры, где на сотню верст вокруг — полтора человека. И с этой мыслью Михаил Батькович заметался, прижался к обрыву... Где-то рядом грохнуло, оказалось, чуть-чуть не попали: триста метров недолёт.

Тем не менее, и местные жители, и наши сотрудники очень любили искать места падений таких ракет с сугубо практическими целями. Например, ткань, используемая в системе трубопровода этих ракет, очень хорошая, крепкая и мягкая, и замечательно используется ленивыми русскими полевиками в качестве портянок. Их стирать не надо, потому что они огнестойкие; бросил грязные

портянки в печку или в костёр, и, когда грязь выгорит, достанешь сухие, чистенькие и тёпленькие. Оттряхнул от золы и тут же надел — лепота!

Найденная нами ракета смахивала на среднюю ступень ракетоносителя типа “Восток”, а может, это она и была. Мы и до этого в тундре находили массу обломков ракет, но обычно это были просто большие куски титанового сплава, чуть меньше сантиметра в толщину. Они достаточно лёгкие, такой кусок метр на метр я свободно поднимал над головой; в упор картечью не простреливаются, однако пуля пробивает. Кстати, хоть ненцы и жалуются, что металл хрупкий и к обработке не годен, но из тех мест мы привезли сувенир — табакерку, сделанную из фрагмента трубопровода одной из таких ракет.

Хозяин полярных земель

На одной из следующих остановок была такая история. Мы с Андрюхой шли по плакору, он чуть впереди, я в десятке метров за ним, и тут из невысоких кустов ивы в низинке прямо перед нами внезапно и бесшумно появился полярный

волк. Знаете, как говорят, «вырос, словно из-под земли».

Белоснежный, статный красавец, и, причём, очень большой. Просто спокойно вышел и стоял метрах в двадцати, равнодушно, но внимательно глядя на нас. Телосложением похож на восточно-европейскую овчарку, точнее, даже на кавказца, но по шкуре больше на овчарку.

И надо же такому случиться, что ружьё Андрюхи было заряжено дробью. У меня в стволе была пуля, но между мной и волком как раз стоял Андрюха. Я, честно говоря, стрелять побоялся, мало ли чего, а Андрюха не утерпел и пальнул в него дробью. Волк присел, вернее, припал к земле и даже не испуган-

но, а как-то деловито, сосредоточенно, но очень быстро шмыг — и в ближайший ложок, только мы его и видели.

День мокрых палеонтологов и сухих дендрохронологов

Однажды на сплаве у нас состоялся «день мокрых палеонтологов и сухих дендрохронологов». Наши хренологи налегке решили пересечь один из меандров (то есть изгиб) реки, надеясь найти в тундре свои ископаемые деревья, а я и Васильич, управляя каждый тяжело гружёной лодкой, шли водой. Надо сказать, что Хадыта очень сильно петляет. Порой двухсотметровой ширины перешеек между двумя

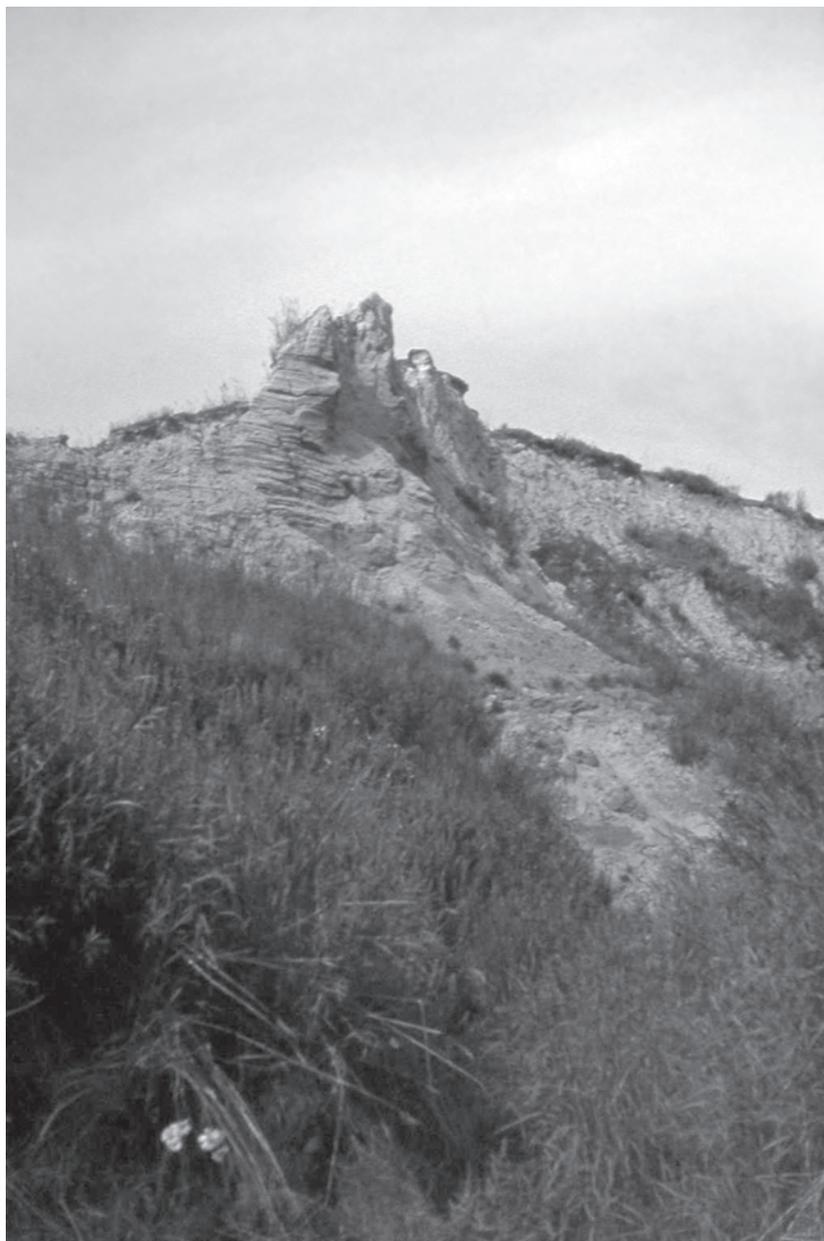
участками Хадыты был разделён трёх-четырёхкилометровой петлёй воды.

Как назло, наша петля оказалась местами ещё и мелкой, и мы стали толкать лодки перед собой, идя по колено в воде, чтобы в нужный момент оттолкнуться и заскочить в них. Очередная отмель явно заканчивалась с начинавшимся впереди высоким берегом, и я поздно заметил, что в этом месте в Хадыту впадает небольшой ручеёк. Всё бы ничего, но чистый светлый песочек в месте их слияния с играющими в струйках песчинками выдавал явный зыбун; достаточно было ступить на такое место, и ты вмиг уходил с головой в воду.

Я шёл впереди, и потому, хотя толкаемая лодка заслоняла обзор, был настороже. Когда грунт под ногой перед коварными зыбучими песками стал «играть», я живо сообразил, что к чему, и одним коленом вскочил на лодку, другой ногой оттолкнулся и стал устраиваться на корме с веслом. О происшествии напоминал лишь сырой сапог, которым я успел черпнуть немного водички, когда стал проваливаться. И тут до меня дошло, что неплохо было бы предупредить покуривающего сзади Васильича. Открыв рот для крика, я обернулся, но было поздно.

Как и любой идущий вслед за кем-то, Васильич совершенно расслабился и, пуская дымок, думал о своих зубах, то есть о зубах древних грызунов. Зыбун на пути оказался для него полной неожиданностью, и застигнутый врасплох Васильич только и успел последним судорожным рывком обхватить обеими руками баллон кормы лодки. Его болотники крепко держал песок, а Васильич отнюдь не желал расставаться с этой необходимой обувью. Поэтому он скрючил ступни, не давая ногам выскользнуть из сапог.

Когда я обернулся, то обнаружил только мирно покачивающуюся на воде лодку; скрытого кучей ящиков, изображающего из себя якорь Васильича не было видно. Пока я соображал, куда мог деться начальник посреди голой тундры, толчки увлекаемой течением лодки

выдернули ноги Васильича из песка. Его лодка, медленно вращаясь в свободном дрейфе, повернулась ко мне кормой. Там я и обнаружил невозмутимого палеонтолога, молча висящего за бортом по грудь в ледяной воде и с дымящейся сигареткой в зубах. Потому он и молчал — начнёшь орать, сигарета упадёт в воду, а с куревом и так дефицит. Только его глаза красноречиво и несколько нетерпеливо говорили: «Ну, ты, когда меня спасать-то начнёшь?».

К тому времени нас вынесло под протяжённый обрыв, где глубина реки была солидной и возможности нащупать ногами дно не предви-

делось. Я начинаю энергично работать веслом, подруливаю ближе, как можно быстрее разворачиваю свою лодку кормой к Васильичу, думаю, чем ему помочь... И тут соображаю, что он уже несколько минут пребывает в очень холодной воде, и если он, окоченев, разожмёт руки, мне придётся нырять. Шансов выплыть самостоятельно в мокрой фуфайке и в болотных сапогах у замёрзшего человека немного. Такая перспектива меня не устраивала, и я, приблизившись к нему, веслом в одной руке продолжал грести к берегу, а второй рукой пытался поддержать Васильича на плаву. Для этого я со-

всего маху сунул руку в воду как можно глубже с намерением схватить его за ремень.

Но второпях я немного перестарался, к тому же Васильич от холода втянул живот, и моя рука скользнула в глубину его штанов, несколько ниже пояса. Там я схватил Васильича, за что попало... в общем, если бы он был женщиной, я бы его ни за что не схватил. Не ожидавший такого спасательского рвения начальник всё-таки потерял свою сигарету, завопив: «Ну, за это дело-то зачем хватать, да ещё так сильно?!!». К тому же я, увлечшись спасением, потерял ориентацию и теперь грёб на середину реки. Васильич, скосив глаза, продолжил свою гневную тираду: «А щас ещё и утопить решил! К берегу грести, к берегу!!!».

Предположив, что Васильич такой злой, потому что я его держу не за то место, я перехватился чуть выше, нащупав наконец ремень, после чего Васильич умолк и больше не мешал мне его спасать. Через пару минут он почувствовал под ногами грунт и буркнул что-то благодарственное, из чего я понял, что его можно отпускать. Вылезли мы на берег, разделись, отжались, согрелись, да и поплыли дальше.

АЗИМУТ ЖИЗНИ

— Выключай станки, парни, — перерыв! Писатель выступать будет — сам Бажов, — раздался громкий призыв в цехе.

Подростков, отработавших половину долгой тыловой смены 1943 года, упрашивать не пришлось. Все потянулись в самый просторный угол цеха. Олег Плотников тоже отложил очередную деталь — поршневое кольцо двигателя танка Т-34. Сказы Бажова он читал не раз и даже жил в одном квартале с писателем, но вот слушать и видеть его так близко не приходилось.

Из уст самого сказочника легенды звучали завораживающе. Увлекаясь, Бажов переходил на характерный уральский говор, менял интонацию под каждого персонажа, выразительно жестикулировал. Как живые, вставали перед глазами Данила-мастер, Хозяйка Медной горы, Таятка со своим волшебным

зеркальцем, таинственно отливала зеленью малахитовая шкатулка...

Впечатление было настолько сильным, что прямо после смены Олег пошел не домой, а во двор находящегося поблизости Свердловского горного института. Он видел, как вчера студенты свалили там в кучу ненужные образцы. На этот раз ему ничего особенного в руки не попало (студенты знали, что выбрасывать!), но несколько обломков неведомых ему пока кристаллов он унес домой... И заболел с той поры, как Данила-мастер, «каменной болезнью».

Отработав положенные часы, забывая про усталость, Олег спешил на старинные копи — благо, Урал щедро рассыпал свои богатства совсем рядом со Свердловском. Где он только не побывал за эти несколько лет! Гумешки, Монетка, Алабушка и другие рудники с ласковыми названиями дарили подростку

О.И. Плотников за работой

Я тоже люблю камни

свои сокровища, а заодно он набирался и знаний о самоцветах Урала.

Нелегкие военные годы шли чередой, не давая возможности превратить увлечение в профессию. Куда реальнее было поступить в технологический техникум, прямая дорога к которому вела с завода. Так и пошел Олег по технической части, получил диплом механика, а вместе с ним направление в далекую Якутию. Исполнения желания пришлось подождать еще несколько лет. Надо было утвердиться, встать на ноги как человеку взрослому, семьянину, поскольку следом за ним приехала в Якутск его будущая жена Нина.

Общительный и инициативный, никогда не расстающийся со своим баяном, он быстро завоевал авторитет у молодежи, был выдвинут на комсомольскую работу. Но с мечтой не расставался и однажды, решившись, подал заявление на заочное отделение Алданского политехникума. В 1959 году, в звании младшего коллектора Тимптоно-Учурской экспедиции, Олег Плотников вышел в свой первый маршрут.

— Служба коллекторов была большой школой, — вспоминает сегодня Олег Иванович, — жаль, что она упразднена сейчас. Чтобы стать геологом, мало быть специалистом с определенным запасом знаний. Надо еще стать полевиком — человеком, который чувствует себя в тайге, как дома, умеет и костер в дождь развести, и палатку на снегу поставить, и лошадь навьючить, и шлих в лотке промыть. Всему этому не научишься в аудиториях вузов и техникумов, надо походить года два рядом с опытным таежником, пообвыкнуться. Да и для геолога такой заинтересованный

геологов. (Чароит, агат)

спутник был первым помощником, позволял высвободить время для более тщательного геологического поиска.

Специализацией Плотникова на многие годы стала геологическая съемка. Что это такое? В одной популярной некогда песне пелось, что геологи — ходоки. Прежде всего это утверждение относится к «съемщикам». Они весь сезон проводят, что называется, на ногах, не засиживаясь ни дня на одном месте, пересекая сеть маршрутов территорию, на которую требуется составить геологическую карту. При мелкомасштабном картировании это ежедневно 6 километров маршрута с подробным описанием и отбором образцов. За сезон Плотников обычно проходил 300–400 таких километров, а за 30 лет, выходит, «задокументировал» расстояние, равное пути от Якутска до Москвы. А если учесть, что на каждый километр маршрута приходится десяток верст подходов, отходов и перебазировок, то это уже означает, что Олег Иванович дважды обошел земной шар. И не асфальтовыми дорогами, а крутыми таежными тропами.

Особенно нелегко было работать в первые годы. Это сейчас на помощь геологам пришли вертолеты и вездеходная техника. А тогда единственным видом транспорта были лошади, которых иногда приходилось перегонять к месту работы на немалые расстояния. И Олег попрощался со своей Ниной еще в марте, чтобы возвратиться к ноябрьским праздникам.

Разные были у него встречи на алданских гольцах. Об одной из них напоминает рысиная шкура, висящая на стене его рабочей комнаты. Явно не по вкусу пришелся тогда таежной кошке геолог, но успел он упредить ее прыжок. Помнит Олег Иванович и необычного, совершенно седого медведя, вставшего ранней весной на пути его товарища Николая Колосова. Тогда помощь подоспела вовремя. Надежное плечо друга у таежных скитальцев — одна из самых главных опор. Не раз такой опорой был Плотников.

Лагерь

Случалось ему и спускаться на лодках по кипящим горным рекам, и взбираться на скалистые вершины, и идти сквозь раннюю осеннюю пургу, проливные ливни. «Каменная болезнь» неизлечима. Заболев ею однажды, человек всю жизнь будет ждать за поворотом незнакомой тропинки встречу с волшебной сокровищницей. И во имя этого он готов терпеть любые лишения.

Щедры недра Алдана. И ко многим из его тайн успел прикоснуться Плотников. Почувствовав, что прежних знаний не хватает, он в сорок лет, уже работая начальником отряда, заочно окончил Иркутский университет. Наградой за верность своему делу стала его причастность к открытию рудного месторождения золота. Это был его сыновний подарок родному Алдану, для которого золото – второй хлеб. Это был и долг его, отданный этой якутской земле.

Столь же щедра была судьба Плотникова на встречи с необычными людьми. Мы уже вспомнили Бажова, а в начале 60-х годов река Учур подарила ему знакомство с другим известным писателем – геодезистом Григорием Федосеевым. Плотников тогда приобрел спиннинг, который только входил в моду. Недалеко от поселка Чагда он вытащил из Учур тайменя. Посмотреть на добычу пошел и Федосеев, стоявший здесь лагерем со своим отрядом топографов. Они разговорились, а вечером Олег Иванович уже сидел в палатке писателя за чаем.

– Федосеев был прекрасным рассказчиком, – вспоминает мой собеседник, – его можно было

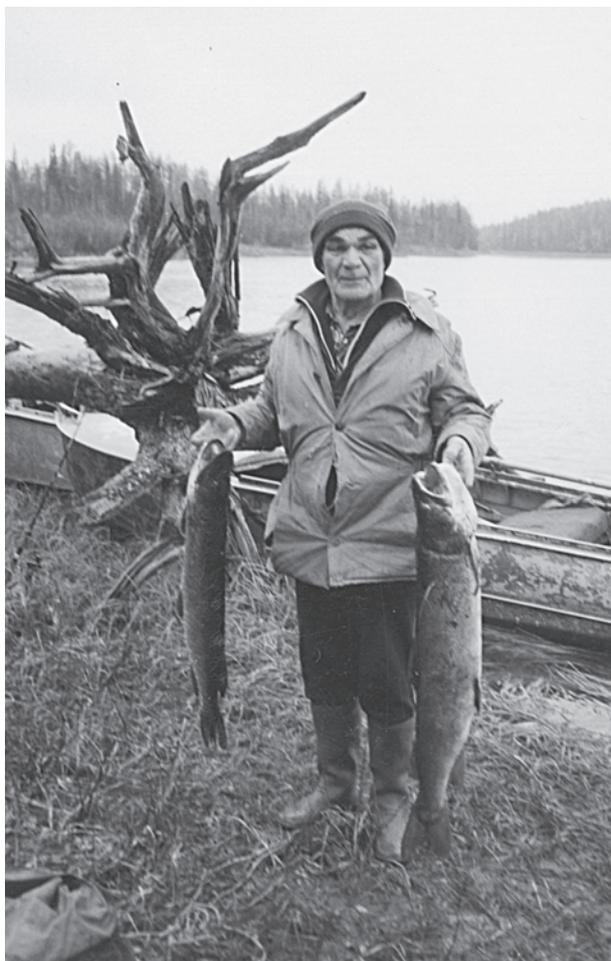
слушать часами. Чувствовалось, что его очень любят в отряде. Рабочие поминутно обращались к нему, порой почти без надобности, уважительно называя «шефом». Мы вместе сплавлялись по Учуре, и «шеф» очень точно определял маршрут, выбирал места для ночевки. Через несколько дней наши пути разошлись – геодезисты ушли в сторону Токко. Именно в тех краях потом жили и сражались с трудностями герои повести Федосеева «Смерть меня подождет». Мне часто приходилось работать на Учуре. И каждый раз, попадая на новый участок реки, я вдруг ловил себя на том, что места эти мне знакомы – настолько образно и точно описал их Федосеев в своих книгах.

В то же лето у Плотникова проходил практику студент – монгол Бямба Жамбын. Любознательному пареньку пришлось по душе его руководство и богатство алданских недр. На следующую практику он снова приехал сюда, через год – опять. Закончив Московский геологоразведочный институт, Бямба возвратился на родину, через несколько лет защитил диссертацию, а вскоре был назначен советником Монголии в СЭВ. У Олега Ивановича хранится множество писем от Жамбына, уже министра геологии Монгольской Народной Республики и руководителя международной экспедиции социалистических стран.

Мы сидим с Олегом Ивановичем в его уютной квартире и пьем крепкий, «геологический» чай. На стеллаже, сделанном хозяином, выстроились альбо-

За нами прилетели

На реке Алдан

мы с марками, различные книги, коробки со слайдами. Цветная фотография — одно из главных увлечений Плотникова, способ донести до друзей суровую красоту тайги и гор, показать их щедрость, многоцветье камней и скал.

— Горы, они только издали серые, — убеждает Олег Иванович. — А если присмотреться поблизу, то они — цветные. И редкая красота может поспорить с красотой камня.

Как бы в подтверждение его слов, с полки смотрят на меня несколько полированных образцов — чароит, мрамор, агат, доломит. Все они — подарки друзей. А свою личную коллекцию Плотников подарил геологическому музею Тимптоно-Учурской экспедиции, которым заведовал с 1977 года. В этой должности, видимо, и сбылась мечта мальчишки из Свердловска. Музейный отряд Плотникова занимается отбором наиболее интересных образцов для коллекций и выставок, а также поиском поделочных камней.

С уверенностью можно сказать, что здесь представлена каменная палитра всей страны. И не только ее. Вот, например, уникальные минералы, собранные в Италии и Африке и переданные в дар заслуженным геологом РСФСР Б.Д. Бошковым...

Сверкает в ровном свете люминесцентных ламп «якутский изумруд» — хромдиопсид, переливается гранями горный хрусталь в друзьях, светит фиолетовыми лучами аметист, завораживает своими неповторимыми рисунками чароит. Все эти камни принесены сюда алданскими геологами. Музей — не просто прихоть собирателей, а учебная база для молодых специалистов, средство пропаганды своей профессии и профориентации школьников. Многие алданские мальчишки, заглянув сюда во время экскурсий, потом делали для себя единственный выбор — шли в геологию.

Каждую весну Олег Иванович отправлялся на старые горные выработки, осматривал отвалы рудников, ехал на новые, только что открытые месторождения. Назад возвращался с полным рюкзаком и пытался всякий раз открыть красоту камня — сделать оригинальный срез, отполировать, огранить. В мастерской рядом с музеем он установил два камнерезных станка и пропадал там все свободное время. Большая часть выставленных в экспозиции образцов прошла через его руки.

— На каждый камень можно по-разному взглянуть, — делится Олег Иванович своими мыслями. — Вот, например, доломит. Можно его для кирпичей использовать, а можно...

Плотников протягивает полированную пластинку благородного серого цвета, прорезанную белыми прожилками. Это почти готовый сувенир или будущие запонки, брошь, кулон.

— Нравится?

Я киваю головой.

— Геологи должны повнимательнее относиться к поделочным камням, не считать их так называемым «попутным сырьем»...

Олег Иванович показывает альбомы с полевыми фотографиями. На них горят рассветы и закаты, сидят у костров бородатые люди, мелькают Учур, Становой — федосеевские места. По дереву, перекинутому через расщелину скалы, идет девочка с геологическим молотком — дочь Плотникова Таня. Тогда — десятиклассница...

...От поселка Дrajный, где тогда жил Плотников, до Алдана 2 километра. Автобус ходит каждые 20 минут. Хозяин вызвался меня проводить. Мы долго стоим на крыльце, любуюсь окрестным сосновым бором, пригретым ласковым весенним солнышком. Показывая в сторону города, Плотников чертит мне в воздухе направление русла бывшего ручья Незаметного, а потом вдруг предлагает:

— Давай лучше в город пешком. Что значит для геологов две версты? Пустяк...

Этот очерк был написан и напечатан в якутском сборнике в 1984 году. Ныне Олег Иванович на пенсии, живет в Екатеринбурге. Его любовь к камню и работе с ним продолжают.

Сказка для дочери

Стоял теплый летний вечер. Сквозь распахнутое окно легкий ветерок тихо шевелил занавески. С улицы доносились детские голоса, кто-то насвистывал знакомый мотив, в комнате пахло сиренью.

Леон сидел за столом, раздумывая, не закончить ли работу на сегодня, но потом вспомнил, что статью для журнала ждут завтра и решил ещё немного поработать.

Но сейчас его отвлекли — он услышал, как тихо отворилась дверь.

Леон уже знал, что будет дальше, и, улыбаясь, ждал. Секунду спустя, две теплые детские ручки крепко обхватили его за шею.

— Папочка, — сказала Мария.

Она засмеялась, и живо уселась отцу на колени. Леон прижал к себе ее головку и ласково погладил непослушные волосики. Он был рад, что ему помошали.

Леон и Мария уже давно жили вдвоем. Мать оставила девочку совсем маленькой, а сейчас Марии было десять лет. Мария нежно любила отца, тот — души в ней не чаял, стараясь только не слишком избаловать ребенка.

И Мария не была избалованной. Она была доброй и веселой, а еще, немного застенчивой, несмотря на свою внешнюю смелость.

— Папочка, ты будешь долго писать сегодня? — Мария лукаво посмотрела на него

— Нет, дочка.

— Папа, — попросила девочка, — напиши, пожалуйста, сказку для меня.

— Ты же знаешь, милая, что я не силен в сказках.

— Я помогу тебе, — серьезно сказала Мария.

Леон знал, что иногда Мария бывает упрямой, и он не хотел с ней спорить. К тому же, что-то располагало его сегодня к таким занятиям.

Леон решил, что справится. Он открыл нижний ящик стола и наугад вытащил тетрадь. Леон не помнил, чтобы раньше видел ее.

— Какая же это будет сказка, дочка? — спросил он, включаясь в игру.

Мария задумчиво наклонила светлую головку и тихо сказала:

— Это будет сказка о девочке, похожей на меня.

Леон улыбнулся — он понял ее мысль. Крепче прижав дочь к себе, он написал первую строчку:

«Жила-была одна девочка. Звали ее Мария...»

Леон чуть отодвинулся от тетради и покосился на дочь:

— Нравится начало?

— Нравится! — засмеялась Мария. — Только ты пиши дальше!..

* * *

Мария легко и весело вбежала в комнату. Ее глаза сияли, светлые волосы в беспорядке падали на плечи.

— Папочка, — крикнула она, смеясь, — смотри, папочка!

Она протянула ему маленькую коробочку. Леон уже понял, что в ней. Мария открыла футляр и с гордостью надела кольцо на палец. Камни сверкали и переливались на солнце.

— Сразу после свадьбы мы уезжаем, — вдруг сказала девушка.

«Все верно», — думал Леон. Мария выросла, она выходит замуж. Разве не этого он так хотел для нее: молодой, состоятельный, любящий муж.

Дочь с легкостью читала его мысли. Она нежно обняла отца и прижалась к нему, как в детстве. Руки Марии ласково гладили его волосы, и Леону стало легче.

* * *

В комнате зазвонил телефон и Леон почувствовал, что это она. Он взял трубку и словно увидел дочь перед собой, услышал, как весело она смеется.

— Да, да, — говорила Мария, — все в порядке...

Они хорошо доехали и погода чудесная. А как он, Леон, что делает, здоров ли?

— Не волнуйся за меня, милая, — отвечал Леон, улыбаясь.

* * *

Этот разговор по телефону был последним. Леон долго ждал вестей от нее, но, ничего не было. Тогда,

Ольга Дылдина родилась в 1973 г. в Карпинске. В 1996 г. окончила Уральский государственный технический университет по специальности радиотехника. Работает инженером-конструктором. Живет в Екатеринбурге. Рассказ «Сказка для дочери» — первая публикация в печатном издании.

предчувствуя недоброе, он сам написал по адресу, где жила дочь, и через две недели пришел ответ.

У Леона дрожали руки, когда он вскрывал конверт. Он начал читать и буквы запрыгали перед глазами. Мучительным усилием Леон заставил себя дочитать до конца.

«...Они катались на яхте и утонули, это был несчастный случай...»

* * *

С того страшного дня прошло уже немало времени. Леон долго не мог поверить, что его милой Марии больше нет на свете. Он ездил туда, где случилось несчастье, искал ее следы, расспрашивал всех, кто мог видеть ее в последний раз, и всё ещё не верил.

Наконец, страшная действительность обрушилась на него и Леон сразу сильно сдал, превратившись из крепкого еще человека в убитого горем старика.

Но время лечит любые раны, даже такие страшные, как потеря единственного, горячо любимого ребенка. Леон научился жить дальше со своей болью. Теперь его дни в основном состояли из воспоминаний о прошлом, когда его девочка была жива. Часами он мог рассматривать ее вещи и фотографии, просто прикасаться к ним, как когда-то прикасалась она...

* * *

В один из таких дней, Леон сидел за столом, машинально перебирая бумаги. Вдруг, пальцы его наткнулись на тетрадь и Леон раскрыл ее.

«Жила-была одна девочка. Звали ее Мария. Она была красивая и нежная, как цветок, и веселая, как птичка. Она жила в большом доме с папой, и они были очень привязаны друг к другу. Прошли годы, Мария выросла и встретила прекрасного принца. Он был красив и добр. Он полюбил девушку всем сердцем, а потом — женился на ней. Скоро принц увез Марию в далекую страну на своем корабле и они стали жить в красивом замке...»

А дальше, Леон увидел то, что заставило его содрогнуться:

«...Однажды они плавали на своем корабле и утонули», — прочитал он в конце.

Леон не верил своим глазам — этого он не написал!

— Что это?!, — с ужасом закричал он, почти сходя с ума.

Постепенно, способность мыслить вернулась и Леон вспомнил, как они с Марией вместе писали эту сказку. Но сказка осталась неоконченной. И вот, что-то мешало и дописало текст до конца. А ведь судьба его Марии оказалась такой, как в этой сказке.

«Значит, это я во всем виноват, — подумал Леон. — Я должен был сам закончить тогда начатое».

Но разве он мог предположить такое, разве мог?? Какая нелепость!

Леон охватил голову руками и застонал. Воспоминания разом нахлынули на него. Вскрикнув, Леон схватил тетрадь и разорвал ее. Внезапно, у него потемнело в глазах и Леон без чувств упал на пол.

* * *

...Легкий ветерок чуть шевелил занавески на окне. На улице смеялись дети, кто-то насвистывал знакомый мотив. Леон сидел за столом, раздумывая, не закончить ли работу на сегодня.

Наконец, он снова взялся за бумаги, но ему помешали. Дверь приоткрылась, и, секунду спустя, две теплые ручки крепко обхватили его за шею.

— Папочка! — сказала Мария.

Она засмеялась, довольная, и живо усевшись к отцу на колени. Леон крепко прижал к себе девочку.

«Сейчас я проснусь и она исчезнет», — думал он.

Но Мария не исчезала. Леон так ясно ощущал ее тепло, вдыхал любимый детский запах ее волос. Ему казалось, что жизнь вновь возвращается к нему. Мария вдруг серьезно взглянула на отца и попросила:

— Папочка, напиши, пожалуйста, сказку для меня!

— Но... — начал было Леон и осекся.

Это — второй шанс, вдруг ясно понял он.

Теперь он знал, что должен сделать. Руки сами потянулись к столу, достали тетрадь и раскрыли ее. Тетрадь была чистой.

Улыбнувшись, Леон крепче обнял дочь и приготовился писать.

* * *

Шустрый солнечный зайчик весело бегал по комнате, а маленькая девчушка, лет трех, с восторгом следила за ним. В стороне, у окна, мирно дремал в кресле дедушка. Вдруг шаловливый зайчик двинулся к нему. Девочка знала, что дедушку будить нельзя, но ведь это не она, а зайчик. Золотое пятнышко уже угнездилося на носу у деда.

Леон чихнул и проснулся, улыбаясь: он нечаянно задремал, а маленькая проказница пробралась в комнату.

Увидев, что дедушка проснулся, девчушка подбежала и повисла у него на шее. Теперь-то, она наконец получит то, за чем пришла.

— Дедушка, расскажи мне сказку про фею и волшебную курочку, — нетерпеливо потребовала она.

Леон ласково погладил ее светлую головку и лукаво улыбнулся в усы — новая сказка была уже готова для нее.

В сказках, которые придумывал Леон, были феи и великаны, гномы и волшебники, рыцари и прекрасные принцессы. Дедушку и внучку связывала самая крепкая дружба.

* * *

Марию часто удивляла эта неожиданная для нее способность отца сочинять сказки. Она удивилась бы еще больше, узнав, с какой серьезностью и любовью Леон придумывает свои истории.

А самая главная особенность его сказок состояла в том, что все он без исключения были со счастливым концом.

Елка за закрытыми ставнями

Радовался директор школы Николай Иванович, ох как радовался: замечательный праздник получился. Елку удалось выбрать стройную, пушистую, под самый потолок. Сторож Матвеич облюбил ель, вывез на дровнях из-под Крутихи. Ребята мастерили игрушки, многое принесли из дому учителя, пожертвовав на общее веселье и стеклянными огромными шарами, и блестящими бусами, и золотистыми колокольцами... И маскарад удался! В общем, повеселились его воспитанники так же, как некогда прыгал под елкой в гусарском костюме на деревянной лошадке первоклашка Коля, будучи отличником Екатеринбургского реального училища...

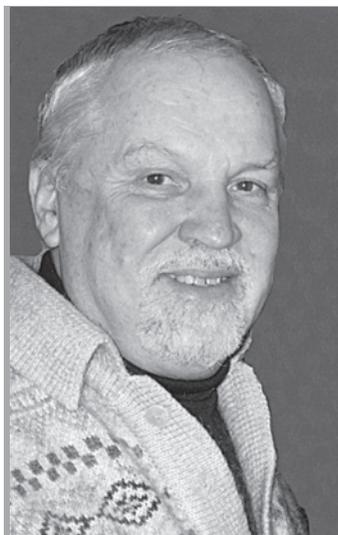
Радость Николая Ивановича оборвалась в первый же день зимних каникул. Рано утром, когда жена и дети спали, а Николай Иванович возился с керосинкой — чаек вскипятить — раздался стук в дверь. Человек, вручивший ему под расписку повестку в ОГПУ, сам и сопровождал туда...

В чем же была вина директора, за что его? В стране шла борьба с русской культурой, с традициями, с религией. И даже — со сказками, в коих детям якобы внушался страх перед темными силами, вроде Бабы-Яги или Кощея Бессмертного. Особенно разъярились ре-ре-волюционные идеологи против рождественских елок, способствующих распространению «опиума для народа»...

По городу пополз слух: елки запрещены — отрыжка капитализма, арестовывают учителей. Однако люди потихоньку устраивали тайные рождественские празднества и встречали Новый год под православной елочкой.

Вот что рассказал мне престарелый профессор В.Г. Десятов: «Родители затемно приносили в дом маленькую елку, привязывали ее к табуретке. По вечерам, чтобы никто не увидел новогодних огоньков, мы плотно закрывали ставни — боялись. Спрашиваете, когда были реабилитированы елки... Это был канун 1936-го. Инициатором возрождения детской радости выступил секретарь ЦК ВКП(б) Постышев. Помню, у меня было воспаление легких, а в доме уже в открытую устанавливали лесную красавицу. Запахло хвоей и апельсиновыми корками. Апельсины привезли в наш город из Испании, где шла Гражданская война. В середину опустошенного апельсина моя тетушка вставила фитилек, налила лампадного масла, и получился чудный оранжевый фонарик с долго-долго горящим огоньком... Да, давно это было. Приятно было чувствовать, что болезнь уходит: лекарство доброго доктора и елка спасали меня. И самодельный Дед Мороз улыбался голубыми глазами из-под ветвей: не помрешь, паренек!»

В Москве, у главной елки, предполагалось разгадать загадку: что такое — четыре новогодних П.

23 февраля 2008 года Владимиру Александровичу БЛИНОВУ — старинному другу нашего журнала — исполняется 70 лет!

Владимир Блинов — заслуженный работник высшей школы РФ, основатель кафедры экодизайна Уральской государственной архитектурно-художественной академии, кавалер орденов «Знак Почета» и святого князя Даниила Московского.

Председатель правления Екатеринбургского отделения Союза писателей России с 1999 по 2004 г. Лауреат литературной премии имени П.П. Бажова, премии имени В.И. Татищева и Г.В. де Геннина. Член Общественной палаты г. Екатеринбурга. Член Союза архитекторов. Благодаря В. Блинову в Екатеринбурге появилась самая честная литературная премия «Чаша круговая». От всей души поздравляем этого доброго, замечательного человека, талантливого поэта и прозаика с юбилеем.

Желаем ему еще многих и многих лет жизни, неиссякаемого творческого потенциала и крепкого здоровья!

Авторский коллектив и редакция журнала «Уральский следопыт»

Один пионер догадался: «Письмо Павла Петровича Постышева». Письмо о разрешении елок.

Но это был уже 1936 год. А что же стало с нашим директором Николаем Ивановичем? Да и не только с ним, а еще с 30-ю другими учителями, директорами, завоблоно, подозреваемыми в поджоге городских школ.

В рапорте сексота, лежащем на столе следователя, среди прочего было написано: «Довожу до вашего сведения, что могу свидетельствовать, как директор заставлял школьников восклицать: «Елочка, зажгись!», — явно подстрекая коллектив к поджогу советской средней школы №...»

Удары хромового сапога приходились в основном по затылку Николая Ивановича. При этом каждый удар сопровождался яркой вспышкой в мозгу. И, может быть, в последнем предсмертном бреду казались ему эти вспышки лопающимися красными, зелеными, малиновыми елочными шарами.

В 1938 году арестовали и разрешителя елок П. П. Постышева. Приписали многие вредительства. Издевались, мучили, расстреляли.

Без икон

В Екатеринбурге значительную часть населения составляли бывшие крестьяне, приехавшие из губернских деревень, из Вятки, с Украины.

В годы борьбы с «опиумом для народа» не многие решались повесить в красном углу икону. А прежде — в любой избе теплилась лампадка и устраивались целые иконостасы...

Людям хотелось украсить новую халупу или коммунальную квартиру. Над кроватью со взбитыми подушками обычно висели овальные портреты супругов, увеличенные с фотографии или самодеятельным художником цветными карандашами. Появились рамки под стеклом, висящие над обеденным столом. В них помещались немногие фотографии, которые появлялись в семье: деревенские родственники, дети, свадьба, молодожены, прощание с покойником (эти очень пугали меня в детстве, глядеть не хотелось, тем не менее взгляд гипнотически приковывался к ним), карточки, пришедшие с фронта — вся, почитай, жизнь семьи в этой домашней фотохронике...

Очень меня удивило, когда я стал бывать у соседей, у друзей: в большой комнате («зале») вывешивались портреты членов Политбюро ВКП(б), не всех, конечно. Чаще всего встречались Клим Ворошилов с усами-кубиками, с огромными маршалскими звездами на воротнике мундира, и «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. Тоже под стеклом, в толстой самодельной раме, крашенной коричневой краской.

Стараюсь понять, для чего были эти «гости» в домах горожан. Может быть, кто-то по наивной глупости действительно считал, что они украшают жилище. Может быть (догадываюсь, вспоминая —

такие «пантлеты» я видел в домах раскулаченных), люди надеялись на них как на защиту: неровен час, опять явятся люди из органов...

В доме моего дедушки, во флигеле, таких украшений не было, все же Иван Егорович был интеллигентом. В его небольшом кабинете висела гравюра из старинного журнала, изображавшая подписание Тильзитского мира; отрывной календарь, укрепленный на медной дощечке в виде палитры, с гравировкой — стрекоза, сидящая на кисти художника. А в углу, как и в прежние времена, — икона: светлый взгляд Спасителя, борода, вьющиеся волосы до плеч, благословляющие персты.

И прежде чем сесть за стол попить утреннего чая, мы с дедушкой вставали перед иконой и творили молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь».

На стеклах за ночь мороз вывел причудливые пальмовые ветви... Из кухни аппетитно пахнет картофельными оладьями, и бабушка уже зовет к чаю... «Пойдем, голубчик, — гладит меня по голове дедушка, — сегодня мы с тобой разучим «Рождество твое, Христе Боже наш...», через неделю главный праздник наступает, первопрестольный».

Первый грех

Тонька лежала на топчане, укрытая байковым одеялом. На кровать родственники положить ее не решались: завшивит. Тоньку привезли другие дальние родственники из Ревды, чтобы как-то прокормить или устроить в больницу для дистрофиков. А сколько таких доходяг пухнет с голодухи? В больницу их принимают с трудом. Некоторых никакая пища уже не спасет.

Мы играли на полу, возле Тонькиного лежака. И не обращали на нее внимания, хотя она иногда постанывала или негромко мычала. Может, пить просила. Тонька была немая. Лялька подносила ей кружку с водой, как наказывала, уходя на работу, тетя Нина, мама Гошки и Ляльки, моих друзей-соседей. Но Тонька крутила головой, мычала, не пила. Потом засыпала...

А мы играли в семью, в «домики». Лялька была «матерью». Гошка — «отцом», а я, четырехлетка, — их «сынком». Гошка уезжал на машине на завод, а мы с Лялишной-мамой готовили обед. Буржуйка еще не остыла, можно было и чай подогреть, и картофельных очисток поджарить. В картофельной кожуре нашлась и целая картофелина. Мы подсаживали картофельные дольки и налепляли их на наклонные боковушки печки. Вкусно пахло. Почему-то поджаренные ломтики называли рябчиками...

Вот и Гошка-«отец» возвращается с работы. И мы усаживаемся за наш обед. Слюнки текут. Слопав хрустящие очистки, мы вспоминаем об оставленной на обед взаправдашной похлебке, четырех ломтиках ржаного хлеба (на нас троих и на Тоньку) и, не

дожидаясь обеденного часа, разогреваем супец и за милую душу уплетаем его. Тонькину порцию все же оставляем ей.

– Тонюшка, кушать будешь? – спрашивает Лялька.

Тонька не отвечает. Спит. Нам стало скучно. По радио говорят про бои под Харьковом. Потом Лемешев запел про Дюню-тонкопряху.

Гошка по-пластунски подполз к лежанке, протянул руку и дернул Тоньку за свисающие волосы. Тонька вздрогнула, недовольно замычала.

Гошка пригнул голову к самому полу, спрятался. Лялишна разместилась рядом с Гошкой и тоже дернула Тоньку за волосы. Немая зашевелилась, замахала в воздухе тонкой, желтой рукой, дескать, не надо, отстаньте... Гошка начал делать рожей ужимки, показывая глазами вверх, призывал и меня к новой игре. Мне было немного жалко Тоньку, но и от дру-

зей отставать не хотелось. Тонька смешно мычала, а нас не видела. Я тоже подполз к изголовью лежака. Нащупал жиденькие Тонькины пряди и быстро дернул. И мы, все втроем, снова затаились, прыская в ладошки.

Тонька заметалась на лежаке, одеяло сползло набок. Она обидчиво завывала, заплакала, прикрыв лицо руками. Она не могла встать и наказать нас, сил у нее не было – дистрофик. Так она поплакала, мыча и скуля. Заснула.

А мы опять стали играть в семью. Обед закончился. Гошке – на «завод», а нам – гулять с «детушками»-куколками. До прихода родителей оставалось пять часов. Жрать хотелось...

С той поры прошло больше полувека. Тонька в больнице так и не поправилась. А в ушах, стоит задуматься, слышу ее беспомощное мычание.

Застенчивый запретитель

Архиерейский обед давался в главном ресторане города — «Большом Урале». Православная церковь возрождалась после многих лет гонений, притеснений, запретов.

Ах, чего только не было на изобильном столе — перечислять устанешь. Пожалуй, я не видывал столько яств... Молодые священники, разгоряченные прекрасными винами и водочкой «Кристалл», с благословения владыки пели чистыми, сильными голосами духовные и русские народные песни.

Тост следовал за тостом. Произносили их и священнослужители, приехавшие из соседних епархий на праздник, посвященный Симеону Верхотурскому, и приглашенные на торжество люди светские, вроде меня и моего коллеги профессора Слукина.

Пламенную речь произносит элегантный мужчина в сером костюме, с седой головой... Розовое лицо, очки в позолоченной оправе. Он говорит о роли церкви в развитии духовной жизни общества, о ее славных традициях, о необходимости расширения знания истории православия среди народа...

— Кто это? — спрашиваю Всеволода Слукина.

— Не узнал? Это же Н., уполномоченный по связям с религиозными конфессиями из областной администрации.

— Тот самый, что и в облизполкоме занимал пост по делам церкви? Непотопляемый!..

И мне вспомнилось! Несколько лет назад в день Радуницы я посетил родительские могилы. Потом направился к храму, единственной Ивановской церкви в миллионном городе, которую еще не закрыли властители, боровшиеся с «опиумом для народа».

Подходя к паперти, я уловил ухом едва слышимые колокольные перезвоны, доносящиеся из окна бокового придела.

— Что это? — спросил я нищенку. — Откуда звон доносится?

— А это, миленький, в церкви колоколенку установили с махонькими колокольчиками, вот и звонят по праздникам, радуют православных.

Я задрал голову и поглядел на настоящую, высокую колокольню. Колокола висели на месте. Молчали.

— На месте наши колокола, на месте, — продолжила старушка, — только власти звонить не велят.

И верно, давно не слышно колокольного звона, издалика долетавшего до нашего района, особенно в утренней тишине, когда колокол призывал прихожан к заутрене. Стало быть, сейчас нет ни этого молитвенного призыва, ни размеренного, печального — во время выноса отпетого человека, ни радостных малиновых переливов в дни светлых и радостных праздников...

— Отчего же запретили, кому мешал звон? — недоумевал я.

— А поди их спроси, отчего. Говорят, мол, для борьбы с шумом!

Да, вспомнились и нередкие статьи Н. в газетах, в которых он то высмеивал евангельские сюжеты, то боролся с баптистами, то толковал о вреде религии вообще.

...Обед подошел к концу. Трапезники шумно выходили из зала в гардероб. Шутили, переговаривались, довольные и прекрасным угощением, и щедрыми памятными подарками, врученными каждому гостю.

Набравшись дерзости, улучив момент, я подошел к Н. и, извинившись, спрашиваю:

— Скажите, пожалуйста... Мой сосед утверждает, что несколько лет назад по вашему постановлению в городе были запрещены колокольные звоны. Я не верю моему товарищу: не мог столь симпатичный человек этого сделать...

— Дорогой мой, как вас по батюшке?.. — Н. взял меня за пуговицу и, понурившись, негромко произнес: — Ведь это не я запрещал, должность моя запрещала!

Недавно профессор Слукин ближе познакомился с Н. Оказывается, тот оставил свою должность, стал глубоко верующим. Кстати, уральские священнослужители неплохо отзываються о нем. Н. не был тем злым уполномоченным, какими бывали многие в соседних епархиях...

Такие времена пережили.

«Пора опомниться и оглянуться на себя»

Решил я разговеться после Великого поста. Приготовил закуску, кусочек ветчины, очистил пасхальное яйцо. Включил телевизор, надеясь увидеть трансляцию Богослужения из Вознесенского собора, приближалось время Крестного хода. К моему удивлению, изумлению и возмущению, на экране прыгали и дергались какие-то фигуры под бравурную музыку «консервного» оркестра. Наше телевидение не придумало ничего лучшего, как показать в святые для каждого православного часы капустник с участием актеров оперетты. (Сами актеры здесь не виноваты, они талантливы и остроумны, да и запись была сделана задолго до Страстной недели). Вырубил «ящик»!

В понедельник в курилке услышал спор моих коллег по работе. Один страстно доказывал, что эта программа — плевок в лицо всем русским. Его оппонент с не меньшим жаром отрицал злой умысел и призывал не сталкивать интересы людей различных конфессий...

Случай этот подзабылся. Может быть, и не вспомнился бы, но буквально на днях один из местных каналов телевидения во время утренней информационной передачи выпустил на экран какую-то кукольную старуху Капиталину, и старая ворона с ужимками и хихиканьем сообщила екатеринбургским гражданам, что сегодня... день почитаемого на Урале святого Симеона Верхотурского. Как же так?

Наверное, на различных студиях-каналах сидят квалифицированные сотрудники, заканчивали университеты, о чем же они думают? В стране столько проблем, тупиковых, беспросветных. Зачем же и в духовной жизни эти проблемы преумножать? Как говорил Л. Н. Толстой в статье «О назначении науки и искусства», «пора опомниться и оглянуться на себя». Тут одно из двух — или редакторы, авторы и режиссеры не ведают, что творят, или «ма-ни-ма-ни»! Объявил же руководитель всероссийски популярного ансамбля «Попса», что за деньги он будет проводить любую агитацию за любого кандидата в высшие государственные структуры. За коммунистов, за демократов, за либералов или националистов — ему плевать, лишь бы платили...

Не этим ли объясняется и факт игнорирования религиозного события православных и ежедневные напоминания о католическом Рождестве? «Одни прямо делают вредное; другие — бесполезное; третьи — ничтожное, годное только для богачей», — говорит Лев Толстой о подобных деятелях искусства.

И уж совсем кощунственно, бесстыдно начался на некоторых каналах день национального траура 28 сентября, объявленный нашим больным, грешным президентом в связи с ужасной катастрофой автобуса на железнодорожном переезде. Включив Москву, я увидел на утреннем экране набивший оскомину развеселый мультик «Ну, погоди!». Разве траур не распространяется на детей? Разве они не соперничают родителям деток, их сверстников, которых в эти дни отпевают под Ростовом?

Я вовсе не ратую за то, чтобы и во время детских передач весь день звучал реквием, можно показать и мультик — допустим, фильм Ю. Норштейна «Волчок, белый бочок», грустный, философский, для маленьких и взрослых.

Справедливости ради, надо отметить, радио откорректировало в этот день программу передач, да и центральное телевидение произвело замены («Станционный смотритель», симфоническая музыка, Рихтер).

А что же наши? Канал, который ёрничал над уральским святым, с утра врубил танец-порнуху с голыми задницами мулаток и с негром солистом, то и дело (крупным планом) расстегивающим на джинсах ширинку...

И припомнились слова Василия Шукшина: «Что же с нами происходит?» Так что же с нами делается и в этой, новой, России?

Представляю, как посмеются телевизионщики над моими заметками: «Кончай, старик, свое морализаторство! Ваш век проходит, мы живем другой жизнью. И не надо нам читать морали, ссылаться на классиков...» Ну, что же, господа, если вам не годится в учителя Лев Толстой, то, может, прислушаетесь к словам современной рок-звезды Юрия Шевчука: «Что же будет с Родиной и с нами?..»

Кто приходил?

Ко мне зашёл бомж Эдуард. Я собирался на дачу, в деревню, и рассоливать-разговаривать с ним мне было некогда. Всё же я пригласил его на кухню, напоил чаем со свежим батоном и вологодским маслом...

Эдуард родился в интеллигентной семье. Потом связался с шатией-братией, стал пить, бездомничать, даже отсидел за тунеядство и шулерство... Вид у него был никудышный: исхудал, сгорбился.

Поговорили с Эдиком о том, о сём, вспоминая детские годы, друзей и соседей. Он начал было собираться, поблагодарив меня за чай, но придержался в дверях. Думаю, будет, как обычно, просить на опохмелку. Но, помявшись, извинительно улыбувшись, Эдуард сказал:

— Володя, не найдётся ли у тебя какой-нибудь рубашки, моя-то видишь какая, неудобно на людях показаться.

Я порылся в гардеробе, пытаюсь найти что-нибудь подходящее, что обычно отдают в таких случаях — завалившее, уже не нужное. Такого как раз не находилось...

На плечиках среди другой одежды висела синяя шерстяная рубашка, которая становилась мне мала, но все же могла служить, хотя бы для поездок за город. Я снял её с плечиков, повертел в руках и, чувствуя, как меня начинает «давить жаба», решительно протянул рубашку Эдику:

— На-ко, примеры!

Эдик тут же, в прихожей, скинул свою хламиду и напялил синюю рубашку. Глядя в зеркало, заулыбался, прямо-таки преобразился.

...Приехав на дачу, рассказал матушке о визите бывшего соседа. Как мы посидели с ним, поговорили. Вначале не хотел рассказывать про рубашку: думал — расстроится матушка. В прежние годы мы жили неважно, приходилось беречь каждую копейку. Вот и думал, не одобрит она моей щедрости. И всё же рассказал о просьбе Эдика.

Матушка как-то насторожилась и, глядя мне в глаза, спросила:

— Ну, и как — дал ты ему рубаху?

— Дал, — признался я, — синюю, шерстяную.

— Ой, сынок, — на глазах её показались слёзы, — дай-ко я тебя поцелую.

Она наклонила мою голову и поцеловала меня в лоб.

— Знаешь ли ты, кто приходил к нам?

Кто-кто, Эдик, бывший сосед, бомж Эдуард.

— Я и сама знаю, что Эдик, да только не один он приходил.

— Мам, кто ж это приходил? О чём ты?

И, глядя куда-то вдаль, за окно нашей деревенской избышки, матушка произнесла:

— Это Христос приходил к тебе.

Вячеслав РОГОЖИН, Санкт-Петербург

Блюз

«Мама, я влюбилась в эмогочи. Он теперь мой самый лучший друг, — надрывалась Зева Граль под пульсирующие на грани диссонанса ноты столь модного в две тысячи шестидесятом блюза. — Он теперь со мной. И днем и ночью. Только, мама, жаль, что я не слушалась подруг!» Блестки на почти обнаженном теле певицы мерцали собственным, вишневым огнем. А сама она извивалась подобно алой ленте на ветру. В такт музыке. В едином ритме с биением струй Четырех Водопадов, низвергавшихся из туманных высот.

Аленка наблюдала за выступлением своего недавнего кумира и с каждой секундой мрачнела все больше. Наконец не выдержала. «Достали... — разрыдалась она. — Все достали... Маздрахилы поганые!!!» Маленькие зверьки маздрахилы, совместившие в себе самые нездоровые фантазии генетиков-юмористов, никогда не вызывали восторга у Аленки.

Отреагировав на импульс раздражения, Зева Граль замерла на мгновение и тут же рассыпалась мельчайшими каплями техноплазмы.

«Эмогочи... Инфанты. Везде ложь, подделки, предательства. Никому нельзя доверять», — продолжала шептать Аленка, всхлипывая и рассеянно блуждая взглядом по струящимся поверхностям стен. Раньше ей очень нравилась эта динамичная рельефная заставка, испускающая мягкий лазурный свет. Ведь за Водопадами можно спрятаться от любых проблем, отрветься, забыть на время в тихо звенящем или громко ревущем, это по желанию, мире радуг и водных струй. Раньше. Но только не теперь. Потому что вода тоже не настоящая. Аленка всмотрелась в отражение собственных серых заплаканных глаз, даже не колышущихся на изменчивом и быстром потоке. Все ненастоящее!

Успокоившись было, она разревелась снова. Да! И раньше люди предавали друг друга. Заводили любовниц. Козлы всякие. Расходились со скандалами и без. Только не было тогда техноплазмы — единой машины из бесчисленного множества мельчайших автоматов, служившей для общения и создания всего, что только можно придумать. С ее появлением возможностей для всяческих гадостей точно прибавилось!

Вячеслав Борисович Рогожин родился в 1973 году. Аспирант физического факультета СПбГУ. Увлекается литературным творчеством с пяти лет. Печатался в ряде изданий как с научно-фантастическими текстами и стихами, так и с научно-популярными статьями. Профессии: инженер в НИИФ СПбГУ, водопроводчик, дизайнер-оформитель и т. д. Является участником Санкт-Петербургской студии фантастики А. Д. Балабухи.

Нет, очевидного вреда по отношению к людям современная техника, конечно же, не допустит. Запрограммировали ее так лет двадцать назад, еще до того, как техноплазма буквально пропитала все объекты ближнего космоса. Однако же у нее нет эмоций. Машине совершенно по барабану, что иной подлец, воспользовавшись ею, так может в душу другому человеку нагадить, что тот и сам захочешь удавиться!

А познакомились они на орбитальной станции, густе техновещества, вращавшемся вокруг Венеры. Аленка вынырнула на поверхность, чтобы собственными глазами осмотреть незнакомую планету. Собственными — это, конечно, громко сказано. Машина способна воссоздать и точный эмогочи — продублировать исходный организм и совместить его с инфантом, копией личности, принятой по внешней связи. Однако ж попробуй выброси обычную органику в космический вакуум, под жесткий ультрафиолет безжалостного светила. Вмиг запечется. А потому внеземные эмогочи копируют лишь внешний облик, подгоняя ощущения человека под местные условия.

Венера сильно разочаровала Аленку. Она ожидала увидеть зловещую панораму, кипящую гигантскими циклонами, именно такие кадры ей когда-то повстречались в сети. Однако или это оказались записи совсем с другой планеты, или теперь просто был не сезон. Сейчас перед нею висел невзрачный туманный, чуть розоватый шар, похожий на слегка подкрашенный ком грязного снега. И космическая туристка уже собралась нырнуть в техноплазму для возвращения на Землю, когда услышала чужую мысль: «Девушка! Вы замечательно смотрите на фоне этой дурацкой планеты».

Алена частенько слыхала и более поэтичные комплименты. Однако не здесь же, в открытом то космосе! Девушка резко обернулась к источнику послания. Самый обычный парень. Стоит невдалеке на чуть колышущейся поверхности венерианской станции. Средний рост, гладко уложенные темные волосы. Только глаза какие-то грустные. Карие. А еще едва заметная, чуть блестящая пленка биоскина, обтягивающая тело. За чем он эмогочи?

— Спасибо, — ответила Аленка. И тут же добавила, глянув на биоскин: — А ты, похоже, местный?

— Да. Здесь живу, — ответил парень лаконично.

— Я думала, дальние станции необитаемы. Они лишь капли машины.

— Все мы — капли машины... — задумчиво сказал собеседник.

Аленка знала, что в мире существуют люди, считающие, что космос — большая, почти разумная машина. Вроде земной, но только гораздо более совершенная. Слышала и о некоторых странностях этих людей. Они без всяческого сожаления покидают родные места и расселяются по всей доступной области космического пространства. Однако встретить последователя подобных взглядов здесь она никак не ожидала.

— Нет, нет, я не техноглобалист! — догадался о ее сомнениях парень. — Это у родителей моих такие взгляды. Они сюда прилетели, лишь только у каждого появилась возможность покинуть Землю. Но потом родился я, и им пришлось на время прервать космические похождения, пока не подрасту. А мне все это просто скучно.

— И в чем же проблема? Тогда давай на Землю! Там веселее, — предложила она своему собеседнику.

— Ага... И оставить тут своих стариков? Одних? — ответил тот и вздохнул. — Они же так надеются на меня! Ждут, что и я когда-нибудь пожелаю, как и они. Всю жизнь. Все дальше в космос. Честно говоря, мне с каждым годом все сложнее удерживать отца и мать от дальних путешествий. Это для них опасно!

Аленка редко встречала сверстников, с таким почтением относящихся к родителям. Обычно уже лет в восемь-десять, постигнув минимум научных знаний прямым транслированием в мозг, детишки разбредались кто куда. По дискотекам. Клубам. Иные вовсе уходили в инфосеть, уничтожая организмы. Понадобятся в реале, восстановят! Какие уж тут старики. Новый знакомый ей показался весьма забавным. И в то же время надежным, что ли?

— А ты действительно ни разу не летал к нам на планету? — заинтригованно спросила она.

— Не доводилось как-то. Что поделаешь, традиции семьи! — ответил парень с грустью. — Извини, придется остаться. Хотя и жаль, конечно.

Но так просто расставаться не хотелось. И Аленка предложила самое простое решение.

— Ну так и не двадцатый же век на дворе. Никуда лететь не надо! Запомни, я в Ноябрьске живу. Крупнейший мегаполис Заполярья. Будет желание, закинь эмочки. Как это сделать, машина покажет. Поболтаем...

— Крупнейший? А как же я тебя там найду?

— Ну, точно отстал от жизни! — рассмеялась Аленка. — Как восстановишься на месте, лицо мое представь. По образу машина меня найдет практически мгновенно. Или сам с помощью инфанта поищи в Сети.

Она махнула на прощанье рукой и нырнула под поверхность полупрозрачной капли станции.

Дома, объединившись разумом с оригиналом, как раз вернувшимся с дискотеки, Аленка под шелест Водопадов еще долго размышляла о странной тяге людей к звездным дорогам. О том, что это чувство порою

не доводит до добра. Оно и ладно, сами виноваты. Но почему должны страдать другие? Например, Григорий?

А он ее нашел уже на следующую ночь. Все там же, на дискотеке. Конечно, подобная поспешность не слишком вязалась с романтическим образом космического затворника, который Аленка нарисовала в своем воображении. Да вот и танцевал Григорий как-то уж слишком хорошо. Спору нет, любой сенсорный курс научит отплясывать не хуже, но до необходимости подобного умения еще нужно додуматься. Откуда человеку с далекой станции такое могло прийти в голову? А сотни анекдотов и баек об опасностях открытого космоса, которые Григорий готов был рассказывать часами, позволили ему мгновенно завоевать авторитет среди Аленкиных друзей. Опять же, странно, самые продвинутые мастера художественного трепя явно пассивали перед ним. В общем, сомнения могли возникнуть. Но не возникли.

Сперва Аленка с тревогой поглядывала на подруг, мгновенно положивших глаз на ее добычу. Однако после того как Гришка отшил их одну за другой, позволила себе расслабиться. Десятки, сотни тысяч игровых порталов Земли, Луны и Марса ежесекундно их ждали с друзьями и без. Да ладно там порталы. Весьма приятны и обычные полеты на пару в открытый космос. Ну право же, что может быть прекраснее секса меж звезд? Когда ни один нескромный взгляд не отвлекает двух эмогочи от увлекательного занятия? Можно заставить тела светиться всеми цветами радуги. Можно выставить сенсорный ряд по максимуму. Можно завязаться узлом вокруг партнера, и... Мало ли чего еще? И вот уже мерцающий клубок двух тел скользит по собственной орбите.

— Давай заведем ребенка! — как-то раз предложила Аленка.

— Давай! — тут же согласился Георгий. — А какого пола? Или пока что без? Пусть сам потом определится?

— Хочу мальчика! — ответила Аленка.

— Нет проблем! Добавим в генетическую карту. Цвет глаз? Волос? Черты лица?

— Глаза пусть будут, как у тебя. Карие, — слегка нахмутив брови, сказала Аленка серьезным тоном. — А волосы светлые. Как у меня. Черты? Не знаю. Я ведь не дизайнер. Пусть машина сама найдет меж нами средний, оптимальный вариант.

— Волосатые лапки, короткий хвостик? — поинтересовался Григорий со столь же сосредоточенным выражением лица.

— Да ну тебя! Я ведь не шучу. Разве что маленькие рожки.

Так, смеясь и подкалывая друг друга, они еще долго трудились над генокартой будущего младенца.

На все способна техноплазма. Вполне реально: раз — и бэби. Но это как-то не по-людски. Уж лучше по старинке. Ускоренный недельный курс вынашивания в животе у мамы. Счастливая Аленка совсем уже решилась на этот шаг. Но не сложилось.

...Григорий, не замечая ее присутствия, стоял буквально в десяти шагах. Самозабвенно лизался с какой-то жалкой замухрышкой. И в то же время он находился совсем рядом. Держал Аленку за руку. И что-то самозабвенно вещал о звездах. Может, совпадение? Как же! Аленка отлично видела и родинку над бровью. И шрам на подбородке. Гришка ни в какую не желал с ним расставаться. Утверждал, что это последствие ранения метеоритом. И даже целовался тот, другой, в точности как и с нею. Здесь... Там... Обманщик. Проклятый эмогочи!

Истерика. Разрыв. Нет, нет, конечно, Аленка не могла спокойно взять и простить бесчестного урода, целую неделю она плодила своих инфантов в инфосети, все время расширяя поиск. А в результате нашла в мирах, доступных человеку, еще четыре сотни дур, которые с ним жили «в любви и мире», не подозревая об остальных. Скандал был страшный... Гришку послали почти что все. Хотя нашлись... Козлихи, что с ним не разорвали отношения. Перестрелять их, что ли? Увы, машина не допустит.

Да. Все прогнило. А так ведь хотелось счастья! самого простого — семью, детей. Конечно, и она себе найти другого может. Без проблем! К тому же имеются совсем другие варианты. Где нет самой возможности обмана. Но что ей эти полисисты, в которых сотни человек живут единой мыслью? И даже способны заниматься резонансным сексом. Опять фальшивки, сплошная подделка под истинные чувства! Нет, не для нее. Сливаться через Сеть сознанием с супругом и вовсе глупо. Это все равно, что сама с собой.

Хотя... А что? Хорошая идея! Если ее немного доработать. Пожалуй, надо будет рассказать подругам. Им эта затея должна прийтись по вкусу!

Аленка бросила взгляд в центр комнаты, и Зева Граль опять материализовалась из пола.

«Иван, так деда звали, — все больше убеждаясь в правильности решения, думала Аленка, рассеянно взирая на блестящие, мерцающие на теле актрисы. — Пускай теперь у мужа будет это имя».

Немного пофигизма в характер. Для смеха. А как же! Все мужики такие. Вернее, должны такими быть, иначе неинтересно. Однако побольше ответственности в вещах серьезных. Добавим невозмутимости. И преданности. Ну и, само собой, любовь великую. Конечно, к ней, к Алене.

Откорректировав один из собственных инфантов, Аленка взялась за внешний облик мужа. Зеленоглаз, рыжеволос. Высок. Силен. Предельно сексуален. И еще... Еще... Веснушек рассып на нос. Супер! Алена кивнула певичке, и та запела приятным глубоким, чуть хрипловатым голосом: «М-м-мама! У нас будет ребенок. Мы назовем его Гошей. Он будет биор-р-робот! Но биоробот хороший».

«Точно! — решила Аленка, резко обрывая выступление. — А ребенка назовем Гошей! Только пусть его теперь Вовка вынашивает. В конце концов, мужик он? Или не мужик?!»

ВОЛКОВА Мария Михайловна (урожд. Беляйкова; 1855 —), врач.

Авт. кн. «Нервные болезни. Предупреждение и лечение их». Спб., 1913; «Полная гигиена женщины. Беседы о том, как охранять здоровье женщины, начиная с детства и кончая периодом увядания». Изд. 4-е. Спб., 1912; «Как избавиться от полноты и ожирения». Изд. 4-е. Спб., 1915; «О влиянии велосипеда на здоровье женщины». Спб., 1897; «Беседы о здоровье женщины». Изд. 2-е. Спб., 1902; «Гигиена брака». Спб., 1912; в соавт с В. Д. Вольфсоном — «Курс гигиены для женских гимназий». Изд. 3-е, испр. Сotr. в ред. изд. «Но помощь матерям». Спб., 1912.

Венгеров. Источ.

ВОЛКОВА Мария Никифоровна, авт. воспоминаний.

Учительница. «Воспоминание». — В кн. «Н. И. Ульянов в воспоминаниях современников». Саратов, 1968, с. 122-123. ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2. № 4477.

ВОЛКОВА Надежда, писательница.

Сotr. в «Отеч. Зап»: «Лото в клубе» (1848. Ч. 59, смесь); «СПб. Вед.»: «Прелестная маска», пов. (1849. №№ 13, 14, 17, 18); «Современнике» (1853-54): «Семейство Аштон», т. 58; «Ольга», пов; в «Драм. Сборн.» на 1858 г.; авт. кн. «Богатая невеста». Спб., 1855 — Вол., Надежда; в «Отеч. Зап.» (1857) — Вол...; в «Биб-ке для Дач» (Спб., 1855-57) — Надежда В.; в «Биб-ке для Чтения» 1853, № 7 напечат. пов. «Княгиня»; в «Современнике» 1853 № 5 — Надежда В. ***.

Слов. рус. писательниц; Масанов.

ВОЛКОВА С.

Авт. кн. «Серенький козлик: Семь любимых детских песен с нотами для рояля» (1923). Книга вышла в берлинском изд. А. Ф. Девриена (под рук. его сына А. А. Девриена).

Периодика...

ВОЛКОВА С. С.

Авт. сообщения «О древнерусских церковных напевах» (Спб., 1906).

Венгеров, Источ.

ВОЛКОВА Т. Н.

Участв. в сб. статей «Пушкин». М., 1936. Розанов.

ВОЛКОВИЦКАЯ М. М., писательница, спиритка (1907).

Венгеров, Источ.

ВОЛКОВИЧ Вера Акинфиевна (1873 —), авт. трудов по психологии и педагогике.

Венгеров, Источ.

ВОЛКОНСКАЯ, кн. Анна Алексеевна (1762 — 1828)

Венгеров, Источ.

ВОЛКОНСКАЯ Анна Михайловна (1776 — 1827), переводчица.

Жена ген.-лейт. А. И. Грессера. Фрейлина имп. Марии Федоровны. Переводила вместе с сестрой Екат. Мих. (см). Наприм. «Рассуждения о разных предметах природы, художеств и наук» Ч. 1-2. Спб., 1792. О ней: свед. В Дамском журнале 1830. Ч. 29. № 13 (отзыв Фонвизина); Мордовцев Д. Л. Русские женщины второй пол. XVIII в. Спб., 1874; Лонгинов М. Н. в Рус. архиве. 1865. с. 1511; Тольчева в Рус. архиве 1877. № 5.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.; Сводный каталог.

ВОЛКОНСКАЯ Вера Иоакимовна, переводчица, авт. рассказов (М., 1905).

Венгеров, Источ.

(Продолжение в следующем номере)

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 7]

Тема четвертая.

Экология и экономика

Этот выпуск мы начнем с разговора об альтернативных двигателях для автомобилей. Известных мне альтернатив, собственно, три.

Первая — упомянутый выше бразильский спирт. Это действительно реальная замена бензина. Одна беда — для его производства требуется массовое производство сахарного тростника или иного сахаросодержащего продукта. Хорошо теплой Бразилии, а России что делать? У нас и с сахарной свеклой-то проблемы. Разумеется, можно производить топливо и из простых дров, но это гораздо менее эффективно, чем применение углеводов. Кроме того, леса и так сводятся куда быстрее, чем восстанавливаются.

Вторая альтернатива — электродвигатели. Все очень здорово до тех пор, пока не встает вопрос о том, как их питать. На сегодня известен единственный метод запасать электричество впрок — аккумуляторы. Но пока не существует аккумуляторов, способных соперничать по емкости с бензобаком. Кроме того, аккумуляторы содержат огромное количество весьма опасных химических элементов и соединений — от свинца и серной кислоты в классическом варианте до кадмия, никеля, кобальта и лития в последних версиях (второй, максимум третий класс опасности химических веществ). Эффективных методов утилизации аккумуляторов, равно как и солнечных батарей, не существует, так что они отправляются на свалки целиком, отравляя все вокруг.

Есть еще, впрочем, возможность питать автомобили от солнечных батарей. О них — смотри выше.

Наконец, еще один любимый конек поповых экологов — водородный двигатель. Действительно, трудно возразить против выхлопа, на сто процентов состоящего из водяного пара. Однако для того, чтобы добыть водород, требуется огромное количество электроэнергии. Откуда ее взять? См. выше. Говорить после этого об экологической чистоте водорода становится как-то неприлично. Опять же, на данный момент не существует эффективных методов транспортировки и хранения водорода: он чрезвычайно взрывоопасен, а в жидком

виде еще и весьма текуч и разрушительно действует на материал контейнера (насыщение металла водородом повышает его хрупкость). Да, придуманы безопасные способы запастись им в пористых структурах (например, платиновых), но пока они так и не могут покинуть пределы лабораторий и от народа куда дальше, чем народвоольцы.

Резюмируя данный раздел, хочется заметить следующее. На данный момент человечество обладает массой возможностей добывать энергию, и энергетический голод ему не грозит (была бы энергетическая инфраструктура). Однако все эти способы являются опасными для окружающей среды... как, впрочем, и все человеческая деятельность. Сэ ля ви, к сожалению.

Нехорошие тенденции и фатальные последствия человеческой деятельности. К их числу относятся парниковый эффект с глобальным потеплением, озоновая дыра и, до кучи, ядерная зима.

Начнем с парникового эффекта. Предполагается, что, сжигая углеводороды, человечество выбрасывает в атмосферу огромные объемы углекислого газа. Поскольку углекислый газ задерживает тепло, излучающееся с поверхности планеты в инфракрасном диапазоне, температура на планете неуклонно повышается. В результате нас ожидают такие малоприятные вещи, как таяние арктических и антарктических льдов (очередной такой прогноз я слышал в момент написания данного текста), подъем уровня Мирового океана, затопление прибрежных территорий (несчастливая Голландия...), связанное с изменением климата вымирание эндемиков, бури, ураганы, а также всеобщий голод и мор впридачу. Ой ли?

На всякий случай напомним, что парниковый эффект является следствием поглощения излучаемого поверхностью планеты инфракрасного излучения углекислым газом атмосферы, что ведет к повышению ее температуры. Да, конечно — глобальное потепление, если оно имеется, штука неприятная, потенциально опасная, и лучше бы оно не начиналось. Однако начинается ли оно — большой вопрос. Впервые о парниковом эффекте заговорили в семидесятых годах, высосав из пальца связь между активностью промышленности и некоторой тенденцией к общему повышению температуры,

Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS», профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами». Литературное обозрение» на Subscribe.ru. Критик, литератор.

выведенной на основании десятилетних или около того наблюдений. Именно высосав из пальца — другого способа провести данную связь возможности не представлялось. Учитывая, что вести тотальное слежение за погодой на планете начали совсем недавно, делать какие-то выводы в этой области весьма опасно.

В данный момент не существует точных математических моделей, описывающих погодные явления в масштабах планеты. Все они грубы и весьма приближительны в связи с тем, что описываются неустойчивыми системами дифференциальных уравнений, где малейшие отклонения в начальных условиях приводят к большому разбросу конечных результатов, а также учитывают лишь незначительное число действующих факторов. Наиболее надежными средствами прогнозирования до сих пор остаются непосредственные наблюдения — на метеостанциях, спутниках и т.п. А эти средства до сих пор не позволяют дать точный ответ на вопрос — идет ли потепление, и если идет, то в каких масштабах. Более того, на основании этих наблюдений многие ученые делают прямо противоположные выводы: что планете грозит новое оледенение наподобие того, что случилось в средние века в Европе. Выбросы же углекислоты могут вообще не влиять на состояние атмосферы — как известно, воды на планете куда больше, чем воздуха, а углекислота в ней растворяется ничуть не хуже. Однако сляпанные политиками под давлением «зеленых» соглашения (включая Киотский договор) давно привели к тому, что торговля квотами на выбросы углекислого газа в перспективе превращается в выгодный бизнес для многих стран (включая Россию с ее захиревшей промышленностью), а потому просто так теория парникового эффекта в историю не уйдет, даже если не имеет ничего общего с действительностью.

Про озоновую дыру над Антарктидой, к счастью, в последнее время писать почти перестали. Паника насчет истончения озонового слоя улеглась, дыра вроде бы торчит себе по месту постоянной прописки и глобально расти не собирается, панихиду по безвинно забитым экологами фреонам давно отпели и на том успокоились. Но нет-нет, да проскальзывает тут и там очередной ужастик на данную тему.

Наконец, ядерная зима. Эта сказка сделала свое доброе дело — не позволила политикам устроить атомную войну в надежде отсидеться в надежных бункерах, пусть и потеряв большую часть подданных. Но нужно признать, что основана эта теория на все тех же высосанных из пальцев посылках и грубых математических моделях, описывающих лишь стремление их авторов поскорей защитить докторские диссертации. Математических моделей, описывающих ядерную зиму, было несколько, и они кардинально противоречили друг другу. К счастью, сосредотачиваться на этих противоречиях в свое время никто не стал. Сегодня же вопрос с ядерной зимой стоит такой же, что и с существованием потустороннего мира — узнать точный ответ нам не дано, если только не покончим жизнь самоубийством.

Леса — зеленые легкие планеты, понижающие уровень углекислого газа и производящие кислород. К сожалению, это также миф. Во-первых, как известно из школьного курса биологии, растения тоже дышат, причем объемы поглощенного на свету углекислого газа и выделенного кислорода примерно совпадают с объемами выделенной в темноте углекислоты и потребленного кислорода. Во-вторых, растения, особенно деревья, связывают часть углерода в своих тканях. Но немедленно после смерти растения начинается процесс гниения, в результате чего весь углерод снова оказывается вовлеченным в общий круговорот (и, в частности, выбрасывается в атмосферу в составе разных газов). Общее количество углерода, выведенное из оборота в виде нефти и угля, составляет десятитысячные доли процента от его общей массы. Так что на общий баланс кислорода в атмосфере растения не влияют.

Конечно, остается еще вопрос о том, откуда у Земли вообще взялась кислородная атмосфера. Гипотезы имеются самые разные: от распада разнообразных соединений и минералов в результате вулканической деятельности на ранних этапах формирования планеты до разложения воды на составляющие в верхних слоях атмосферы под влиянием космических лучей. Но в целом однозначного ответа на этот вопрос современная наука не имеет.

Планета, Которая Обиделась. Еще одна совершенно бредовая завязка прогностических текстов определенного толка — это обидевшаяся на людей Земля. Ну, мало ли почему — лишней золотой слиток выкопали, последнего жирафа на мясо пустили или повоевали больше, чем положено, не суть. Главное, что Она Обиделась Раз И Навсегда и начала истреблять человека пачками: землетрясениями, цунами, ураганами и прочими приятными способами. О глупости такого подхода я даже распинаться особо не буду. Напомню только, что на поверхности человеческой кожи живут мириады бактерий и даже грибок, о чем большинство людей благополучно не подозревает. Эта мелюзга активно питается выделениями организма — от пота до омертвевшего эпителия. Но люди почему-то не лупят себя молотком по башке в надежде избавиться от перхоти. Да и вообще требуется серьезное воспаление, чтобы средний индивид начал мазаться хоть какой-то антисептической мазью. Если перенести подобное воспаление в масштабы планеты, нужно, чтобы люди умудрились распылить по ветру солидные участки земной коры на глубину хотя бы в десяток километров. А так один тропический ураган, зародившийся абсолютно естественным путем, причиняет поверхности планеты больше разрушений, чем вся Вторая Мировая война.

На этом обзор типичных экологических штампов завершен. В следующем выпуске мы поговорим о благоглупостях в разделах генетики и общей биологии. Традиционное домашнее задание: вычислить, сколько надо съесть генно-модифицированной сои, чтобы на макушке заколосились листья.

(Продолжение следует)

Зинаида ГОЛУБЧИКОВА

Фольклорный коллектив «Куделенка»

«Ах, эта свадьба...»

Далекое-близкое

РЕКА ВРЕМЕНИ

Старинный свадебный обряд продолжался девять дней. Начиная со сватовства, а сватать ходили крестный (крестная), жених и сваха.

Стучали в ворота.

— Кто там?

— Цыган пускаете на постой?

— Никого не пускаем.

— А есть у вас рожь да пшеница?

— Нету ни ржи, ни пшеницы.

— А нам не надо ни рожь, ни пшеницу, а пришли мы по красну девицу.

Сваты заходят и встают под матицу (особая маргинальная зона — в мировоззрении наших предков), и разговор продолжался дальше/ Если родители невесты согласны были отдать дочь, сватов приглашали за стол.

Через некоторое время родственники жениха и невесты собирались на «сговор» и «рукобитье»: назначали день свадьбы, оговаривали количество гостей, выряжали подарки близким, родственникам жениха и невесты, т.е. что должна невеста подарить братьям и сестрам жениха (полushалки, отрезки на сарафан, сапоги и т.д.), а жених — братьям и сестрам невесты. Здесь же родители невесты давали «задаток» родителям жениха, чтобы невеста не отказалась от своего слова (это могли быть телочка, жеребенок или определенная сумма денег).

Далее следовал интереснейший момент-обряд — «приглашение на свадьбу», не встречавшийся более ни в одном описании не только ста-

ринной уральской свадьбы, но и в описаниях старославянских свадебных обрядов.

В селе на свадьбу гостей приглашали специальные люди, которых называли «цыганами». Родители жениха нанимали особых людей с острым языком, веселых и без «комплексов», которые на запряженной лошади объезжали намеченных гостей. Шумной толпой заходили «цыгане» в избу, кланялись и передавали приглашение. Одеты «цыгане» были соответственно, т.е., в принципе, это были «ряженные». Суть заключалась в том, что приглашенные на свадьбу должны были наделить «цыган» какими-либо продуктами (мука, масло, мясо, пиво и т.д.), а если «цыгане» считали, что на-

Зинаида Голубчикова, будучи научным сотрудником Голубковского историко-этнографического музея (Алапаевский район Свердловской области), создала фольклорный ансамбль «Куделенка» (1995), а в Коптеловском музее истории земледелия и быта — фольклорный коллектив «Складыня» собирает и исследует уральский фольклор. Автор нескольких статей в фольклорных сборниках. В «Уральском следопыте» печатается впервые.

На роднике

делили недостаточно, они могли прихватить что-нибудь: окорок в снях или круг топленого масла и т. д. Это воспринималось хозяевами как должное.

Наконец, все приготовления закончены. Начиналась собственно свадьба, первый день которой назывался «обручение».

Обручение проводили в доме невесты. Здесь собиралась вся

*Ты, краса моя, денница,
Пожалей свои красоты,
Не губи себя, девица,
Не плети ты две косы...*

Близкие подружки начинали расплетать девушке косу, «шитницы» запевали обрядовую песню: «Ты коса ли, моя косынька», или «Что ты, сердечушко, ноешь».

На другой день – венчание. За невестой приезжали жених с

подружкам выкуп, жених с «тысяцким» заходили в избу. Подружки запевали свадебную песню «Перепелочка-ласточка», а мать и отец выводили невесту, благословляли родовой иконой, и свадебный «поезд» отправлялся в церковь на венчание.

Пока проходило венчание, из дома невесты в дом жениха отправлялся «глухой воз» с приданным невесты. Воз был крепко связан веревками, а наверху воза сидели 3–4 женщины из числа родственниц невесты. Женщины остры на язык и с развитым чувством юмора. И это не случайно, т.к. у дома жениха они должны были торговаться за приданое, просить, получить выкуп и т. д. И только выполнив весь ритуал, приданое заносили в дом жениха и начинали украшать дом приданным невесты. Заправляли новую постель, вывешивали полотенца, скатерти, половиками застилали пол. Часть приданого выносили на улицу и развешивали на плетень, чтобы вся деревня видела, какая невеста рукодельница да работающая, из хорошего роду-племени.

После венчания начиналось застолье в доме жениха. На столы выставлялись пироги – квашеные, стышные, паштетные, вафли и сошни; из спиртного подавалось только домашнее вино, поскольку пьянство никогда не приветствовалось. Свадьба игралась, т.е. отводились все ритуалы, обряды (а было

«Цыгане»

родня невесты (женская половина), подружки, «шитницы» – это девушки, которые помогали шить приданое, мать и крестная мать невесты. На обручении проводился обряд «отнимания кос» у невесты, или прощания с «красой». Невесту усаживали на лавку среди горницы, мать причитала:

«тысяцким» – это главный чин на свадьбе, главный распорядитель – да «бояре» – друзья жениха. Прежде, чем родители выведут невесту, подружки устраивали испытание жениху: его могли заставить сети ставить, дрова колоть, куделю трепать и т.д. С честью пройдя все испытания и заплатив

«Метут сор»

их очень много), пелись обрядовые песни (опевали жениха с невестой — родители, гости, чины свадебные — «тысяцкий», «дружка», «бояре», подружки невесты и т.д.). Невеста с женихом за столом сидели не долго, «сваха» провожала молодых в баню, а потом в «подклеть» ночевать.

Следующий, 3-й день свадьбы начинался с того, что «сваха» поднимала молодых. Гости, собравшиеся в доме жениха, с нетерпением ожидали «выхода» молодых, поскольку от этого зависели все дальнейшие события.

Жених выносил венцы невесты, и все ожидали, куда он положит их: на божницу или на «поганое ведро». Если невеста была «девицей», то венцы клались на божницу, если «порченная», то на «поганое ведро», и тогда родственники невесты с позором покидали свадебный пир, а судьбу невесты решал жених — либо отправлял вслед за родней, т.е. изгонял недостойную из своей жизни, либо прощал, и женщина оставалась в семье жениха, но ход свадьбы был нарушен. Надо отметить, что случалось такое довольно редко, поскольку честь свою девицы берегли.

В этот же день проводился обряд, который назывался «расчесывать жениха». Его усаживали на лавку, невеста начинала гребешком расчесывать жениху волосы, подружки запевали венчалную песню «Во Ирбите было во городе», а гости осыпали жениха зерном, хмелем, мелкими денежками — на счастье, богатство и благополучие.

На четвертый день у жениха дарили. То есть жених одаривал родственников невесты, а невеста — родственников жениха. В этот же день «мели сор». Приносили в дом охапку соломы или сена, разбрасывали по полу, а жених с невестой мели. Свекровь давала невесте веник, повязанный новым полшалком. Гости бросали на пол деньги и подарки, жених с невестой подметали и собирали. По окончании сор заметался в угол и накрывался новым полшалком — подарком свекрови.

На пятый день гуляли у невесты, ездили к «тёще на блины». Жених с невестой обносили гостей блинами и чарочкой. Гости клали на тарелку либо деньги, либо подарки. Последний блин жених подносил еще, подложив под блин круп-

ную денежную купюру — в благодарность за хорошую, послушную дочь, будущую послушную и рачительную жену. «Спасибо, маменька, за жену», — говорил зять и разбивал тарелку на мелкие кусочки (на счастье).

На шестой день ходили «по воду». Вся свадьба во главе с женихом и невестой отправлялась на ближайший природный источник, чтобы совершить обряд «омовения». Невеста шла с ведрами и коромыслом, поскольку должна была набрать воды, пронести ее до самого дома жениха, не пролив ни капли (особая примета, которая определяла будущую жизнь молодых: гладкой ли будет жизнь, счастливой и благополучной, зависело от того, как невеста понесет воду).

На седьмой день — «боярский стол»: гуляли у жениха его друзья, «бояре». Это своего рода мальчишник, жених прощался с холостой жизнью, ведь отныне он переходил в новый статус — главы семейства, «хозяина». Здесь присутствовала только мужская часть гостей, преимущественно холостая.

На восьмой день — «перегашивание», гуляли в доме невесты, изредка переходя в дом жениха. Большая часть гостей уже отсутствовала, оставались только ближайшие родственники. Суть этого обряда — сближение чужих в общем-то людей, налаживание родственных отношений.

Последний день свадьбы — девятый: «притаптывание половиков». Гуляли в доме у невесты самые близкие уже родственники. Половики — тоже часть приданого — это дорожка в новую неизвестную жизнь, и «притаптать» ее полагалось ближайшим невесте и жениху людям.

Необходимо отметить, что многие элементы свадебного обряда сохранились в селе до наших дней: и сейчас еще можно увидеть, как бегают «цыгане», значит, у кого-то намечается свадьба, или идут на родник «молодые» в сопровождении многочисленных гостей и родственников. А уж «сор метут» непременно на каждой свадьбе.

Светлана КОРСАК

На границе двух миров

Мифология Царева Городища, ныне года Кургана, – это летопись отношений двух миров, – нашего и потустороннего, пристанища духов. Само название нынешнего областного центра произошло оттого, что он находился рядом с высоким холмом – Царевым Курганом. В русской мифологии, в русском фольклоре холм или гора всегда символизировали вход в царство мертвых. Жизнь на горе или рядом с горой – это жизнь и в обычном, и в потустороннем мире одновременно. Такое единство света и тьмы всегда рождало много таинственных легенд и историй.

Мертвый город

1659-м, 1660-м, 1662-м или 1663-м – каким-то из этих годов датируется основание самой отдаленной на тот момент южной русской слободы Царево Городище, рядом с высоким холмом, именуемым Царев Курган, на левом берегу Тобола, на крутом обрыве – Алгинском яру... Несмотря на то, что даты основания города русские летописцы называют разные, личность основателя точно установлена. В 1771 г. Зауралье посетил академик И.П. Фальк, отметивший, что «в половине прошлого столетия поселился здесь крестьянин Невежин на развалинах татарского города по причине хорошей пахотной земли». Крепость, построенная в виде четырехугольника, развивалась и росла. К концу XVII началу XVIII веков она занимала уже около 50 гектаров (500 000 квадратных метров!), чтобы укрыть в случае необходимости и население, и домашний скот.

По неизвестной причине Царево Городище к середине XVIII века стало мертвым городом. По одним источникам, Алгинский яр, состоящий из песка и глины, начал обваливаться, угрожая строениям, и большая часть жителей переселилась восьмью верстами ниже, на место нынешнего города. Новое поселение назвали деревней Курганской.

Чуть позже в уездной ведомости упоминается деревня Курганская и большой пустующий город рядом с ней. Вокруг брошенного поселения

– ров, высокая крепостная стена. Внутри – добротные дома, дороги. И ни единой живой души.

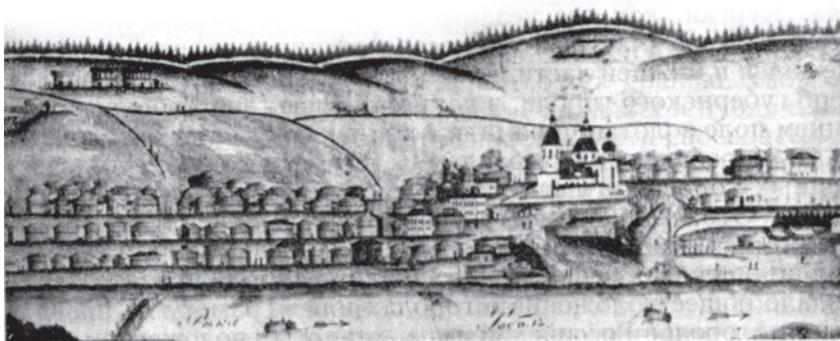
Если Алгинский яр начал разрушаться, как же тогда объяснить долгую сохранность Городища? Просто придумать другую причину, – почему люди оставили большой обжитой город – кроме разрушения берега очень сложно. Вопрос, почему умерло Царево Городище, скорее всего, так и останется без ответа.

Месть ханской дочери

О Царевом Кургане, на котором стоял город, существует легенда. В ней говорится, что на высоком (до 15 сажений) берегу реки Тобол, на живописном месте Алгинского яра (Алгин – с татарского значит «знаменитый», «отменный»), в древности имел свой юрт один знаменитый татарский хан...

«В семействе его отличалась необыкновенной красотой дочь. Судьбе угодно было в юности прекратить жизнь ее. Отец похоронил милое дитя вблизи своего жилища и над могилой приказал насыпать высокий курган».

Русские удалыцы узнавали о существовании древних могил с кладами и разрывали их. Во время такого грабежа погребенная под Царевым Курганом ханская дочь, не вынесшая нарушения покоя, принуждена была оставить свою могилу. В летнюю полночь вдруг из-под земли, на окованной серебром колеснице, запряженной двумя белыми лошадьми, показалась девица-красавица с распущенными волосами, в блестящем разными дорогими камнями головном уборе и богатейшем татарском платье. Она мгновенно пронеслась к западу и вместе с колесницей утонула в глубине Чухломского

Вид города Кургана с южной стороны. 1830-е годы. С гравюры неизвестного автора

озера (это название, вероятно, происходит от татарского слова «чуклимак» – повергаться, упадать). Часть грабителей ушла с погоста. Те же, кто остались, пропали. Никто никогда их больше не видел. Золото и ценности остались нетронутыми.

Вообще, Царев Курган является обителью умерших не только в мифологии и фольклоре. Здесь были обнаружены скифо-сарматские захоронения еще I тысячелетия.

Исчез Царев Курган

с лица города уже совсем недавно, в 60-е годы. Какому-то ретивому советскому хозяйственнику пришла в голову «светлая» мысль пустить в дело чернозем древнего кургана, и уникальный исторический памятник просто срыли бульдозерами. Сейчас на этом месте находится гостиница «Курган». Так прекратила свое существование грандиозная могильная насыпь, равной которой не было на всей огромной территории Южного Урала, Зауралья и Северного Казахстана.

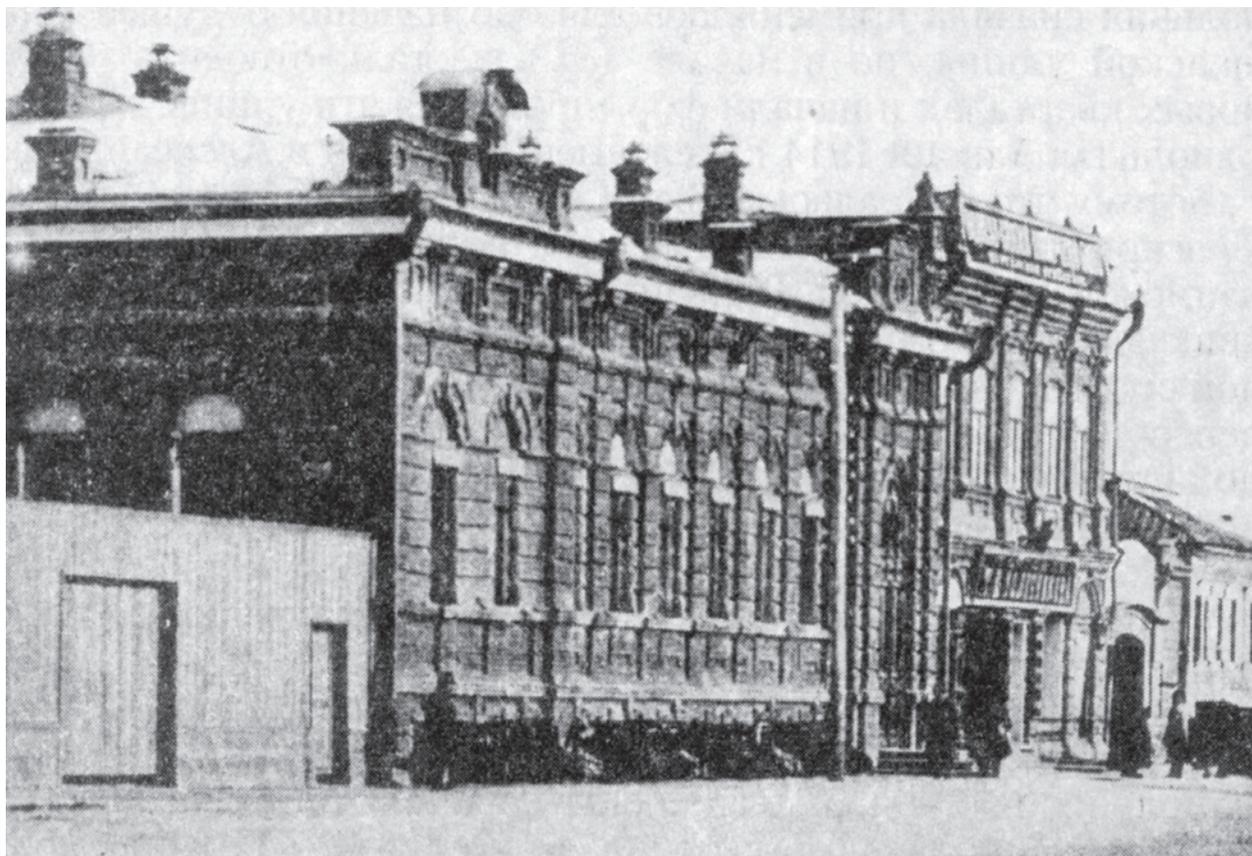
Город лишился не только своего сердца, но и многих своих мифов. Вместе с ними – части информации, которая наполняет жизнь человека смыслом, сообщая сокровенное о том пространстве, в котором он находится.

Курганское отделение Волжско-каменского коммерческого банка в доме В. И. Окладовикова. 1910-е годы

Дом купца К.М. Дунаева. 1910-е годы

Дом купца А.Д. Смолина и Т.Е. Колесникова. 1910-е годы